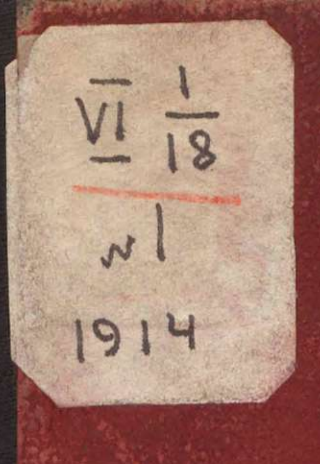

VI 1/18
w1
1914

VI 1/18

Кіевскій отдѣлъ Императорскаго Русскаго Военно-Историч. Общ.
Военно-Историческій Вѣстникъ
изд. при
Кіевскомъ Отдѣлѣ Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества
1-я книга
1914
6-й год. изд.

Годъ изданія VI. * 1914 * 4 раза въ годъ.

„Военно-Историческій * * * * * * Вѣстникъ“.

(Изд. при Кіевск. Отд. ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Военно-Историческаго Общества).

Въ 1914 году „Военно-Историческій Вѣстникъ“ выйдетъ 4-мя книжками, въ 8 лист. каждая.

ПРОГРАММА: 1) Статьи по исторіи военнаго дѣла, какъ общаго характера, такъ и спеціальныя, посвященныя исторіи развитія военной техники (съ картами, схемами и фотографіями). 2) Статьи по историческому изслѣдованію тѣхъ сторонъ общественной жизни страны, которыя имѣли непосредственное вліяніе на военную ея исторію. 3) Изданіе документовъ и описаніе памятниковъ (съ иллюстраціями), находящихся по преимуществу въ раіонѣ дѣятельности Кіевскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Военно-Историческаго Общества и имѣющихъ отношеніе къ военной исторіи. 4) Военно-историческая хроника. 5) Библіографія. 6) Смѣсь. 7) Внутренняя жизнь ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Военно-Историческаго Общества, вообще, и Кіевскаго Отдѣла, въ частности. 8) Объявленія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Подписная плата **понижена:** 5 руб. въ годъ, съ доставкой и пересылкой. За границу—9 рублей. Допускается разсрочка отъ 50 коп. въ мѣсяцъ. Для г.г. служащихъ подписка принимается черезъ казначеевъ, по желанію, съ разсрочкой. Можно подписываться во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

УСЛОВІЯ ПРІЕМА ОБЪЯВЛЕНІЙ: Объявленія принимаются для печатанія ихъ послѣ текста, за плату: цѣлая страница—15 р., 1/2 стр.—8 р., 1/4 стр.—4 р. На 3 и 4 стран. обложки—на 25% дороже.

Редакція: Кіевъ. Банковая, 11.

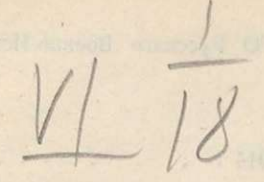
Редакторъ: *Н. Ф. Нарневичъ.*

Кіевскій отдѣлъ Императорскаго Русскаго Военно-историч. общ.
ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ
XIV-559
ИЗД-ПРИ
КІЕВСКОМЪ ОТДѢЛѢ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА.
1-я
1914
6-й
КНИГА
ГОД. ИЗД.
О.
Ш.
БИБЛІО-ТЕКА

КІЕВЪ.

Типографія Окружнаго Штаба, Банковая улица, домъ № 11.

1914.

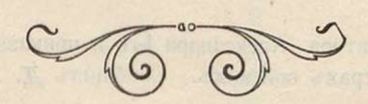

Содержаніе 1-й книги „Военно-Историческаго Вѣстника" за 1914 годъ.

I.

III.

IV.

Старо-Кіевская и Печерская крѣпости.

Въ «Военно-Историческомъ Вѣстникѣ» за 1909 годъ (кн. I) были помѣщены свѣдѣнія о крѣпостныхъ сооруженіяхъ Кіева (по Закревскому), заключающія въ себѣ нѣкоторыя данныя о Старо-Кіевской крѣпости. Приводимъ въ краткомъ перечнѣ эти свѣдѣнія съ тѣмъ, чтобы, въ виду исполнившагося 200-лѣтія закладки Императоромъ Петромъ I Кіево-Печерской крѣпости, освѣжить ихъ въ памяти читателей и затѣмъ, сдѣлавъ нѣкоторыя поправки и поясненія, дополнить ихъ болѣе подробными свѣдѣніями о прошломъ въ исторіи укрѣпленія города Кіева.

Исторія старыхъ Кіевскихъ валовъ въ «Военно-Историческомъ Вѣстникѣ», по Закревскому, была приведена такъ:

«До нашествія татаръ, валы и окопы вокругъ Кіева упоминаются въ лѣтописяхъ неоднократно. По удаленіи татаръ, владѣтели Кіева, Галицкіе князья, никакихъ заботъ о возстановленіи укрѣпленій не прилагали. Литовскіе князья, владѣя Кіевомъ съ 1320 по 1569 г., также не заботились объ укрѣпленіи его, только Гедиминъ и Ольгердъ ставили для защиты жителей отъ набѣговъ татаръ самонужнѣйшія укрѣпленія, пользуясь старыми валами, оставшимися отъ татарскаго нашествія».

«Съ 1569 по 1667 г., подъ владычествомъ польскихъ королей, Кіевъ оставался при прежнихъ полуразрушенныхъ валахъ, поляки же ограничивались укрѣпленіемъ своего замка, возвышавшагося надъ Подоломъ, но все же старые валы оставались внушительнаго вида, такъ какъ о. Кальнофойскій въ 1654 г. называлъ ихъ великими».

«Въ 1654 г., во время русско-польской войны, кн. Янушъ Радзивиллъ, гетманъ Литовскій, исправилъ Кіевскіе валы, а русскій воевода кн. Өеодоръ Семеновичъ Куракинъ возобновилъ древнюю крѣпость на Старомъ городѣ и распространилъ ее. При взятіи турками Чигирина, 22 іюля 1678 г., подъ Кіевомъ было собрано многочисленное войско Московское и Запорожское, и князь Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій обвелъ Кіевскій градъ многими крѣпкими валами, ожидая нашествія турокъ. Старый городъ увеличился пространствомъ къ Крещатикской сторонѣ, и кн. Черкасскій оградилъ его новымъ валомъ отъ Михайловскаго монастыря до Золотыхъ воротъ. Въ этомъ нижнемъ валу были и каменныя ворота, названныя Печерскими, существовавшія до 1833 года, гдѣ теперь Крещатицкій базаръ, возлѣ урочища Козье Болото. О состояніи Старокіевской крѣпости въ 1682 году обстоятельно сообщаетъ офиціальная роспись Кіеву».

«Въ 1684 году генералъ Патрикъ Гордонъ возобновилъ испорченныя мѣста этой крѣпости и оканчивалъ сооруженіе верковъ, а слѣдующее возобновленіе ихъ производилось по распоряженію гр. Миниха съ 1732 по 1737 г., изъ опасенія нашествія турокъ, при чемъ, сверхъ старыхъ окоповъ и деревянныхъ укрѣпленій, насыпанъ огромный валъ вокругъ Стараго города, а Подолъ и Печерскъ соединены съ нимъ ретраншаментами».

«Послѣ этого, укрѣпленія Стараго Кіева совсѣмъ оставлены, а съ 1812 г., особенно въ 1834 г., стали ихъ раскапывать и сносить. Въ остаткѣ стариннаго вала надъ Боричевымъ спускомъ, въ 1834 году, М. Максимовичъ замѣтилъ подъ слоемъ земли древнѣйшую основу, можетъ быть, первоначальнаго вала, окружавшаго Кіевъ. Въ валу надъ краемъ Андреевской горы истлѣваютъ большіе деревянные срубы, которые лежали поверхъ деревяннаго окопа, вокругъ Кіева».

Къ выше приведенному описанію исторіи Кіевскихъ валовъ необходимо сдѣлать поправки, указанныя профессоромъ В. Б. Антоновичемъ въ его статьѣ «Объ уничтоженіи Ярославова вала» (Чтен. въ Историч. Общ. Нест. Лѣтописца, кн. 10, 1896 г.), а именно:

1. Ни Гедиминъ, ни Ольгердъ не возводили никакихъ укрѣпленій въ Кіевѣ, потому что не княжили въ немъ. Завоеваніе Кіева Гедиминомъ въ 1321 г. не болѣе, какъ историческое недоразумѣніе, Ольгердъ же, овладѣвъ городомъ въ 1362 году, немедленно отдалъ его въ удѣлъ своему сыну Владиміру и никогда въ немъ не распоряжался; о возведеніи этими князьями укрѣпленій въ Кіевѣ не говоритъ ни слова ни одинъ изъ источниковъ, да и причинъ возводить укрѣпленія для защиты отъ набѣговъ татаръ въ то время не было, потому что въ княженіе Гедимина и Ольгерда (1316—1377 г.г.) татары ни разу не нападали на Кіевскую землю; разлагавшаяся Золотая Орда не предпринимала уже отдаленныхъ походовъ, а Крымское ханство тогда еще не сложилось.

2. Относительно фортификаціонныхъ сооруженій гетмана Радзивилла—

также ошибка: по показаніямъ современниковъ (Ерлича и Освѣцима), Радзивиллъ, занявъ Кіевъ 5 августа 1651 г., простоялъ въ немъ только одинъ мѣсяцъ, размѣстивъ свой лагерь у св. Софіи, и усиливъ гарнизонъ Печерска, а 11 сентября подошелъ уже къ Бѣлой Церкви для соединенія съ польскою арміею. О возведеніи имъ фортификацій источники не упоминаютъ ни слова; онъ не имѣлъ на это ни времени, ни даже права, потому что Радзивиллъ былъ гетманъ Литовскій, а Кіевъ находился въ раіонѣ коронного гетмана.

Проф. В. Б. Антоновичъ отмѣчаетъ эти неточности, извлеченныя изъ сочиненія Закревскаго г. Т. Кибальчичемъ, который полагалъ, что оборона Стараго Кіева укрѣпленіями, сооруженными Ярославомъ, простиралась и на «Кудрявицъ» (мѣстность между Обсерваторнымъ и Подвальнымъ переулками), или охватывая его главною линіею вала, или же образуя на Кудрявцѣ особое городище. Г. Кибальчичъ, въ обширной статьѣ, напечатанной въ Кіевской газетѣ «Жизнь и Искусство» за 1896 г. №№ 215, 229, 236 и 250, указывалъ на варварское уничтоженіе послѣдняго, остававшагося еще нетронутымъ, отрѣзка Ярославова вала на Кудрявцѣ, по Подвальному переулку, въ усадьбѣ бывшей г. Рокачевскаго, пріобрѣтенной Кіевскимъ акцизнымъ управленіемъ подъ зданіе для оптоваго виннаго склада.

Возраженія г. Кибальчичу проф. В. Б. Антоновича, въ его статьѣ «Объ уничтоженіи Ярославова вала», представляютъ большой интересъ приведенными въ нихъ историческими данными о Старо-Кіевскихъ валахъ.

По словамъ проф. Антоновича, въ лѣтописяхъ и сказаніяхъ современниковъ можно выбрать много цитатъ о древнихъ кіевскихъ урочищахъ: Боричевѣ и Дорогожичахъ, о значеніи Кіева, о количествѣ бывшихъ въ немъ церквей, о пожарахъ, о разореніи города въ 1171, 1203 и 1240 г.г., но нигдѣ нѣтъ указаній о мѣстѣ Ярославова вала. Единственное указаніе встрѣчается въ Густынской лѣтописи, что «Заложи Ярославъ Кіевъ городъ большій и осыпа и валомъ великимъ и созда въ немъ церковь прекрасную св. Софіи и при ней двѣ вежи позлащенныя... созда же и врата каменныя, въ нихъ же двери златыя постави, на вратѣхъ-же церковь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы». Ни о контурѣ валовъ, ни тѣмъ болѣе о вынесенномъ впередъ на Кудрявецъ укрѣпленіи, не имѣется никакихъ свѣдѣній. Въ лѣтописи о событіяхъ 1151 года разсказано, какъ великій князь Изяславъ Мстиславовичъ, защищая Кіевъ отъ Юрія Долгорукаго, размѣстилъ отряды своихъ союзниковъ вокругъ Кіевскихъ укрѣпленій, но къ несчастью почти всѣ названія урочищъ, указанныхъ въ лѣтописи, не сохранились; остаются извѣстными названія только воротъ *Золотыхъ*, *Жидовскихъ* (потомъ названныхъ *Львовскими*)--на Львовской площади, и *Лядскихъ*—лежавшихъ при началѣ нынѣшней Софійской улицы. По этимъ тремъ точкамъ Максимовичъ и Закревскій начертили гипотетическую линію Ярославова вала, сѣвернымъ предѣломъ коей служатъ Львовскія ворота.

Проф. Антоновичъ не соглашается считать остатки насыпи на углу Обсерваторнаго и Подвальнаго переулковъ за укрѣпленіе, вынесенное передъ фронтъ Ярославовыхъ валовъ, такъ какъ, наблюдая всѣ городища, оставшіяся въ нашемъ краѣ отъ княжескаго періода и не подвергавшіяся передѣлкѣ въ послѣдующее время (Вышгородъ, Пересѣчень, Городескъ, Неятинъ, Витичевъ, Бакожинъ и друг.), считаетъ характеристическими ихъ признаками: а) въ нихъ нѣтъ ни прямолинейныхъ валовъ, ни угловъ; валы слѣдуютъ по контуру избранной возвышенности, представляя кривизны, выпуклыя или выгнутыя; б) передъ линіею валовъ нѣтъ передовыхъ фортовъ; в) при желаніи усилить укрѣпленія, достигали этого, прибавляя къ наружному валу внутри его концентрическія параллельныя линіи; этихъ параллелей бывало иногда 4, 5, даже 8 (Пересѣчень, Бакожинъ, Пироговъ, Вышгородъ). Усиленіе старыхъ Ярославовыхъ валовъ позднѣйшими присыпками могло имѣть мѣсто лишь въ позднѣйшее время, во 2-ой половинѣ XVII вѣка. Въ 1679 году, въ Кіевѣ сосредоточились значительныя военныя силы воеводы Петра Васильевича Шереметева и гетмана Ивана Самойловича, вслѣдствіе тревоги, возбужденной въ краѣ взятіемъ турками Чигирина и Канева; начальники эти, какъ сказано въ Синопсисѣ и въ лѣтописи Самуила Велички, принялись возводить городскія укрѣпленія: «въ порожнованію часу не тратячи, войска московскіе верхній городъ Кіевъ, идеже церковь св. Софіи... глубокими рвами и высокими валами обведоша и умоцниша». Эти укрѣпленія, начатыя въ 1679 году, были готовы въ 1682 году и тогда же было составлено описаніе ихъ для доклада царю Ѳеодору Алексѣевичу. Эта роспись городу Кіеву была нѣсколько разъ напечатана. По ея тексту и по плану Кіева 1695 года видно, что валы, построенные къ 1682 году, покрыли прежніе Ярославовы валы и уничтожили послѣдніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не оказалось въ нихъ надобности. Шереметевскіе валы существовали до половины XIX вѣка, когда при прокладкѣ новыхъ улицъ и постройкѣ на нихъ частныхъ домовъ эти валы были снесены.

Къ Шереметевскимъ валамъ сдѣланы были добавки графомъ Минихомъ, который во время турецкой войны устроилъ въ Кіевѣ главный складъ боевыхъ запасовъ и провіанта для арміи, дѣйствовавшей противъ Очакова и Крыма. Въ 1736 году въ Кіевѣ крѣпостныя работы производились ежедневно, и въ декабрѣ оставались неукрѣпленными только нѣкоторые отдаленные монастыри (Соловьевъ. Ист. Россіи, т. XX, стр. 101). Минихъ повысилъ прежніе воеводскіе валы и засыпалъ Золотыя ворота; сверхъ того, съ одной стороны линія его ретраншаментовъ соединила Старогородскую крѣпость съ Печерскою, а съ другой охватила Кудрявецъ. Линіи эти весьма точно нанесены Берлинскимъ на его планѣ Кіева, и показанія Берлинскаго объ ихъ происхожденіи заслуживаютъ полнаго довѣрія, такъ какъ онъ, составляя планъ 80 лѣтъ спустя послѣ сооруженія валовъ Минихомъ, былъ современникомъ второго поколѣнія кіевлянъ, присутствовавшихъ при на-

сыпкѣ валовъ Минихомъ и сохранившихъ объ этомъ еще свѣжее воспоминаніе. Такимъ образомъ, валъ на Кудрявцѣ, приписываемый вел. князю Ярославу, по мнѣнію профес. Антоновича, можетъ быть лишь однимъ изъ ретраншаментовъ Миниха.

Членъ Историч. Общества Нестора Лѣтописца, В. И. Щербина, къ этому мнѣнію проф. Антоновича, добавилъ предположеніе, что валъ за чертою городскихъ укрѣпленій, на Кудрявцѣ, можно считать остаткомъ находившагося тамъ замка католическаго бискупа. В. Б. Антоновичъ не отвергаетъ это предположеніе, такъ какъ топографія «бискупіяго замка» до сихъ поръ гадательна, но полагаетъ, что, если считать мѣстомъ замка валъ, вынесенный впередъ по плану Кіева 1695 г., то его нельзя отождествлять съ остатками вала въ усадьбѣ Рокачевскаго, потому что показанный на планѣ земляной валъ имѣетъ фигуру неполнаго квадрата съ двумя прямыми углами и по мѣстоположенію (на Ю. З. отъ Львовскихъ воротъ) ближе подходитъ къ площади нынѣшней астрономической обсерваторіи, валъ же въ усадьбѣ Рокачевскаго представляетъ двѣ прямыя линіи, сходящіяся подъ прямымъ угломъ, и относительное положеніе его къ городу иное.

Упомянувъ выше въ передачѣ статьи профес. Антоновича, что Минихъ, укрѣпляя Старый Кіевъ, засыпалъ Золотыя ворота, необходимо замѣтить, что это указаніе, взятое изъ сочиненія Закревскаго, не относится къ окончательному закрытію землею этихъ воротъ: изъ историко-топографическихъ очерковъ древняго Кіева заслужен. профессора Кіевской Духовной Академіи Н. И. Петрова (Кіевъ, 1897 г.) и описанія открытія Золотыхъ воротъ, по бумагамъ открывшаго ихъ К. А. Лохвицкаго (статья Н. Оглоблина, въ 5 кн. Чтеній въ Ист. Общ. Нест. Лѣтописца), видно, что Золотыя ворота, по указу Императрицы Елизаветы Петровны, 11 августа 1743 года опредѣлено было не ломать, и засыпаны они были только въ 1750 или 1751 г.

Профессоръ Н. И. Петровъ, въ его Историко-топографическихъ очеркахъ древняго Кіева, излагаетъ исторію Золотыхъ воротъ такъ: построенныя Ярославомъ I, Золотыя ворота съ Благовѣщенскою надъ ними церковью, по свидѣтельству Аѳ. Кальнофойскаго, были весьма похожи на уцѣлѣвшія доселѣ святыя врата Печерской лавры съ каменною же надъ ними церковью св. Троицы. Снаружи Золотыхъ воротъ была икона Благовѣщенія Пресвят. Богородицы, вѣроятно, фресковая, писанная на стѣнѣ и упоминаемая въ лѣтописи подъ 1151 годомъ. Ворота эти, конечно, пострадали въ 1240 году, при взятіи Кіева татарами, но еще до половины XVII вѣка въ валу виднѣлись развалины воротъ съ остатками храма, а именно: входными дверями, окнами и высокими стѣнами. Въ 1682 году они были укрѣплены желѣзною рѣшеткою, подъемнымъ мостомъ, калитками, и внѣшнимъ бастіономъ. Вѣроятно, тогда же московскіе военные люди поставили надъ этими воротами икону Богородицы (ошибочно названную

Казанскою), которая въ 1699 году была передана въ Кіевскую Троицкую церковь, гдѣ находится и нынѣ. Въ 1743 году, по представленію о необходимости исправленія Золотыхъ воротъ, послѣдовалъ изъ Правительствующаго Сената Высочайшій указъ, въ которомъ было сказано: «По указу Ея Императорскаго Величества (т. е. Императрицы Елизаветы Петровны), правительствующій сенатъ по доношенію военной коллегіи, которымъ представляла, что в ту коллегію киевская гарнизонная канцелярія доноситъ: обретающияся де тамо у починки киевскихъ и протчихъ крепостѣй и ретранжементов инженеръ подполковникъ Дебоскетъ представлял, что усмотрено имъ в верхнѣмъ городѣ Киеве над Золотыми проежжими Воротами зделанъ валганкъ из брусьевъ и з досокъ; которые де брусья и доски весма погнили и пришли в негодность, и з немалымъ страхомъ пешые люди по оном ходятъ, и артилерии перевозить никакъ невозможно, и чтобъ здѣлать валганкъ; да подле техже Воротъ выходъ обвалился, а на оных Воротахъ имѣютца от бывшей каменной церкве стены, которые де для делания оного валганка и воротъ сломать, ибо де без ломания оныхъ стенъ того валганка и воротъ понадлежащему зделать не можно; а понеже те каменные стены из древних болѣе петисотъ летъ состоятъ и прежде бывъшими в Киевѣ инженерами сломаны не были, и для того та канцелярия безъ особливаго указу сломать ихъ не можетъ, и требовала о томъ указа; приказали: показанныхъ в Киевѣ церковныхъ стенъ не ломать, а валганкъ и помянутой выходъ, какъ потребно, починить, исправить, зделавъ для тверъдости каменной фундаментъ в самой крайнѣй скорости; понеже, какъ выше показано, оные стены из древнихъ болѣе петисотъ летъ состоятъ, и прежними инженерами ломаны не были, и для того, дабы оной валганкъ и выходъ исправлѣны были и ныне без сломания оных стенъ конечно в нынешнемъ лете, о томъ велеть прилежное старание иметь; чего ради к тому исправлению и другихъ инженерныхъ офицеровъ определить. И сего ж 9-го дня августа 1743 года, по тому Ея Императорскаго Величества указу в государственной военной коллегіи определено о неломаніи в Киевѣ вышеписанныхъ имѣющихся над Золотыми Воротами от бывшей каменной церкве церковныхъ стѣнъ, а валганка и выхода, какъ потребно, о починки и исправленіи, сдѣлавъ для твердости каменной фундаментъ, въ самой крайней скорости, и дабы оное исправлено было конечно в нынешнемъ лете; въ томъ о имении прилежного старания и определеніи к тому исправлению и другихъ инженерных офицеровъ исполнение учинить. Канцелярия главной артилеріи и фортификаціи; о томъ в тое канцелярию указъ посланъ; генералу фелтмаршалу и кавалѣру, сенатору и государственной военной коллегіи президенту, князь Василью Володимеровичу Долгорукову о том ведать. Августа 11 дня, 1743 года». (Изъ отдѣльныхъ документовъ Кіев. Центральн. Архива).

Въ 1745 году, Кіевскій генералъ-губернаторъ, генералъ-лейтенантъ

Леонтьевъ, доносилъ, что столбы деревянные, поставленные внутри Золотыхъ воротъ, съ перекладинами и досками, погнили и пошатались, а своды и стѣны воротъ грозятъ паденіемъ. Назначенный отъ военной коллегіи инженеръ-подполковн. Дебоскетъ, въ 1750 году, проектировалъ построить другія каменныя ворота, а старыя Золотыя ворота, для сохранности вида древности, засыпать внутри ихъ сторонъ землею, «при этомъ на нихъ старыя церковныя, каменныя стѣны и своды по прежнему оставить, и ежели понадобится, то поддѣлать ихъ снизу новымъ камнемъ». Этотъ проектъ былъ утвержденъ и выполненъ, вѣроятно, въ 1751 году, но отъ новыхъ воротъ, существовавшихъ до 1799 года, не осталось никакихъ слѣдовъ, а засыпанныя Золотыя ворота открыты были въ 1832 году г. Лохвицкимъ и, по указу Императора Николая I, въ 1836—1837 г.г., укрѣплены контрфорсами и желѣзными связями.

Въ статьѣ Н. Оглоблина, составленной по бумагамъ К. А. Лохвицкаго, которому принадлежитъ починъ и трудъ открытія Золотыхъ воротъ, отмѣчено, что на рѣшимость его заняться раскопкой воротъ оказалъ особенное вліяніе генералъ-фельдмаршалъ, графъ (впослѣдствіи князь) Фабіанъ Вильгельмовичъ Сакенъ, главнокомандующій 1-ой арміею. Лохвицкій неоднократно, съ большою благодарностью, вспоминаетъ о графѣ Сакенѣ, говоря, что раскопку воротъ произвелъ «по особому порученію» Сакена, въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что «по соизволенію и убѣжденію генералъ-фельдмаршала», а въ докладной запискѣ, поданной графу Гурьеву, пишетъ, что открылъ ворота «съ пособіями и по убѣжденію князя Сакена». Очевидно, что засыпаны были Золотыя ворота весьма прочно, такъ какъ Лохвицкій, рѣшившись откопать ихъ, положилъ предварительно много труда на изученіе исторіи и мѣста нахожденія ихъ; онъ зналъ, что они были засыпаны въ XVIII вѣкѣ, но ошибался, относя это къ царствованію Анны Ивановны; въ одной изъ своихъ записокъ онъ говоритъ, что ворота «при укрѣпленіи стараго Кіева графомъ Минихомъ совсѣмъ въ валу засыпаны землею». Сильнымъ толчкомъ къ раскрытію воротъ было знакомство Лохвицкаго съ видомъ развалинъ ихъ, снятымъ съ натуры въ 1651 году и найденнымъ въ Петербургѣ въ портфелѣ польскаго короля Станислава Августа; видъ этотъ былъ напечатанъ въ № 1-мъ журнала «Сѣверный Архивъ» за 1822 г. Лохвицкій сдѣлалъ полную выписку статьи, помѣщенной въ этомъ журналѣ.

Сохранились свѣдѣнія о томъ видѣ Золотыхъ воротъ, въ какомъ они показались при раскопкѣ ихъ въ 1832 г.: «Верхняя часть сводовъ оказалась разломана; стѣны строенія каменнаго, съ полуколоннами, отъ перваго до четвертаго столба примыкающими къ стѣнѣ; двѣ полуколонны внутрь воротъ. Равнымъ образомъ и съ правой стороны внутрь воротъ такое же разстояніе между стѣнъ съ простѣнками и полуколоннами должно быть, ибо съ правой стороны не совсѣмъ открыто; спереди воротъ въ

свѣтлости 12 аршинъ, а внутрь отъ въѣзда до выѣзда 38 аршинъ. Стѣны и полуколонны щекатурены, но къ симъ стѣнамъ и полуколоннамъ пристройка примѣтно придѣлана нещекатурная, чрезъ что можетъ быть откроются и окошки, которыя направо и налѣво закрыты. Вся кладка воротъ изъ кирпичей старой формы, родъ посадки, и изъ тесанныхъ камней, на древнемъ цементѣ. Кирпичъ толщиной въ полвершка, длина 8, а ширина 6 вершковъ съ половиною».

О необычайной крѣпости развалинъ, Лохвицкій въ одной изъ своихъ записокъ пишетъ, что фундаменты съ обѣихъ сторонъ подъ стѣнами оказались толщиною въ 14 фут., а глубиною въ землѣ глинистой—въ 7 фут., съ контрфорсами двойныхъ стѣнъ, связанныхъ древнимъ цементомъ, на которомъ кладка сего зданія составляетъ одну массу, и если сіе древнее зданіе чрезъ 8 вѣковъ осталось въ такой крѣпости, что ломомъ нельзя отдѣлить цементъ отъ кирпичей и дикихъ камней, то остатки Золотыхъ воротъ могутъ простоять еще 10 вѣковъ при сбереженіи хозяйственномъ.

Къ осени 1832 г. видъ открытыхъ воротъ Лохвицкій дополняетъ слѣдующимъ описаніемъ: «Полуколонны Золотыхъ воротъ плоскія. Съ лѣвой стороны при входѣ изъ города во врата, по фасаду, вдоль имѣютъ 11$^1/_2$ саж. Съ правой стороны внутрь вратъ по фасаду 5$^1/_2$ саж. Между стѣнами въ планѣ воротъ ширина 3$^1/_2$ саж., вышина 4$^1/_2$ саж. Длина же внутренности воротъ въ проѣздѣ должна быть 12 саж., потому что подъ землею фундаментъ продолжается 12 саж. Длина правой стѣны воротъ должна бы быть одинакова съ лѣвою стороною, между тѣмъ лѣвая сторона имѣетъ въ натурѣ 11$^1/_2$ саж., а правая—только 5$^1/_2$ саж.». Лохвицкій объясняетъ это тѣмъ, что «съ поля», т. е. со стороны противоположной въѣзду въ ворота изъ города, правая сторона воротъ совсѣмъ истреблена; недостаетъ здѣсь стѣны на 6 саж.

При въѣздѣ въ ворота изъ города открыты на лѣвой стѣнѣ полукруглыя фальшивыя 4 окна съ арками, или сводами. Окна оказались заложенными древнимъ кирпичемъ и каменьями. При сихъ вратахъ были каморы или кладовыя, какъ изъ «Пролога» ноября 26 дня явствуетъ. Эти каморы очень интересовали Лохвицкаго, и онъ долго не терялъ надежды найти ихъ. Въ запискѣ конца 1832 г. онъ говоритъ, что, хотя и открыты совсѣмъ ворота, но можетъ быть въ стѣнѣ закрытъ ходъ въ каморы, потому что чувствительна пустота на лѣвой сторонѣ въ концѣ воротъ, изъ чего заключить можно, что должны быть подъ стѣнами въ каморахъ своды. Найденные при раскопкѣ воротъ предметы древности, пожертвованные Лохвицкимъ въ 1834 г. въ музей университета, были слѣдующіе: крестъ въ кругу съ фигурами на разбитой шиферной плитѣ фіолетоваго цвѣта, какъ на гробницѣ Ярослава въ Софійскомъ соборѣ; вѣнецъ желѣзный съ иконы; крючокъ отъ лампады; пика и стрѣлы желѣзныя и 6 кратъ

листового золота, изъ того, которымъ были обиты Золотыя ворота и которымъ въ древности обкладывались у иконъ желѣзные вѣнцы.

Къ осени 1832 года Золотыя ворота были настолько раскрыты, что генералъ-губернаторъ гр. Левашовъ, по мысли Лохвицкаго, нашелъ возможнымъ предложить проѣзжавшему въ то время черезъ Кіевъ Императору Николаю I осмотрѣть этотъ памятникъ древности. Государь посѣтилъ развалины 9 сентября 1832 года и, пройдя черезъ ворота, изволилъ сказать: «Памятникъ, достойный сохраненія».

Отрытіе воротъ настолько, что ихъ можно было показать Государю, повело, вѣроятно, къ охлажденію въ дальнѣйшей помощи Лохвицкому въ его раскопкахъ; это видно изъ того всеподданнѣйшаго прошенія, съ которытъ Лохвицкій обратился къ Государю Императору о дозволеніи продолжать раскрытіе древностей въ Кіевѣ вообще и о дальнѣйшемъ раскрытіи Золотыхъ воротъ въ частности. Г. Оглоблинъ приводитъ интересный сохранившійся отрывокъ чернового прошенія:

«... Рылся я въ этой древней столицѣ русскихъ славянъ не для славы, почести или сокровищъ. Для вѣчной достаточно трехъ словъ вдохновенныхъ князя—царя царей: „памятникъ, достойный сохраненія“. Златыя врата открыты посильными трудами моими и складчиною любителей священныхъ древностей, по указанію рукописной лѣтописи Кіевской о славныхъ дѣлахъ предковъ Вашего Императорскаго Величества».

«Италія сохраняетъ какъ святыню черепки древней Помпеи и Геркулана, а мы русскіе неужели охладѣемъ къ остаткамъ истинной свято-кіевской древности... При открытіи остатковъ фундаментовъ Свято Десятинной церкви отрыта была неизвѣстная гробница, можетъ быть превосходнѣе (т. е. въ смыслѣ древности) гробницы в. кн. Ярослава Владиміровича, находящейся въ Софійскомъ соборѣ. Но усердіе мое осталось безъ успѣха. Гробница эта въ 1826 году опять *зарыта*... Да и прочіе знаменитые памятники, открытые мною—одни зарыты, другіе остаются въ небреженіи».—

Прошеніе это имѣло значительный успѣхъ. Послѣдовало Высочайшее повелѣніе отъ 4 генваря 1833 года, разрѣшавшее Лохвицкому продолжать раскрытіе древностей подъ покровительствомъ гр. Левашова.

Въ апрѣлѣ 1833 г. Лохвицкій отрылъ въ лѣвой стѣнѣ воротъ «на свой коштъ три окна со сводами, закладенныя древними кирпичами», а лѣтомъ шла очистка воротъ отъ грязи и нечистоты. Тѣ же работы продолжались и въ 1834 году и шли настолько успѣшно, что въ началѣ іюня Лохвицкій донесъ гр. Левашову, что «съ Золотыхъ воротъ земля снята и начали стѣны мыть со святою водою».—О торжествѣ освященія воротъ, состоявшемся 25 іюня 1834 г., Лохвицкій донесъ, что въ высокоторжественный день рожденія Государя Императора, Золотыя ворота, при молебственномъ служеніи святителю Николаю, по окончаніи очистки, окроплены святою водою, а вечеромъ были иллюминованы.

Въ это же время Золотыя ворота перешли въ вѣдѣніе состоящаго при университетѣ «Комитета по раскрытію и сохраненію кіевскихъ древностей».—Лохвицкій, по несогласіямъ съ комитетомъ, скоро вышелъ изъ его состава; въ числѣ несогласій, было и предпринятое, вопреки мнѣнію Лохвицкаго, укрѣпленіе Золотыхъ воротъ желѣзными прутьями, которые онъ считалъ совершенно ненужными; для нихъ пришлось проломать въ остаткахъ воротъ насквозь 4 дыры и эти дыры каменщики, со всѣмъ усиліемъ, ломали 2 недѣли, а потомъ, вложивши прутья, замазали ихъ свѣжею известью, черезъ что, по мнѣнію Лохвицкаго, «безъ всякой нужды, подвергли порчѣ, и даже разрушенію, восьми вѣковую священную древность, которая могла бы простоять безъ всякой помощи и еще столько же, такъ какъ фундаментъ воротъ углубленъ на сажень и имѣетъ толщину 2 саж. на греческомъ цементѣ, который связалъ дикій камень съ кирпичами столь крѣпко, что никакое вліяніе воздушныхъ перемѣнъ не можетъ повредить имъ.—

Въ ожиданіи Высочайшаго посѣщенія, въ 1832 г., Лохвицкій снялъ съ натуры планъ фасада и профилей Золотыхъ воротъ и поднесъ Государю, а въ 1834 году этотъ планъ былъ провѣренъ и исправленъ и одинъ экземпляръ его былъ переданъ Лохвицкимъ въ университетъ.

Въ 6-ой книгѣ «Чтеній въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца» 1892 г. помѣщенъ интересный полный «Росписной списокъ» города Кіева 1700 года, представляющій какъ бы опись, по которой назначенный кіевскимъ воеводою генералъ-маіоръ Фамендинъ принялъ Кіевскую крѣпость въ сентябрѣ 1700 года отъ князя Петра Ивановича Хованскаго. Надо замѣтить, что въ Кіевскомъ Синопсисѣ кн. П. И. Большой Хованскій показанъ съ 1697 года послѣднимъ кіевскимъ воеводою до 1700 года, а генералъ-маіоръ Фонмендинъ показанъ съ 1700 года первымъ губернаторомъ (въ 1701 г.).

Росписной списокъ Фамендина (или Фонмендина) напечатанъ въ книжкѣ «Чт. Истор. Общ. Нест. Лѣтоп.» протоіереемъ П. Г. Лебединцевымъ съ слѣдующимъ его поясненіемъ:

«Кіевъ, въ первый его великокняжескій періодъ, былъ окруженъ земляными валами съ нѣсколькими воротами, изъ коихъ лѣтопись упоминаетъ ворота Золотыя, Львовскія, иначе жидовскія, Лятскія и Подольскія, называвшіяся въ XVII вѣкѣ Кіевскими. Отъ вала, окружавшаго городъ, шли отдѣльные валы: одинъ—отъ Львовскихъ воротъ по нынѣшней Бульварно-Кудрявской улицѣ до Олеговой могилы, на которой нынѣ стоитъ Астрономическая Обсерваторія, и отъ этой могилы обратно къ городу въ огородъ св. Іоанна; этой вѣтви позднѣе давалось названіе «Пробитый валъ». Другой валъ шелъ отъ Золотыхъ воротъ по нынѣшней Прорѣзной улицѣ до Крещатика и далѣе въ Липки, къ Клову, гдѣ нынѣ Женское Училище Духовнаго вѣдомства, и черезъ Кловскій спускъ до Берестова, въ которомъ подлѣ Аскольдовой могилы были Угорскія ворота.

Изъ лѣтописи можно видѣть, что Старый Кіевъ дѣлили на двѣ части:

Въ меньшей части Кіева были:

Десятинная церковь съ дворомъ доместиковъ (пѣвческій), Андреевскій или Янчинъ монастырь—за Десятинною церковью; Монаст. св. Симеона, гдѣ нынѣ домъ кн. Трубецкого; Церк. св. Василія на большомъ Ярославовомъ дворѣ, гдѣ нынѣ Женское Училище Духовнаго вѣдомства; Монаст. св. Өеодора, или Ватній—на углу Десятин. и Б. Житом. ул.; Бабинъ торжокъ, гдѣ нынѣ Реальное Училище. Дворы Глѣбовъ и Мстиславль.

Въ большемъ, Ярославовомъ городѣ, простиравшемся отъ меньшаго къ Золотымъ воротамъ:

Св. Софія, митрополія русская, церкви св. Георгія и св. Ирины съ монастырями при нихъ, нынѣшній дворъ Михайловскаго монастыря съ бывшими въ немъ церквами: св. Михаила, Димитрія, Петра и Іоанна, дворы Бричиславль, Гордятинъ и другіе, боярскіе.

Меньшій и большій города отдѣлялись одинъ отъ другого валомъ и рвами, проходившими отъ Михайловской площади по нынѣшней Б. Житомірской улицѣ до ея пересѣченія съ Владимірскою и Десятинною. Въ этомъ раздѣлявшемъ два города валу было двое воротъ съ мостами передъ ними. Лѣтопись указываетъ, что по одному изъ этихъ мостовъ (сѣверному) Кіевляне двинулись толпою съ Софійскаго вѣча въ монастырь св. Өеодора, чтобы убить инока этого монастыря бывшаго вел. князя Игоря Ольговича, а по другому мосту (южному) прискакалъ, опередивъ толпу, спасти жизнь князя- инока князь Владиміръ, братъ Изяслава Мстиславовича. Въ 1240 г. этотъ валъ былъ послѣднею преградою противъ полчищъ Батыя, прорвавшихся въ большой городъ черезъ Лятскія ворота, передъ которыми русская рать билась съ татарами, по лѣтописи, «на песцѣхъ». Лятскія ворота были на южной сторонѣ Стараго Кіева, по всей вѣроятности, на Хрещатой долинѣ, изобиловавшей грунтовыми и наносными песками до 40-хъ годовъ XIX вѣка, а Батыевы татары двигались, какъ извѣстно, отъ Вышгорода, обойдя Кіевъ по западной сторонѣ его.

Литовскіе князья, владѣя Кіевомъ, укрѣпили не великокняжескіе валы, требовавшіе большого гарнизона, а одну лишь гору Киселевку. Литовскій замокъ на «Киселевкѣ» былъ деревянный; въ 1552 году онъ состоялъ изъ 133 городень, съ 15-тью между ними башнями; въ немъ было 3 русскихъ и 1 латинская церкви, нѣсколько частныхъ домовъ для жителей, на случай осады, и колодезь въ 30 саж. глубины. Замокъ этотъ устоялъ противъ осадъ въ 1399 году Тимуръ-Кутлука и въ 1416 году—Эдигея, но былъ сожженъ въ 1482 году Менгли-Гиреемъ, до тла разорившимъ Кіевъ. Возобновленный по распоряженію польскаго короля, замокъ этотъ сгорѣлъ отъ молніи въ 1605 году и, снова возобновленный, просуществовалъ до 1654 года, когда Кіевъ возсоединился съ Великороссіею. Къ этому времени Старый Кіевъ снизошелъ до положенія «Софійской слободы», въ которой,

между древними валами, ютилось лишь нѣсколько десятковъ хатъ казаковъ и крестьянъ, созванныхъ въ 1600 году княземъ Константиномъ Острожскимъ на «запустѣлое мѣсто».

Помѣщенная при «Описанiи Кiева» Закревскаго роспись Кiеву 1682 г. показываетъ, что, устрояя Кiевскую крѣпость, московскiе воеводы воспользовались великокняжескими валами, сохранивъ древнее дѣленiе стараго Кiева на большiй и меньшiй города и по прежнему отдѣлили ихъ валомъ и рвомъ съ двумя мостами и воротами, изъ которыхъ сѣверныя назывались Софiйскими, а у позднѣйшихъ писателей Батыевыми и были на пересѣченiи Владимiрской улицы съ Житомiрскою, а южныя назывались Михайловскими. На планѣ Кiева 1695 года, имѣющемся въ Московск. архивѣ Министерства Иностран. дѣлъ, показаны ворота: Михайловскiя, Софiйскiя, Золотыя, Львовскiя, Подольскiя—ниже Десятинной церкви, названныя уже Кiевскими, и Лятскiя—въ концѣ Софiйской улицы, названныя уже Печерскими, такъ какъ черезъ нихъ шла дорога въ Печерскъ.

Въ дополненiе къ валамъ, окружавшимъ Старый Кiевъ, московскiе воеводы въ это время провели еще поперечный валъ отъ Золотыхъ до Михайловскихъ воротъ, по лѣвой сторонѣ Софiйской ограды, на соединенiе съ валомъ, окружавшимъ Трехсвятительскую церковь и выходившимъ на черту Михайловской площади у нынѣшняго Реальнаго Училища.

На пространствѣ обводнаго вала, отъ однихъ воротъ до другихъ, были насыпаны земляные бастiоны и раскаты, носившие различныя названiя.

По росписи 1682 года было показано:

Въ *большомъ городѣ*—подъ квартирами для генерала, стольниковъ, полковниковъ и подполковниковъ—19 дворовъ; для подъячихъ—8 дворовъ; для рейтаровъ—82 двора; для стрѣльцовъ—122 двора; для солдатъ—86 дворовъ и дворъ для Кiево-Печерской Лавры на случай осады.

Въ *меньшемъ городѣ* были: у Десятинной церкви—приказная палата и денежный погребъ, выше церкви—домъ генерала Гордона, къ югу—амбары и погреба съ разными военными запасами; передъ Трехсвятительскою церковью—житный дворъ, нѣсколько дворовъ для бояръ, окольничихъ и воеводъ и особые дворы для полковника, протопопа, Кiевскаго войта и для дьяковъ».

Протоiерей П. Г. Лебединцевъ отмѣчаетъ, что въ росписи 1700 года, по сравненiю съ росписью 1682 года, у каменной церкви «Рождества пресв. Богородицы Десятинныя» добавлена придѣланная къ ней деревянная церковь св. апостолъ Петра и Павла и объясняетъ это тѣмъ, что Десятинная церковь долго носила въ народѣ названiе св. Николая Десятиннаго, потому что на ея развалинахъ была построена деревянная церковь этого имени, которая простояла до 1633 года, служа печальнымъ памятникомъ разоренiя Кiева и Десятинной прежней церкви Батыемъ, въ день святителя Николая—6-го декабря. Митрополитъ Петръ Могила, принявъ отъ унiатовъ

въ 1633 году съ Софійскимъ соборомъ и эту деревянную Николаевскую церковь, устроилъ вмѣсто нея, въ углу между двухъ уцѣлѣвшихъ древнихъ стѣнъ Рождественскую Богородичную церковь, а московскіе воеводы пристроили къ ней деревянную трапезу, а надъ нею деревянную Петропавловскую церковь; въ такомъ видѣ Десятинная церковь просуществовала до 1823 года.

При возобновленіи и исправленіи старокіевскихъ крѣпостныхъ валовъ, въ 1677 г. княземъ Черкасскимъ и въ 1732—1737 г.г. графомъ Минихомъ, при устройствѣ бастіоновъ, раскатовъ и выводовъ, и, вообще, при разныхъ постройкахъ внутри города, изчезали сохранившіеся еще къ началу XVII вѣка остатки церквей св. Ѳеодора, св. Симеона, св. Георгія, св. Никиты, св. Дмитрія; матеріалами отъ этихъ церквей широко пользовались при всѣхъ крѣпостныхъ и частныхъ постройкахъ. Валы же старокіевской крѣпости, послѣ исправленія ихъ гр. Минихомъ, оставались уже безъ особаго о нихъ попеченія. Съ первой половины XVIII вѣка гарнизонъ Кіева началъ сосредоточиваться въ новой Печерской крѣпости, а старокіевскіе валы заросли деревьями и кустарниками и сдѣлались мѣстомъ праздничныхъ прогулокъ для народа.

Въ 1750 или 1751 г.г. засыпаны были «ради вящаго сохраненія» Золотыя ворота, а въ 1799 г. были сломаны по распоряженію коменданта Печерской крѣпости, генерала Массе, Софійскія (Батыевы) ворота. Распоряженіе это послѣдовало, вѣроятно, потому, что Старокіевская крѣпость считалась уже совершенно упраздненною.

Указаніе на упраздненіе ея приведено въ изданіи «Столѣтіе военнаго министерства» (Вып. VII, ч. 1, Главн. Инжен. Упр-ніе, прилож. стр. 171), въ приведенной въ этомъ изданіи вѣдомости, «какія именно въ Россійской Имперіи крѣпости назначалось содержать по аншталту 1724 года, по разсужденію бывшей въ 1730 г. воинской коммиссіи, и по Высочайше конфирмованной въ 1762 году о крѣпостяхъ вѣдомости, и послѣ того какія изъ нихъ уничтожены и вновь въ вѣдѣніе Инженернаго Департамента поступили, а затѣмъ изъ существующихъ нынѣ (30 генваря 1803 г.) полагаются впредь отъ Инженернаго Департамента содержать».

Въ этой вѣдомости о Кіевѣ сказано:

1) По сочиненному въ 1724 году съ разсужденія Его Императорскаго Величества о крѣпостяхъ аншталту назначалось содержать двѣ крѣпости: а) Кіевъ старый — одинъ внѣшній валъ, б) Кіевъ на печерахъ.

2) Въ 1730 году по разсужденію учреждаемой при Императорскомъ Дворѣ воинской коммиссіи полагалось содержать также двѣ крѣпости: а) Кіевъ старый, б) Кіевъ печерскій.

3) Въ 1763 году по Высочайше конфирмованной о крѣпостяхъ вѣдомости содержать опредѣлялось: а) Старый Кіевъ съ ретранжаментомъ, б) Кіевопечерскъ.

4) Въ послѣдующее затѣмъ до 1797 года время перемѣнъ не показано, но въ 1803 году, относительно Старокіевской крѣпости отмѣчено, что такъ какъ оная *съ давнихъ временъ фортификаціею не исправляется и ненужною* почитается, то посему и впредь къ содержанію не полагается.— Затѣмъ, въ 1803 году, показана уже одна только Кіевопечерская крѣпость, въ отношеніи которой Инженерная Экспедиція въ 1803 году полагала продолжать и впредь содержаніе оной отъ Инженернаго Департамента до будущаго разсмотрѣнія и утвержденія крѣпостей.

Въ XIX столѣтіи, по свидѣтельству протоіерея П. Г. Лебединцева, оставались еще до 1835 года караулки и шлагбаумы отъ Львовскихъ (жидовскихъ) и Печерскихъ—Крещатицкихъ воротъ, а затѣмъ, при новомъ распланированіи Кіева, на мѣстѣ старокіевскихъ валовъ, были проведены улицы Подвальная, Костельная и Прорѣзная, а поперечный валъ, съ котораго при фельдмаршалѣ Ф. В. Сакенѣ († 1837 г.) въ торжественные дни производился салютъ 101 выстрѣломъ, снесена въ 1854 году, при спланировкѣ площади подъ зданіе присутственныхъ мѣстъ; тогда же снесены деревянная Троицкая церковь, стоявшая на Ю.-В. отъ мѣста, занятаго нынѣ памятникомъ Богдану Хмѣльницкому, конюшенный митрополичій дворъ съ каменною оградою, домомъ и колодцемъ, бывшій на Софійской площади, противъ колокольни, и хатки, крытыя то дранью, то соломой, принадлежавшія разному люду, ютившемуся у поперечнаго вала между Софійскимъ соборомъ и Михайловскимъ монастыремъ.

Старинный валъ, бывшій вокругъ Михайловскаго монастыря, срытъ еще раньше, въ 1841—1844 г.г., при обдѣлкѣ Михайловской горы; тогда же засыпанъ и древній Дмитріевскій ввозъ, бывшій тамъ, гдѣ нынѣ въ выемкѣ горы устроено зданіе для фильтра водопроводнаго общества.

О послѣдующей исторіи Кіевской крѣпости, въ томъ же изданіи «Столѣтіе военнаго министерства» приведены такія подробности:

За періодъ 1801—1810 г.г. никакихъ новыхъ серьезныхъ работъ не производились; изъ работъ же по возстановленію разрушеній отмѣченъ 1804 годъ, когда землетрясеніемъ въ Кіевѣ обрушены крутости и повреждены верки; подземные ключи и подмывы подошвы горъ теченіемъ Днѣпра помогли разрушенію. Для устраненія дѣйствія ключей, въ 1806 г. произведены были работы по собиранію ихъ въ подземныя каменныя галлереи, уклоны крутостей были срѣзаны по 50° и устроены мѣстами опорныя стѣны. На эти работы, по проекту генерала Сухтелена, отпущено казною 61,098 р.

Ко времени возникновенія опасеній за вторженіе непріятеля въ предѣлы Россіи, на западной границѣ были только двѣ крѣпости—Рига и Кіевъ, раздѣленныя разстояніемъ болѣе 1000 верстъ. Состояніе Кіевской крѣпости, по осмотру ея комиссіею подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Глухова, по размѣрамъ профилей, отсутствію каменныхъ одеждъ во рвахъ и ненадежности фланкированія ихъ, оказалось весьма слабымъ. Укрѣпле-

ніемъ можно было назвать только ограду около Лавры, то есть Печерскую крѣпость съ 7-ью бастіонами и крыльями неправильнаго очертанія, до обрыва горы у берега Днѣпра, но это укрѣпленіе не было сомкнуто со стороны рѣки. Обстрѣлъ верковъ былъ крайне стѣсненъ густо застроенною эспланадою.—Старо-Кіевская крѣпость была совершенно запущена и едва выдѣлялась изъ окружающихъ ее обывательскихъ домовъ, ретраншаментная же линія, возведенная еще гр. Минихомъ, осѣла, обросла травой, и рвы ея осыпались.

Въ виду ожидавшагося разрыва съ Франціею, Директоръ Инженернаго Департамента генер. Опперманъ, послѣ личнаго осмотра Кіева, представилъ 16 апрѣля 1810 г. обширный проектъ объ устройствѣ въ немъ просторнаго лагеря-депо для запасныхъ армій, на 43 баталіона, 10 эскадроновъ, 2 полка казаковъ и 2 роты піонеръ.—Онъ предлагалъ, исправивъ существовавшія укрѣпленія, добавить къ нимъ выдвинутыя на западъ и на югъ новыя укрѣпленія, на мѣстахъ, гдѣ впослѣдствіи сооружены Звѣринецкое укрѣпленіе и при Императорѣ Николаѣ I—Васильковскій редутъ. Ретраншаментъ предполагалось усилить цѣпью люнетовъ. Особенное вниманіе было обращено на обстрѣлъ многочисленныхъ овраговъ, доставлявшихъ атакующему скрытые подступы къ крѣпости, а вмѣстѣ съ тѣмъ генер. Опперманъ настаивалъ на сомкнутіи горжи Печерской крѣпости вдоль рѣки, при чемъ линія этого вала пришлась бы надъ пещерами и должна была пересѣкать часть монастырскихъ садовъ.

Звѣринецкое укрѣпленіе было закончено въ 1810 году; хотя и въ полевой профили, но, по возвышенному положенію, оно считалось достаточно сильнымъ и могущимъ прикрыть новую дорогу къ Днѣпру, построенную вмѣсто прежняго крутого подъема. Оно заключало въ себѣ артиллерійскіе и провіантскіе склады и казармы на двѣ роты, временнаго характера, а для остального гарнизона возводились землянки.

Труднѣе оказалось осуществить укрѣпленія въ тылу Печерской крѣпости, на монастырской землѣ, такъ какъ духовенство упорно возставало противъ допуска инженерныхъ чиновъ въ монастырскій садъ (гдѣ производилось переоблаченіе св. мощей), ставя на первый планъ опасенія за появленіе сырости и обваловъ въ пещерахъ.

Въ январѣ 1811 года составлены были генералъ-маіоромъ Глуховымъ вѣдомость запасамъ, потребнымъ на случай осады, и росписаніе всѣхъ зданій внутри крѣпости для размѣщенія гарнизона съ его боевыми и жизненными припасами. Предполагалось удалить изъ крѣпости всѣхъ монаховъ, кромѣ обязавшихся, сверхъ исполненія духовныхъ требъ, ухаживать за больными и раненными. Гарнизонъ былъ вычисленъ въ 17 баталіоновъ, 16 эскадроновъ и 1 баталіонъ піонеръ, всего 20,000 челов. (изъ нихъ 2 баталіона намѣчались къ размѣщенію въ монастырскихъ зданіяхъ). Продолжительность осады принята въ 8 мѣсяцевъ. На 333 орудія назначенъ за-

пасъ 20,000 пуд. пороха; ружейныхъ патроновъ—2 милліона; шанцевый инструментъ: лопатъ—5,000; кирокъ и мотыгъ—3,000; ломовъ и топоровъ по 1,000; тачечныхъ колесъ—2,000; пожарныхъ трубъ—10; муки—43,000 четв.; крупы—3,000 и мяса соленаго—65,000 пуд.

Кромѣ этого гарнизона, назначеннаго въ половинномъ размѣрѣ изъ запасныхъ войскъ и пополняемаго при отступленіи дѣйствующей арміи, полагался еще въ распоряженіе коменданта, до момента полнаго обложенія, кавалерійскій отрядъ изъ 10 эскадроновъ.

Лѣтомъ 1811 года прибылъ въ Кіевъ по Высочайшему повелѣнію флигель-адъютантъ Вольцогенъ, обозрѣвавшій западную границу.—Онъ вновь возбудилъ вопросъ объ устройствѣ около Кіева лагеря на 7 дивизій тяжелой пѣхоты, 7 бригадъ егерей, дивизію гренадеръ и 2 дивизіи кавалеріи; часть войскъ предполагалось помѣстить на мѣстѣ выгорѣвшаго 11 іюля 1811 года Подола. На Днѣпрѣ предполагалось имѣть нѣсколько канонерскихъ лодокъ.

Эти предположенія не получили одобренія, а 9-го іюля послѣдовало Высочайшее утвержденіе обороны по проекту генералъ-маіора Глухова, съ повелѣніемъ отстаивать Звѣринецкое укрѣпленіе и приведенный въ оборонительное положеніе Никольскій монастырь до послѣдней крайности. Постоянный гарнизонъ былъ опредѣленъ въ 13$^1/_2$ батал., 2 піонерныхъ и 1$^1/_2$ артиллерійскихъ роты и 3 эскадрона, кромѣ развѣдочнаго отряда въ 10 эскадроновъ; сверхъ того, полагалось на время осады 18 инженерныхъ офицеровъ, 280 артиллерійскихъ нижнихъ чиновъ, 140 артиллерійскихъ и 70 инженерныхъ мастеровъ.

20-го іюля получено было дополнительное Высочайшее повелѣніе генералъ-маіору Глухову и подполковнику Трузсону III составить примѣрный планъ осады, считая осадный корпусъ въ 50,000 челов. съ 120 осадными и 180 полевыми орудіями. Эти инженеры составили проектъ дополнительныхъ работъ, могущихъ быть исполненными во время осады и опредѣлили продолжительность сопротивленія крѣпости въ 38 дней.

Съ этого времени началась учебная подготовка Кіевскихъ гарнизонныхъ войскъ всѣмъ пріемамъ обороны: артиллеристы занимались боевою учебною стрѣльбою; произведено было точное распредѣленіе гарнизона по участкамъ; организованы были развѣдочная и сигнализаціонная службы для поддержанія сношеній съ войсками, оперирующими въ полѣ вблизи крѣпости; образованы были штабы инженерный, піонерный и др. 4-го марта 1812 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе усилить оборону верковъ минными галлереями.

16-го іюля генералъ Опперманъ былъ въ крѣпости и приказалъ усилить укрѣпленія Печерское и Звѣринецкое полевыми шанцами, и въ то же время было начато предмостное укрѣпленіе на лѣвомъ берегу Днѣпра. Ежедневно назначалось на работы до 4,200 челов., при помощи которыхъ

крѣпость быстро приводилась въ оборонительное состояніе. Всѣ верки были обезпечены отъ атаки открытою силою штурмфалами, палисадами и волчьими ямами, но жалобы духовенства на стѣсненія не прекращались, а потому 13-го іюля было получено Высочайшее повелѣніе производить работы со всевозможнымъ тщаніемъ, дабы не учинить вреда пещерамъ, но, однако, нужныя для военнаго времени работы не останавливать.

Вся эта энергичная дѣятельность оказалась излишнею: въ октябрѣ 1812-го года выяснилось, что непріятель не дойдетъ до Кіева, и всѣ работы были прекращены; устроенный на судахъ мостъ былъ разобранъ, и суда отправлены для перевозки провіанта дѣйствующимъ войскамъ.

Усиленныя работы по приведенію Кіево-Печерской крѣпости въ боевую готовность, въ 1810—1812 г.г., могли быть послѣдними вспышками ея существованія, такъ какъ особый комитетъ, назначенный послѣ Отечественной войны, разсматривавшій взаимное отношеніе западныхъ крѣпостей, высказавъ много разныхъ соображеній объ усиленіи существовавшихъ крѣпостей и объ избраніи мѣстъ подъ новыя крѣпости между Балтійскимъ и Чернымъ морями, безусловно согласился въ совершенномъ исключеніи изъ штата крѣпостей Кіева. Основаніемъ къ этому заключенію послужила записка генералъ-лейтенанта Оппермана, составленная 25-го января 1816 г., озаглавленная «Сужденіе о крѣпостяхъ Россійскаго Государства по нынѣшнему ихъ состоянію», въ которой положеніе Кіево-Печерской крѣпости описано было слѣдующимъ образомъ:

«Нынѣшняя крѣпость, Печерскою называемая, построена въ 1706 г. для прикрытія древнѣйшаго въ Россіи монастыря и, болѣе, какъ преграда противъ набѣговъ Польскихъ татаръ, нежели въ видѣ сильной крѣпости. Внутренность ея тѣсна, полигоны малы, профиль слаба, задняя часть открыта, имѣя всю защиту отъ крутизны высокаго берега; по всей почти окружности имѣются глубокія лощины, способствующія скрытному приближенію, а гдѣ оныхъ нѣтъ, тамъ окружена крѣпость важными строеніями, отчасти каменными; съ южной стороны командуетъ крѣпостью высота, Звѣринецкою называемая».

«Въ семъ положеніи и безъ артиллеріи находилась сія крѣпость въ 1810 году, когда по тогдашнимъ видамъ Правительства повелѣно было привести оную со всею поспѣшностію въ оборонительное положеніе. Почему въ теченіи двухъ лѣтъ произведены при ней слѣдующія работы»:

«Построено особенное укрѣпленіе на Звѣринецкой горѣ, замкнутъ тылъ крѣпости, усилены слабыя части палисадами, сдѣланы зарядные погреба и другіе блиндажи, отъ бомбъ безопасные; расположено нѣсколько редутовъ и люнетовъ для соединенія крѣпости съ Звѣринецкимъ укрѣпленіемъ, устроены мины передъ полигонами, которые болѣе подвержены атакѣ. Таковыми мѣрами крѣпость приведена въ такое положеніе, что для покоренія оной потребовались бы большія заготовленія формальной осады,

и при томъ составила она вмѣстѣ съ Звѣринецкимъ и другими между нихъ расположенными укрѣпленіями обширный, сильный тетъ-де-понъ. Но сіи временныя работы не привели ее въ благонадежное навсегда состояніе: вредныя для нея лощины существуютъ и теперь; важныя строенія по прежнему находятся въ близкомъ отъ гласиса разстояніи; линіи и профиль остались безъ перемѣны, и задняя, къ Днѣпру прилежащая часть паки открыта, ибо по настоятельному требованію духовенства, укрѣпленія по монастырскимъ садамъ срываются».

«Изъ всего онаго видѣть можно, что Кіевъ не только *не составляетъ сильной крѣпости,* но и по *худому своему расположенію и по вредной для нея ситуаціи, совсѣмъ неспособна къ приведенію въ совершенно благонадежное состояніе*[1]), въ чемъ и не представляется крайней надобности, какъ по отдаленію ея отъ нынѣшнихъ границъ Имперіи, такъ и потому, что не прикрываетъ она главныхъ въ Кіевѣ воинскихъ зданій, ибо Гошпиталь и Артиллерійскіе дѣловые дворы находятся внѣ крѣпости и по тѣснотѣ ея быть внутри ея немогутъ, и хотя Арсеналъ состоитъ въ самой крѣпости, но онъ столько превышаетъ валъ, что верхній этажъ онаго открытъ непріятельскимъ выстрѣламъ».

«По симъ усмотрѣніямъ, всякія дальнѣйшія издержки на сію крѣпость я почитаю излишними, почему полагаю: уничтоживъ крѣпостные мосты, сдѣлать вмѣсто оныхъ земляныя насыпи, чтобы болѣе не употреблять на то издержекъ; самую крѣпость исключить изъ числа штатныхъ; казармы сдать городу, ибо онѣ послужатъ ему къ облегченію отъ постоя, а содержаніе Артиллерійскихъ, Коммиссаріатскихъ и Провіантскихъ строеній предоставить тѣмъ самымъ Департаментамъ, къ вѣдомству коихъ принадлежатъ, ибо они суть хранилища ихъ запасовъ, крѣпостныхъ же верковъ не разрушать, дабы могли служить тетъ-де-пономъ, если бы, сверхъ чаянія, понадобилось оборонять въ семъ мѣстѣ переходъ черезъ Днѣпръ».

Пересмотръ положенія крѣпостей въ особомъ комитетѣ ничѣмъ не кончился: въ отношеніи Рижской, Динабургской и Бобруйской крѣпостей и укрѣпленія западной границы, члены комитета подали каждый свое особое мнѣніе, о Кіевской же крѣпости, несмотря на согласіе большинства исключить ее изъ штата, распоряженія объ упраздненіи ея не послѣдовало, потому что въ это самое время (20 января 1818 г.) высокій покровитель Кіева, Великій князь Николай Павловичъ вступилъ въ должность Генералъ-Инспектора по инженерной части. За два года до этого, 30 мая 1816 г. Великій князь первый разъ посѣтилъ Кіевъ, и 4 дня проведенныхъ въ осмотрѣ лавры, крѣпости, соборовъ и города, вѣроятно, оставили сильныя впечатлѣнія въ душѣ Великаго князя, всю жизнь показывавшаго Кіеву особенное свое расположеніе.

Не соглашаясь съ мнѣніемъ, высказаннымъ комитетомъ о маломъ стратегическомъ значеніи Кіева, Великій князь считалъ Кіевъ пунктомъ,

---

[1]) Курсивъ составителя записки.

удобнымъ для главнаго депо на южномъ театрѣ военныхъ дѣйствій и поручилъ бывшему своему преподавателю фортификаціи, генералъ-маіору Жіаноти составить проектъ усиленія Кіевскихъ верковъ.

Проектъ, представленный Жіаноти въ 1818 году, требовалъ 100 милліоновъ рублей на громадныя работы по срытію всей Печерской крѣпости и постройку новой съ кронверкомъ, 17-ью бастіонами и 6-ью люнетами, при чемъ линія верковъ шла по лучшей части города. Прежде полковнику Розенмарку, а затѣмъ генералъ-маіору Ферстеру было поручено представить ихъ соображенія. Первый—сократилъ проектъ Жіаноти на 35 милліоновъ рублей, а второй—составилъ два проекта: одинъ на 3½ милліона рублей, съ сохраненіемъ Звѣринецкаго и Печерскаго укрѣпленій, но съ значительнымъ усиленіемъ профилей и постройкой трехъ сильныхъ укрѣпленій на западъ и сѣверъ отъ цитадели и другой варіантъ—на 5.766.600 р. включивъ въ оборону старый Кіевъ и Подолъ, создавая обширный укрѣпленный лагерь. Къ проектированію Кіевскихъ укрѣпленій привлеченъ былъ даже генералъ Опперманъ, который, отступивъ отъ своего мнѣнія о совершенномъ упраздненіи этой крѣпости, представилъ свой проектъ усилить цитадель и Звѣринецкое укрѣпленіе и построить три люнета и Васильковское укрѣпленіе,—проектъ, послужившій основаніемъ для сооруженія впослѣдствіи Кіевской крѣпости.

Въ царствованіе Императора Александра I, всѣ эти проекты и соображенія остались на бумагѣ; суммы, истраченныя на Кіевскую крѣпость за 1818—1825 г.г., составили всего 282.800 р., преимущественно на ремонтъ.

Въ 1818 году на вооруженіи Кіевской крѣпости числилось 237 пушекъ, 38 мортиръ и 52 гаубицъ и единороговъ. Провіантскихъ магазиновъ было на 24.000 четвертей, пороховыхъ складовъ на 29.000 пуд. и казармъ на 1200 человѣкъ. Къ 1826 году, за время управленія Великимъ княземъ инженернымъ вѣдомствомъ, вооруженіе Кіева измѣнилось мало, но увеличились помѣщенія для гарнизона съ 1,200 челов. до 4.537-ми, по описанію же крѣпости она значилась по прежнему состоящею изъ 9-ти земляныхъ бастіонныхъ фронтовъ, съ отдѣльнымъ Звѣринецкимъ укрѣпленіемъ.

Въ царствованіе Императора Николая Павловича уничтожены всѣ валы, составлявшіе укрѣпленіе «Стараго Кіева»[1]), въ новой же Кіевской крѣпости, лишь въ цитадели ея, сохранились валы и рвы прежней Печер-

---

[1]) Валы эти уничтожались постепенно, по мѣрѣ застройки города. И донынѣ можно наблюдать кое гдѣ ихъ остатки и уловить ихъ общее направленіе.

Большая Подвальная улица идетъ отъ Золотыхъ воротъ, «подъ валомъ» Ярослава, которымъ, отчасти, несомнѣнно, воспользовался и Минихъ, создавая при Елисаветѣ ретраншаменты, которые довольно ясно (хотя и не безъ ошибокъ, въ фортификаціонномъ смыслѣ) нанесены на планъ Закревскаго (табл. IV, 2 изд. 1868 г.). Болѣе опредѣленно можно прослѣдить начертаніе всей системы на планѣ Кіевскаго «Военно-Топографическаго Депо», 1846 г.; этотъ планъ использовалъ въ 1852 г. Фун-

ской крѣпости... Неизмѣнное, исключительное вниманіе Императора къ Кіеву преобразило городъ: постройка крѣпости придала ему значеніе крупнаго военнаго центра, а новая распланировка улицъ и масса сооруженій въ самомъ городѣ положили начало тому благоустройству, которое выдвинуло Кіевъ въ число лучшихъ городовъ Россіи.

Д. П. Меньшовъ.

дуклей для своего «Статистич. описанія». Въ лѣвомъ исходящемъ углу системы на этомъ планѣ нанесенъ правый малый горнверкъ и половина лѣваго большого горнверка; остальныя части, видимо, тогда уже были снесены.

Интересующіеся могутъ и въ настоящее время наблюдать кое какіе остатки этого исходящаго угла, вся система котораго совпадала съ нынѣшнимъ узломъ улицъ: Подвальной, Бульв.-Кудрявской, Обсерваторн. переулка и частью Сѣнной площади.

Если пройти въ усадьбу астрономической обсерваторіи (высота 82,6), въ ней, на площадкѣ, передъ большимъ зданіемъ, можно видѣть оставленный для надобностей астроном. наблюденій небольшой отрѣзокъ вала.

Съ этой точки открывается великолѣпный видъ на С.-З. часть Кіева и на долину р. Лыбеди; тутъ-же, влѣво, явственно видны остатки эскарпа рва, который раньше тянулся до самой Бульв.-Кудрявской улицы и не такъ давно выровненъ при постройкѣ вольно-пожарной части съ каланчей и сада «Тріумфъ». Эти остатки, вѣроятно, сохранятся еще надолго. Что же касается другой части вала, которая представляла собой остатокъ главнаго фаса ретраншамента, то и до послѣднихъ дней можно было прослѣдить ее на пустырѣ, примыкающемъ къ Сѣнной площади (ряд. съ художеств. училищемъ). Однако, во время печатанія настоящей статьи, и этотъ остатокъ «Миниховыхъ» валовъ уничтожается, т. к. въ этой усадьбѣ предполагается новая постройка.

Наблюденіе вала въ усадьбѣ астрономической обсерваторіи (входъ съ Обсерваторнаго пер.) разрѣшается обыкновенно съ любезнаго согласія директора обсерваторіи, помѣщающагося въ той-же усадьбѣ.

Примѣчаніе редакціи.

Ноябрь, 1913 г.

Воспоминанія о пережитомъ въ войнѣ 1877—1878 годовъ [1]).

Изъ записокъ гвардейскаго сапера.

Отъ автора [2])

Недавно закончилась война съ Японіей,—Портсмутскій договоръ подписанъ и, такъ называемая, наша «революція», вѣрнѣе смута, поднятая іудеями и ихъ приспѣшниками, сошла на нѣтъ. Казалось-бы, чего же лучше: ликуй русскій народъ, насталъ миръ, радуйся, веселись... Но нѣтъ, нѣтъ веселія, что-то тяготѣетъ надъ нами,—война эта положила тяжелый гнетъ на русское сердце.

Въ послѣдней войнѣ съ Турціей, въ 1877—78 г., насъ, участниковъ, бранили и сожалѣли, что мы не заняли Царьграда. Мы, маленькіе люди, конечно не были въ этомъ виноваты, однако, не припомню, чтобы насъ бранили за что-нибудь другое.

---

1) «Воспоминанія» Н. Прескотта начаты были печатаніемъ въ «Журналѣ Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества», но, въ силу измѣнившихся условій изданія этого журнала, были прерваны въ самомъ началѣ. Въ настоящемъ году «Воспоминанія» эти будутъ напечатаны въ «Военно-Историческомъ Выстникѣ» полностью.

2) Это введеніе было написано авторомъ около 1909 г.

Редакція.

Турецкая война въ сравненіи съ Японской (я говорю отчасти про поведеніе и работу нашихъ войскъ и, главное, про результатъ войны), отличается какъ яркій лучъ лѣтняго солнца отъ зимняго солнца.

Да простятъ мнѣ мои товарищи, участники Японской войны, за высказанное сравненіе, но право, единичные случаи не могутъ быть введены въ общее правило, а то, что было въ общемъ—тяжко. Откровенно говоря, войны съ Японіей никто не желалъ, ея никто не понималъ и ко всему этому, мы не были къ ней подготовлены. Въ доказательство, что мы не были готовы вести войну съ Японіей, приведу отзывъ одного очень высокопоставленнаго лица. Въ началѣ января мѣсяца 1904 г. въ Петербургѣ по дѣламъ службы, у названнаго лица, собирались еженедѣльно человѣкъ десять высшихъ начальниковъ. На вопросъ одного изъ нихъ, что война, видимо, съ Японіей будетъ и что интересно было бы знать, сколько у насъ войскъ въ Сибири, получился отвѣтъ: «О! тамъ достаточно, тамъ тысячъ 50—60». Въ дѣйствительности же, мы знаемъ, что потребовался милліонъ солдатъ и то—*для заключенія Портсмутскаго договора.*

Началась война, и во главѣ нашей арміи появились два почти самостоятельныхъ главнокомандующихъ. Когда, наконецъ, эта глубочайшая ошибка была исправлена, на театрѣ войны оставленъ былъ одинъ начальникъ, человѣкъ обладающій большими познаніями въ военномъ искусствѣ, но, къ величайшему несчастью, не обладавшій настойчивостью, сильнымъ характеромъ и рѣшительностью,—качествами столь необходимыми военному вождю.

Мысленно слѣдя за ходомъ войны, нельзя было не признать, что въ теченіи всего времени, начиная съ перваго же ея дня, насъ преслѣдовалъ цѣлый рядъ несчастій. Самовольная неумѣстная упорная оборона Тюренчена—Засуличемъ, неожиданная гибель Макарова, непонятное отступленіе отъ Ляояна, морской бой 28 мая, когда одновременно и русскіе и японцы рѣшаются на отступленіе, но мы дѣлаемъ это поспѣшнѣе, что позволяетъ адмиралу Того считать побѣду за собой, сдача многострадальнаго Портъ-Артура, наконецъ, безпримѣрная въ исторіи Цусима, и многое другое,—все это, конечно, не воодушевляло войска, а напротивъ, ложилось на нихъ тяжелымъ гнетомъ и сдѣлало то, что люди, которые стояли во главѣ войскъ, потеряли нравственную вѣру въ себя, въ своихъ, не чувствовали возможности побѣдить и охотно пользовались малѣйшимъ поводомъ, чтобы начать отступленіе.

Конечно, нельзя не вспомнить и не учесть въ пользу нашихъ войскъ и того ужаса, который происходилъ у насъ внутри Россіи и тѣхъ тысячъ прокламацій, которыми начинялся нашъ народъ, если вспомнить какъ постепенно развращались сердца и умы этого еще темнаго народа, то понятно, что все, вмѣстѣ взятое, не могло не отразиться на нравственномъ духѣ бойцовъ, а въ немъ, въ этомъ духѣ—побѣда, безъ него—позоръ.

Я не участвовалъ въ русско-японской войнѣ, но, благодаря цѣлому ряду сообщеній, литературѣ о ней и, главное, разсказамъ товарищей-участниковъ войны, она довольно для насъ ясна и знакома, почему невольно вспомнилось прошедшее, возникли сравненія съ тѣмъ, что было въ войнѣ, гдѣ я самъ принималъ участіе, и мнѣ захотѣлось, по имѣющемуся у меня дневнику, цѣлому ряду сохранившихся моихъ писемъ, а также и по моимъ «личнымъ воспоминаніямъ» написать правдиво, безъ всякихъ прикрасъ, о томъ, что видѣлъ, испыталъ и пережилъ въ турецкую войну 1877—78 г.г. Я написалъ выше—по «личному воспоминанію»; можетъ быть, покажется неправдоподобнымъ помнить то, что было 30 лѣтъ тому назадъ, но смѣю увѣрить, и вѣроятно очень многіе со мною согласятся, что нѣкоторые эпизоды нашей жизни, а въ особенности такіе, какіе даетъ война, запечатлѣваются въ нашей памяти до поразительности ясно. Помнится не только общее впечатлѣніе какого нибудь крупнаго событія, но ясно помнишь какая была погода, можешь точно описать мѣстность, гдѣ это произошло, помнишь отдѣльныя детали событія, людей причастныхъ къ нему и т. д. Вотъ почему прошу вѣрить, что все, что здѣсь будетъ изложено, дѣйствительно мною видѣно, испытано и пережито.

Я совершенно не собираюсь писать исторіи этой войны, это, вѣроятно, очень трудно, потому что цѣлая комиссія, которой поручена указанная работа, за 30 лѣтъ еще не успѣла это сдѣлать; нѣтъ, отнюдь нѣтъ, я хочу повѣдать тѣ радости, то горе, лишенія, ощущенія, которыя пришлось пережить намъ въ турецкую войну. Повторяю, что буду искрененъ и правдивъ.

Въ 1877 году я служилъ въ лейбъ-гвардіи Саперномъ баталіонѣ. Всю зиму 76—77 годовъ, почти всѣ газеты, во главѣ съ Аксаковымъ, убѣждали всѣхъ, что война съ Турціей необходима, что долгъ Россіи освободить нашихъ братьевъ болгаръ отъ турецкаго ига, что они замучены, разорены, что они ждутъ насъ, какъ Божьихъ посланцевъ, и т. д. и т. д.

Въ окрестностяхъ Кишинева, въ концѣ 1876 года, начала собираться армія, куда Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій и уѣхалъ, чтобы принять надъ нею командованіе. На Кавказѣ наши войска тоже готовились къ войнѣ. Два моихъ товарища, Гершельманъ и Злобинъ, знавшіе спеціально минное дѣло, еще зимою были командированы съ гальванерами отъ баталіона и морскими командами на югъ, а другіе два—графъ Ивеличъ и Адріановъ отправились въ Кишиневъ, въ распоряженіе начальника 3 саперной бригады. Словомъ «тучи сгущались надъ Ближнимъ Востокомъ», и мы стали ждать со дня на день объявленія о войнѣ. Отъѣздъ въ началѣ апрѣля Государя Императора на югъ, къ войскамъ, собраннымъ около Кишинева, еще болѣе убѣдилъ насъ о скоромъ важномъ шагѣ, предпринимаемомъ Россіею. Наконецъ, этотъ день насталъ. 12 апрѣля 1877 года, у

насъ въ баталіонѣ, въ присутствіи командующаго баталіономъ, полковника Скалонъ, шли экзамены въ баталіонной школѣ. Около 12 часовъ утра полк. Скалонъ получилъ экстренный пакетъ, который оказался манифестомъ, объявляющимъ войну Турціи. Конечно, экзаменъ былъ прерванъ, собрали баталіонъ, и былъ отслуженъ молебенъ. Послѣ прочтенія манифеста и нѣсколькихъ словъ командира баталіона, мы дружно прокричали ура.

Зная необыкновенную доброту, миролюбіе и золотое сердце нашего горячо обожаемаго Монарха, мы глубоко вѣрили, что только:

«Исчерпавъ до конца миролюбіе Наше, Мы вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуютъ и чувство справедливости и чувство Собственнаго Нашего достоинства. Турція отказомъ своимъ поставляетъ Насъ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ Нашего дѣла, Мы, въ смиренномъ упованіи на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что наступило время, предусмотрѣнное въ тѣхъ Словахъ Нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія. Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда Мы найдемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска Наши, Мы повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи» [1]).

Для насъ, я не говорю про офицеровъ, но и про нижнихъ чиновъ баталіона, стало совершенно яснымъ и простымъ, что разъ Государь объявилъ войну Турціи, то значитъ иначе и поступить нельзя было и что надо идти воевать, идти въ бой. Въ скоромъ времени, однако, выяснилось, что гвардію пока не предполагаютъ двинуть на театръ войны, что и побудило сотни гвардейскихъ офицеровъ просить о командированіи ихъ въ дѣйствующую армію. На другой же день объявленія войны, стали получаться телеграммы о движеніи впередъ нашихъ войскъ.

Занятіе Барбошскаго моста—переправы черезъ рѣку Прутъ, захватъ Браилова, взрывъ турецкаго монитора съ Браиловскихъ батарей, занятіе лѣваго берега р. Дуная и очищеніе его отъ турецкихъ войскъ, слѣдовали одно за другимъ. Всѣ извѣстія были отрадныя. Когда Государь Императоръ возвратился съ юга, разнесся слухъ, что Его Величеству благоугодно лично ѣхать въ дѣйствующую армію, чтобы быть, какъ передавали тогда слова Государя,—«ближе къ своимъ войскамъ». Тогда же заговорили, что будетъ составленъ конвой Государя, по примѣру бывшаго въ 1828—29 годахъ при императорѣ Николаѣ I въ турецкую войну. Конвой тогда состоялъ только изъ чиновъ гвардейскаго Сапернаго баталіона, здѣсь же говорили, что будутъ привлечены и другія войска.

---

[1]) Манифестъ о войнѣ съ Турціей отъ 12 апрѣля 1877 г.

Личное горе,—смерть въ апрѣлѣ мѣсяцѣ моего отца, такъ отвлекла меня отъ всѣхъ треволненій тогдашней жизни, что я мало слѣдилъ за всѣми появляющимися слухами. Не помню точно когда, но въ первыхъ числахъ мая мѣсяца, выйдя на баталіонный дворъ, я увидалъ разговаривающими нашего начальника бригады, ген. Зейме I, и командующаго баталіономъ полк. Скалона. Кто-то изъ товарищей, бывшихъ здѣсь, сказалъ мнѣ: «Подожди, получено какое то важное приказаніе». Когда ген. Зейме ушелъ, Скалонъ направился къ нашей группѣ офицеровъ и, вызвавъ меня, сказалъ: «Я васъ назначаю командиромъ полуроты гвардейскаго Сапернаго баталіона, которая войдетъ въ составъ почетнаго конвоя Государя. Въ полуроту назначаю и прапорщика Богомолова. Приготовляйтесь къ отъѣзду, это можетъ быть скоро. Всѣ подробности и указанія я получу сегодня и вамъ передамъ».

Это совершенно неожиданное назначеніе, неизвѣстность того, что ждетъ впереди, какъ все устроится, сознаніе, что мнѣ придется теперь же уѣхать, разстаться съ баталіономъ и, можетъ быть, надолго, сознаюсь, произвело на меня какое то неопредѣленное впечатлѣніе. Я не зналъ, радоваться ли мнѣ, или печалиться. Къ этому надо прибавить, какъ «уменьшающее вину обстоятельство», что не прошло еще и недѣли, что я сдѣлался женихомъ. Товарищи, бывшіе здѣсь, тоже относились къ этому какъ то съ недоумѣніемъ. Одни поздравляли, другіе говорили: «лучше бы всѣмъ баталіономъ идти». Но прошелъ день, другой, стала выясняться роль «Почетнаго конвоя» и отношеніе товарищей къ этому назначенію стало опредѣленнѣе. Одни сердечно радовались, другіе завидовали, что не они ѣдутъ.

Согласно приказанію, наша полурота состояла изъ: 2-хъ офицеровъ, 1-го фельдфебеля, 4-хъ унтеръ-офицеровъ, 34-хъ рядовыхъ, 8-ми нестроевыхъ, при 2-хъ повозкахъ. Кромѣ того, въ составъ полуроты входили представители гвардейской пѣшей артиллеріи. Отъ нихъ былъ назначенъ: 1 офицеръ л.-гв. 1-й артиллерійской бригады, подпоручикъ Тюрбертъ и 19 нижнихъ чиновъ отъ 1-й и 2-й гвардейской бригадъ. Большинство нижнихъ чиновъ саперной полуроты были назначены изъ Государевой роты. Фельдфебелемъ былъ назначенъ фельдфебель роты Его Величества Игнатьевъ. Началась пригонка обмундированія, снабженіе всѣми возможными, подъ часъ даже совершенно ненужными вещами. Конечно все, что было лучшаго, самое новое въ баталіонѣ, было дано намъ. Люди были одѣты щеголями, объ офицерахъ и не говорю, мы взяли по три мундира, все блестѣло. Но все, что мы брали съ собою, было разсчитано на тепло, на лѣто (вѣдь мы ѣхали, какъ говорили на 3—4 недѣли). Выступали мы въ каскахъ (султаны приказано было не брать), но были взяты также фуражки съ козырьками, бѣлые чехлы съ назатыльниками и палатки. Мои саперы имѣли шанцевый инструментъ, и каждый нижній чинъ имѣлъ по 120-ти патроновъ.

Начались совмѣстныя ученья саперъ—артиллеристовъ, пришлось ѣздить, представляться новому начальнику своего конвоя л. гв. Преображенскаго полка флигель-адъютанту полковнику Озерову, знакомиться съ другими офицерами конвоя и т. п. Совершенно измученный за день, я только вечеромъ могъ отдохнуть въ семьѣ моей невѣсты. Но такая жизнь продолжалась недолго: 11-го мая на плацу у Зимняго Дворца (теперь этотъ плацъ подъ садомъ), Государь Императоръ произвелъ смотръ всему «Гвардейскому отряду почетнаго конвоя Его Величества» [1]), а 14-го мая я уже ѣхалъ въ Турцію. Послѣдніе два дня до отъѣзда, 12-е и 13-е мая, прошли въ какомъ-то туманѣ. Тутъ была и окончательная пріемка вещей, полученіе инструкцій, денегъ авансомъ, прощаніе съ товарищами, съ невѣстой, родными. Не скажу, чтобы я былъ особенно въ это время бодръ, радовался бы и восторженно кричалъ ура. Нѣтъ, было очень грустно. Мы, весь конвой, ѣхали, совершенно не зная, на долго-ли ѣдемъ и, конечно, кромѣ охраны Священной Особы нашего Монарха, мы не знали, придется-ли намъ участвовать въ бою. Въ обществѣ было много разговоровъ. Одни говорили, что черезъ три недѣли, много четыре, мы, разукрашенные всякими ино-

---

[1]) Въ это время составъ конвоя былъ слѣдующій: начальникъ конвоя, флигель-адъютантъ л. гв. Преображенскаго полка полковникъ Озеровъ, адъютантъ конвоя, флигель-адъютантъ л. гв. Измайловскаго полка капитанъ Косачъ, командиръ сводной гвардейской роты конвоя, составленной изъ полковъ гвардіи и шефскихъ имени Его Величества армейскихъ—флигель-адъютантъ л. гв. Павловскаго полка капитанъ фонъ Энденъ, офицеры роты: л. гв. Семеновскаго полка капитанъ Чекмаревъ и С.-Петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха Вильгельма III полка капитанъ Мацкевичъ; штабсъ-капитаны л. гв. Гренадерскаго полка Поливановъ, Кексгольмскаго гренадерскаго императора Австрійскаго полка Кольманъ, л. гв. Стрѣлковаго баталіона Іоновъ и поручикъ лейбъ-Бородинскаго Его Величества полка Ильинъ и прапорщикъ лейбъ-гренадер. Екатеринославскаго Его Величества полка Волковъ. Нижнихъ чиновъ—294.

Командиръ сводмаго гвардейскаго полуэскадрона, составленнаго также изъ гвард. кавалерійскихъ полковъ и шефскихъ Его Величества армейскихъ—былъ л.-гв. Гусарскаго Его Величества полка ротмистръ Нордъ 2-й; офицеры эскадрона: штабсъ-капитанъ гвардейской конно-артиллерійской бригады Саввинъ и поручики: л. гв. Кирасирскаго Его Величества полка Живковичъ и л. гв. Гродненскаго гусарскаго полка Суровцевъ. Нижнихъ чиновъ—108.

Командиръ гвардейской саперной полуроты, составленной изъ гвардейскаго Сапернаго баталіона и пѣшей гвардейской артиллеріи, былъ л. гв. Сапернаго баталіона поручикъ Прескоттъ 2-й. Офицеры полуроты: л. гв. 1-й артиллерійской бригады подпоручикъ Тюрбертъ и гвард. Сапернаго баталіона прапорщикъ Богомоловъ. Нижнихъ чиновъ—66.

Кромѣ того, при конвоѣ состоялъ одинъ врачъ и 9 нижнихъ чиновъ медицинскаго персонала.

Въ теченіи кампаніи, вслѣдствіе выбытія нѣсколькихъ офицеровъ изъ конвоя, за смертью, пораненіями, возвращенія по приходѣ гвардіи на театръ войны въ свои части, составъ офицеровъ нѣсколько измѣнился.

странными орденами, вернемся обратно, другіе покачивали на это головой и сомнѣвались въ предстоящей якобы для насъ «partie de plaisir». Послѣдніе оказались правы.

14-го мая, утромъ, на баталіонномъ дворѣ, въ присутствіи всего баталіона и массы провожающихъ, былъ отслуженъ напутственный молебенъ, и мы выступили въ походъ. Посадка въ вагоны была на Николаевскомъ вокзалѣ.

По прибытіи на вокзалъ, я долженъ былъ принять въ свое вѣденіе, на время пути, 4-й взводъ сводной роты конвоя и 20 нижнихъ чиновъ съ лошадьми отъ своднаго полуэскадрона конвоя, которые не могли помѣститься въ поѣздѣ, гдѣ ѣхала рота и полуэскадронъ. Провѣрка нижнихъ чиновъ по списку, посадка людей и лошадей, словомъ, тѣ мелкія хлопоты, которыя съ этимъ были сопряжены, нѣсколько развлекли меня, подбодрили и, несмотря на теплые, сердечные проводы товарищей, я уже не говорю про родныхъ и близкихъ сердцу, я кажется держалъ себя прилично, какъ подобаетъ «воину, идущему съ радостью въ бой».

Въ 4 часа 15 минутъ раздался третій звонокъ, и поѣздъ медленно двинулся впередъ. Громкіе звуки музыки, могучее «ура» массы провожающихъ и нашихъ солдатиковъ, печальные, полные слезъ глаза друзей и улыбки на лицахъ, отъ которыхъ становилось жутко, холодно,—все потихоньку стало удаляться, стало тише, и только однообразный звукъ идущаго поѣзда остался съ нами. Мы, офицеры, какъ-то первое время затихли, каждый что-то вспоминалъ изъ прошлаго, мысленно прощаясь съ чѣмъ то дорогимъ, на душѣ было тяжело.

Желѣзнодорожное начальство было такъ нелюбезно, что для офицеровъ дало грязную половину вагона II класса, какого-то стараго типа. Мѣста было мало, и мы стали потихоньку устраиваться на долгое путешествіе.

Маршрутъ нашъ былъ: Москва, Курскъ, Харьковъ, Полтава, Кишиневъ, гдѣ мы должны были получить дальнѣйшій маршрутъ. Не предполагаю описывать подробно наше длинное и скучное путешествіе, такъ какъ оно не представляетъ никакого интереса, но не могу не высказать нѣсколько словъ г.г. инженерамъ путей сообщенія о способѣ, принятаго у нихъ для перевозки живого (т. е. людей) военнаго груза.

До румынскаго г. Плоэшти мы ѣхали 12 сутокъ. Изъ нихъ до Унгени, пограничной станціи,—10 сутокъ. Отъ Петербурга до Унгени 2311 верстъ, т. е. мы проходили въ сутки 231 версту, или, въ среднемъ, около $9^1/_2$ верстъ въ часъ. Въ дѣйствительности, конечно, пробѣги между станціями мы дѣлали скорѣе, но за то, по какимъ то мудрымъ соображеніямъ составителей нашего маршрута, стояли на разныхъ станціяхъ, а иногда даже только въ виду ихъ—по нѣсколько часовъ. Я помню, напримѣръ, въ Москвѣ насъ продержали 12 часовъ, такъ что даже приказано было идти

обѣдать въ какія-то казармы пѣхотнаго полка. Въ Харьковѣ стояли 11 часовъ, а остановки въ 2—4—6 часовъ,—это было совершенно нормальное явленіе. Но вотъ прошло 30 лѣтъ и, къ сожалѣнію, и теперь войска перевозятся со скоростью 12 верстъ въ часъ. Рутина и нежеланіе г.г. путейцевъ встряхнуться и постараться сдѣлать лучше, остались и теперь, какъ и въ прошломъ. Въ Москвѣ къ намъ присоединился командиръ Собственнаго Его Величества конвоя флигель-адъютантъ полковникъ Черевинъ. При видѣ нашего отчаяннаго полувагона II класса, онъ началъ ругать и разносить мѣстное путейское начальство, что и привело къ хорошему результату, потому что намъ поставили въ поѣздъ вагонъ I класса.

Начальствованіе надъ эшелономъ, конечно, мною было передано Черевину. Это было мое первое знакомство съ нимъ. Кто о немъ не слыхалъ потомъ, когда онъ стоялъ во главѣ охраны Государя и Его Царской семьи, кто, изъ знавшихъ его, не помянетъ его добрымъ словомъ за его доброе сердце, свѣтлый умъ, удивительную энергію? Наше знакомство началось со стакана шампанскаго, который былъ дополненъ вторымъ и т. д. Погода во время нашего пути была жаркая, и тогда вино это замѣнялось вѣроятно, по мнѣнію Черевина, болѣе легкимъ питьемъ, состоявшимъ изъ полъ стакана сельтерской воды съ полъ стаканомъ мадеры. Несмотря на то, что въ теченіи дня выпивалось имъ большое количество этой смѣси, онъ всегда былъ свѣжъ, и разговоръ его былъ всегда интересенъ.

Въ Курскѣ, гдѣ мы, конечно, простояли болѣе 6 часовъ, насъ обогналъ поѣздъ съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Офицеры конвоя успѣли прокатиться въ городъ, расположенный въ 3-хъ верстахъ отъ станціи, и осмотрѣть его.

Наконецъ мы доѣхали до Кишинева, гдѣ должны были ждать приказанія. Здѣсь уже ждала насъ телеграмма съ предписаніемъ двигаться дальше безъ остановки, до румынскаго города Плоэшти. 23 мая, къ обѣду, мы пріѣхали на пограничную станцію Унгени, гдѣ, пообѣдавъ, захватили съ собою шампанское и въ 7 часовъ вечера переѣхали мостъ черезъ р. Прутъ, составлявшую границу Россіи съ Румыніей. Въ то время, когда поѣздъ медленно двигался по мосту, мы, со стаканами вина въ рукахъ, пожелали полнаго успѣха русскимъ войскамъ и счастливаго всѣмъ возвращенія. Потомъ я пошелъ по всѣмъ вагонамъ и поздравилъ нашихъ солдатиковъ съ переходомъ границы и пожелалъ имъ всѣмъ возможныхъ благополучій.

Въ Румыніи всѣ пути уже охранялись нашими войсками, и на каждой станціи былъ комендантъ русскій офицеръ. Впрочемъ, отъ этого мы скорѣе не поѣхали. До Яссъ былъ проложенъ третій рельсъ, такъ что мы доѣхали до этого города безъ пересадки. Дальнѣйшій путь пришлось сдѣлать въ румынскихъ вагонахъ. Ст. Яссы была разукрашена, ввиду проѣзда на другой день Государя Императора, зеленью, флагами, арками. Къ 5-ти часамъ утра 24 мая мы дотащились до г. Романія, гдѣ, за неимѣніемъ сво-

бодныхъ паровозовъ, начальникъ станціи объявилъ намъ, что не можетъ пустить насъ впередъ. Онъ лгалъ, потому что мы сами указали ему три паровоза, стоявшихъ въ депо.

Ночью, въ 5 ч. утра 25-го числа, т. е. черезъ 24 часа послѣ нашего пріѣзда на станцію, прибылъ Высочайшій поѣздъ. Государь спалъ, пріема не было. На счастье ген. Каталей, начальникъ тыла, вышелъ изъ вагона на платформу и, узнавъ, что конвой Государя, который долженъ былъ быть уже въ Плоэшти, стоитъ 24 часа на этой станціи, задалъ такой нагоняй всему желѣзнодорожному румынскому начальству, что, по уходѣ Царскаго поѣзда, насъ тотчасъ же повезли и мы летѣли вплоть до Плоэшти такимъ ходомъ, что иногда приходилось держаться руками, чтобы не стукнуться другъ съ другомъ.

Послѣ Браилова мы впервые увидали Дунай и его разливъ. Вода доходила вплоть до полотна желѣзнодорожнаго пути. Намъ казалось, что въ этомъ мѣстѣ разливъ рѣки доходилъ до 6-ти верстъ.

26-го мая, въ 6 часовъ утра, мы, наконецъ, прибыли въ г. Плоэшти. На вокзалѣ мы дождались пріѣзда второго эшелона нашего конвоя, и въ 8 часовъ утра гвардейскій отрядъ почетнаго конвоя Его Величества въ полномъ составѣ вступилъ въ городъ. Верхомъ, на встрѣчу къ намъ, выѣхалъ горячо любимый нами Главнокомандующій дѣйствующей арміи Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, который видимо былъ радъ увидать представителей гвардіи. Его Высочество подробно осмотрѣлъ весь отрядъ, милостиво разговаривая съ офицерами и нижними чинами и, ставъ во главѣ почетнаго конвоя, повелъ насъ ко дворцу, гдѣ жилъ Государь. Домъ, гдѣ жилъ русскій Царь, былъ небольшой, одноэтажный, въ 5 оконъ, и очень скромный по наружному фасаду. Въ глухой провинціи такихъ домовъ масса. Когда мы подходили ко дворцу, изъ него вышелъ Государь Императоръ и Румынскій принцъ Карлъ. Его Величество милостиво встрѣтилъ свою гвардію, обошелъ по рядамъ, со многими разговаривалъ и потомъ пропустилъ насъ церемоніальнымъ маршемъ мимо Себя. Мѣсто для нашего бивака было выбрано въ большомъ запущенномъ саду, въ трехъ минутахъ ходьбы отъ дворца.

Когда мы заняли мѣста, и солдаты приступили къ разбивкѣ своихъ палатокъ, Озеровъ собралъ офицеровъ и передалъ намъ, что Государь выразилъ желаніе, чтобы Его конвой участвовалъ въ одномъ бою, для чего приказалъ бросить жребій, какъ между офицерами, такъ и между нижними чинами, съ тѣмъ, чтобы первая очередь пошла бы на переправу черезъ Дунай, а для другой Онъ впослѣдствіи укажетъ куда идти.

Это приказаніе нѣсколько поразило насъ своею неожиданностью. Конечно, мы всѣ думали, что такъ или иначе, но мы будемъ въ бою, но никто не ожидалъ, что въ первый же день прибытія въ Румынію этотъ вопросъ рѣшится. Но, конечно, немедленно была нарѣзана бумага, поставлены

цифры 1 и 2 и всѣ, въ каждомъ полку и въ каждомъ отдѣльномъ баталіонѣ, стали вынимать свою судьбу. Мнѣ и Тюрберту достался номеръ первый. Когда все выяснилось, Озеровъ передалъ приказаніе первой очереди быть готовой каждую минуту къ выступленію, причемъ на себя онъ принялъ командованіе этой очередью.

Вскорѣ на бивакъ къ намъ пришли Государь Императоръ, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Главнокомандующій. Государь обратился къ офицерамъ со слѣдующими словами: «Вамъ передалъ Главнокомандующій, что Я хочу, чтобы всѣ гвардейскія части были въ бою. Я убѣжденъ, что вы покажете себя такими же молодцами, какъ и моряки, которые прямо герои. Я вчера ихъ видѣлъ въ Браиловѣ [1]). Они говорили, что когда они вышли на землю, только тогда поняли, что они сдѣлали. Прямо они плакали какъ дѣти. Они исполнили свой долгъ, а это выше всего. Я хочу, чтобы въ каждой лодкѣ сидѣло по гвардейскому солдату, пусть они первые встрѣтятъ непріятеля и первые вступятъ въ бой. А вы, господа, тяните между собою жребій, кому идти въ первую очередь».

Обходя нижнихъ чиновъ, которые были построены по полкамъ, Государь каждой части говорилъ нѣсколько словъ. Подойдя къ гвар. саперамъ, Его Величество изволилъ сказать: «Я надѣюсь, ребята, что вы будете такими же молодцами, какъ были гв. саперы подъ Варной. Вы знаете, за что баталіонъ получилъ Георгіевское знамя? [2]). Саперики дружно отвѣчали, что знаютъ.

Прощаясь съ конвоемъ, Государь громкимъ голосомъ сказалъ, что Онъ увѣренъ, что Его гвардія честно исполнитъ свой долгъ. Долгое, воодушевленное «ура» провожало Государя Императора.

Государь пригласилъ офицеровъ завтракать и обѣдать при Императорской Квартирѣ.

По отбытіи Его Величества сейчасъ же мы, офицеры, приступили къ выдѣленію первой очереди, къ раздѣленію обоза на двѣ части, къ составленію списковъ и т. п. Озеровъ отдалъ приказаніе, чтобы отрядъ выступилъ одѣтымъ въ сукно, чтобы все бѣлое: чехлы, саперныя рубахи, мы оставили бы здѣсь, а также и сдали бы каски въ интендантство. Послѣднихъ мы больше никогда не видѣли.

Къ шести часамъ мы собрались въ помѣщеніе, гдѣ находилась Императорская Квартира. Насъ, офицеровъ конвоя, до обѣда, представили маститому министру Двора генералъ-адъютанту графу Адлербергу.

За обѣдомъ присутствовали: князь Горчаковъ, Жомини, Гамбургеръ, генералъ-адъютанты: Милютинъ, Воейковъ, кн. Суворовъ, Игнатьевъ, Вер-

---

[1]) Шестаковъ и Дубасовъ.

[2]) За взятіе кр. Варны въ 1829 году гвардейскій Саперный баталіонъ получилъ Георгіевское знамя.

деръ (пруссакъ), Рылѣевъ, ген. Свиты Чингисъ-Ханъ и много другихъ свитскихъ. Вообще, за обѣдомъ садилось за столъ человѣкъ 60, а иногда—80.

Изъ всѣхъ генералъ-адъютантовъ, бывшихъ въ свитѣ Государя, офицеры конвоя ближе всего сошлись съ Александромъ Михайловичемъ Рылѣевымъ; отчасти это произошло благодаря его должности коменданта Императорской квартиры, провѣрявшаго наши караулы по охранѣ Государя Императора, отчасти потому, что прекрасная, свѣтлая личность Александра Михайловича, съ его добрымъ сердцемъ и его безпредѣльной любовью и преданностью Государю, живо привлекла наши молодыя сердца, и мы полюбили его и всѣми силами старались своею службою заслужить его доброе слово. Его расположенiе къ намъ и наше глубокое уваженiе и преданность къ этому человѣку пережили кампанiю и до самой смерти у Александра Михайловича можно было встрѣтить въ его кабинетѣ, въ Петербургѣ, кого-нибудь изъ старыхъ офицеровъ почетнаго конвоя. Вѣроятно, въ моихъ воспоминанiяхъ мнѣ не разъ придется возвращаться къ памяти глубокоуважаемаго и достойнаго Рылѣева.

Городъ Плоэшти представлялъ собою небольшой, бѣдный городъ, съ двумя, тремя извилистыми улицами, отчаянно мощеными, съ небольшими и некрасивыми домами. Можно было насчитать 7—8 домовъ болѣе или менѣе сносныхъ, въ одномъ изъ которыхъ и жилъ Государь. Погода стояла чудная, жара не только днемъ, но даже ночью давала себя чувствовать. Въ палаткахъ, гдѣ мы оставались въ Плоэшти, службы у насъ было мало. По вечерамъ офицерство собиралось въ отель «Молдавiя», лучше сказать въ садъ отеля, гдѣ шесть жидковъ, подъ названiемъ румынскаго оркестра, увеселяли нашъ слухъ. Не знаю почему, но всѣ оркестры, которые мнѣ пришлось слышать въ Румынiи, Болгарiи и Константинополѣ, точно сговорившись, усиленно наигрывали польку «Постильонъ». Надо правду сказать, что нѣкоторые венгерскiе танцы оркестръ игралъ лихо, съ увлеченiемъ.

Дня черезъ два послѣ прiѣзда, въ общей столовой, во время обѣда, на краю стола, гдѣ сидѣло высшее начальство, поднялся разговоръ о предстоящей переправѣ черезъ Дунай. Конечно, мы, предназначенные «сидѣть въ первыхъ понтонахъ и первыми выйти на турецкiй берегъ», превратились въ полный слухъ. Оказалось, что переправа задерживается громаднымъ разливомъ Дуная, до 6 верстъ, и запозданiемъ прибытiя, вслѣдствiи дурныхъ дорогъ, нашихъ понтонныхъ баталiоновъ. При этомъ говорили, что главнокомандующiй сказалъ, что если переправа обойдется не дороже 10.000 человѣкъ, то онъ будетъ доволенъ. Не могу не сознаться, что мы офицеры, вытянувшiе жребiй на переправу, были довольно опечалены этимъ разговоромъ. Придя на бивакъ, мы приступили къ писанiю соотвѣтствующихъ писемъ домой, но молодость, общее беззаботное, веселое настроенiе, какъ-то подняло нашъ упавшiй духъ.

Я думаю, что будетъ не безъинтересно сказать, какъ скоро достигали до насъ посылки, высылаемыя съ родины. По полученіи дома моего письма о переправѣ, сестра моя, зная, что я не умѣю плавать, сейчасъ же выслала мнѣ гутаперчевый, надувной нагрудникъ. Посылку я получилъ въ Филипполѣ 5 февраля 1878 года, т. е. она шла болѣе 8 мѣсяцевъ.

Въ той же столовой мы слышали разговоръ, что Государь, узнавъ, что румынская палата постановила не разрѣшать русскимъ войскамъ входить въ Бухарестъ, былъ ужасно этимъ разсерженъ и обиженъ. Когда Его Величество отдавалъ принцу Карлу визитъ въ Бухарестѣ, то на просьбу принца перенести Императорскую Квартиру въ столицу Румыніи, Государь отвѣтилъ: тамъ гдѣ не могутъ быть Его войска, тамъ и Онъ Самъ не будетъ. Понятно, въ какомъ восторгѣ мы были отъ этого отвѣта.

Въ одинъ изъ чудныхъ, теплыхъ и ясныхъ дней, въ то время, когда мы сидѣли въ столовой и завтракали, неожиданно налетѣла туча и въ теченіе часа шелъ проливной дождь. Не подозрѣвая ничего, возвращаясь на бивакъ опять при чудной погодѣ, мы, подойдя къ нашему саду, увидѣли забавную картину. Бивака не было. Всѣ палатки, или плавали по появившейся въ саду рѣкѣ, которая несла все, встрѣчаемое ею на пути, или уже были прибиты теченіемъ къ забору сада. Солдатики наши, по колѣно въ водѣ, со смѣхомъ, крикомъ, шутками, ловили свои плавающія вещи и видимо были въ отличномъ настроеніи. Пришлось и намъ, офицерамъ, влѣзть въ воду и, съ помощью моихъ саперъ, насыпать небольшой валъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ непрошенный потокъ ворвался въ нашъ садъ. Надо было два дня южнаго солнца, чтобы совершенно высушить наши вещи.

30-го мая получено было приказаніе первой очереди конвоя выступить завтра въ походъ. Въ 8 часовъ вечера, совершенно неожиданно, къ намъ на бивакъ пріѣхали въ коляскѣ Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Раздалась команда «всѣхъ на линію», и конвой построился въ двухъ группахъ: сводная рота и моя полурота. Государь остановился около роты и минутъ десять разговаривалъ съ офицерами. Потомъ подошелъ къ намъ, разспрашивалъ меня про вчерашнее наводненіе и потомъ прибавилъ: «Я только что разсказывалъ о нашихъ славныхъ морякахъ. Они опять отличились. Двѣ лодки подошли къ устью (не помню названіе) и хотѣли взорвать пароходъ, онъ былъ окруженъ загражденіями, такъ что съ нимъ не могли ничего сдѣлать, но зато сами они были засыпаны выстрѣлами, видны даже слѣды картечи на лодкахъ, а изъ людей никто даже не былъ раненъ,—молодцы они. Одна лодка возвратилась уже въ Одессу, о другой пока нѣтъ еще извѣстій, надѣюсь, что она благополучно отбилась».

31-го мая въ 11 часовъ утра, подъ командою Озерова, нашъ отрядъ въ составѣ: пѣхоты—4 офицеровъ и 141 нижняго чина и взвода саперъ—2 офицеровъ и 19 нижнихъ чиновъ,—выступилъ съ бивака. Когда мы про-

ходили мимо дворца Государя, Его Величество вышелъ на улицу, поздоровался съ нами и пожелалъ намъ честно исполнить нашъ долгъ и благополучно возвратиться.

На вокзалъ проводить отъѣзжающихъ пришли всѣ офицеры конвоя и пріѣхали Великій Князь Главнокомандующій, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

Главнокомандующій, прощаясь съ нами, выразилъ увѣренность, что представители славной гвардіи покажутъ себя молодцами, что будутъ мѣтко стрѣлять, а придется поработать штыкомъ, то будутъ работать на чистоту.

Мнѣ Великій Князь сказалъ, что на время переправы я со своими саперами прикомандировываюсь къ 7 саперному баталіону, а Тюрбертъ съ артиллеристами ко 2-й горной батареѣ. Подавъ намъ руку, Главнокомандующій, посмотрѣвъ еще разъ на выстроенныхъ развернутымъ фронтомъ нижнихъ чиновъ, сказалъ: «а много-ли вернется изъ этихъ молодцовъ?».

Въ 2 часа поѣздъ нашъ двинулся въ путь. Около 8 час. мы подъѣзжали къ Букаресту. Намъ надо было перейти черезъ весь городъ на другой вокзалъ, но, такъ какъ русскія войска не имѣли права быть въ городѣ, то мы и не выходили даже изъ вагоновъ, пока насъ круговой дорогой не доставили на другой вокзалъ, и около 3-хъ часовъ ночи прибыли къ цѣли нашего путешествія, на ст. Фратешти. Станція эта расположена въ 7—8 верстахъ отъ г. Журжева. Ночь была поразительно темная. Станція освѣщалась двумя, тремя керосиновыми фонарями, буфетъ былъ отчаянный. Озеровъ приказалъ выйти изъ вагоновъ и здѣсь же на платформѣ расположиться до разсвѣта.

Передъ отъѣздомъ изъ Плоэштъ, Озеровъ получилъ приказаніе отъ ген. Левицкаго (подъ большимъ секретомъ)—по прибытіи на ст. Фратешти явиться ген. Цвѣцинскому, начальнику 4-й стрѣлковой бригады, и съ нею двигаться на переправу. Но гдѣ эта бригада стоитъ, самъ Левицкій не зналъ и рекомендовалъ «поискать». Когда стало разсвѣтать, были посланы два офицера, одинъ въ Журжево, другой въ окрестныя деревни искать бригаду. Она нашлась въ Журжевѣ, и офицеръ ѣздившій туда, видѣлъ генер. Цвѣцинскаго, который сказалъ, что будетъ насъ ждать. Накормивъ людей обѣдомъ, причемъ офицеры съѣли что-то невозможное въ буфетѣ станціи, конвой двинулся въ Журжево.

Я вспоминаю, что въ первое время кампаніи была масса подобныхъ секретныхъ предписаній, которыя приводили прямо въ отчаяніе тѣхъ, кому надо было ихъ исполнять. Но, съ другой стороны, можетъ быть эти секреты и достигли того, что переправа совершилась такъ блистательно, такъ неожиданно для противника, съ такими незначительными жертвами.

Къ вечеру мы подошли къ городу и были встрѣчены очень любезно ген. Цвѣцинскимъ, имя котораго и его славной «Желѣзной бригады», такъ

громко впослѣдствіи progremѣли по всей Россіи. Генералъ сказалъ намъ, что онъ и бригада гордятся, что представители гвардіи будутъ идти въ бой рядомъ съ ними. Указалъ намъ дома, гдѣ мы должны были расположиться, и предупредилъ, что въ случаѣ бомбардировки города,—что Турки дѣлали уже четыре раза,—конвою слѣдуетъ собраться за городомъ, и указалъ мѣсто. Ввиду возможности полученія ежеминутно приказанія двигаться къ переправѣ, просилъ быть готовыми къ выступленію.

Журжево былъ въ то время довольно приличный городъ, съ каменными домами, хорошими мостовыми. Многіе изъ домовъ были полуразрушены турецкими снарядами. Мѣстныхъ жителей мы встрѣчали очень мало, женщинъ почти не было, видимо частое обстрѣливаніе города выгнало всѣхъ. Городъ лежитъ на берегу чуднаго, но грязнаго Дуная. Совершенно противъ него, на другомъ берегу, расположена турецкая крѣпость Рущукъ. Въ этомъ мѣстѣ на Дунаѣ имѣется небольшой, но довольно лѣсистый островъ, который отчасти скрываетъ участокъ противоположнаго берега. Говорили, что за островомъ скрывался какой-то военный корабль. Гуляя по городу, мы большую часть времени проводили на берегу и наблюдали въ бинокль жизнь крѣпости. Видно было прекрасно. Ясно вырисовывались на возвышенностяхъ форты, небольшіе, но удивительно тщательно отдѣланные, причемъ можно было различить траверсы, амбразуры, орудія. По берегу расположены были батареи, орудія которыхъ были обращены на нашъ берегъ. Видны были два палаточныхъ лагеря, купающіеся турки, арбы съ сѣномъ и т. п. Казалось, имѣя въ крѣпости много орудій, они могли свободно попросить насъ, своими гранатами и бомбами, покинуть городъ, но за всѣ 5 дней, что мы простояли въ Журжевѣ, стрѣльбы не было. Въ это время и у насъ на берегу, отъ Журжева до дер. Слободзея, строились осадныя батареи. Кажется, было поставлено 28—30 орудій 6-ти дюймоваго калибра.

Войсками, занимавшими лѣвый берегъ Дуная, командовалъ ген. Скобелевъ I, а начальникомъ штаба былъ его сынъ, имя котораго уже начало пріобрѣтать почетную извѣстность въ Россіи.

На второй день нашего пребыванія въ городѣ, въ квартиру, гдѣ помѣщались офицеры конвоя, вошелъ высокій, статный, очень красивый генералъ, оказавшійся Скобелевымъ 2. Онъ искалъ меня, чтобы передать приказаніе явиться командиру 7-го сапернаго баталіона, полковнику Верещагину, для работъ по постройкѣ батарей. Это было первое наше знакомство съ этимъ выдающимся, талантливымъ генераломъ.

Конечно я сейчасъ-же бросился искать Верещагина, котораго нашелъ въ деревнѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Журжева. Онъ принялъ меня очень любезно и сказалъ, что получилъ приказаніе съ двумя ротами своего баталіона и моей командою, какъ только начнется переправа, переправиться на турецкій берегъ и укрѣпить тамъ позицію на бригаду. Относительно же

постройки батарей онъ ничего не знаетъ и не можетъ мнѣ дать никакихъ указаній. Въ тотъ же день я встрѣтилъ начальника инженеровъ дѣйствующей арміи, бывшаго нашего гв. сапера, генерала Деппъ, который сказалъ мнѣ, что онъ ѣздилъ выбирать мѣсто для батарей и одну изъ нихъ поручаетъ мнѣ построить съ нашимъ отрядомъ.

Но впослѣдствіи оказалось, что я не принималъ участія въ укрѣпленіи позиціи и не получилъ обѣщанной мнѣ для постройки батареи. Но на работу всетаки былъ вызванъ. На другой день, поздно вечеромъ, генералъ Скобелевъ 2 вызвалъ меня и мою команду на постройку батареи № 1. Постройкой батареи завѣдывалъ инженерный офицеръ, и мои саперики были поставлены инструкторами. Работа продолжалась до 6 ч. утра. Когда начался разсвѣтъ и взошло солнце, турки не могли не видѣть нашу работу, но видимо не пожелали насъ безпокоить и огня по насъ не открывали. Это было 3-го іюня—первая работа гв. саперъ въ турецкую кампанію.

5-го іюня, вечеромъ, во главѣ 4-й стрѣлковой бригады, мы выступили изъ Журжева. Съ нами шли еще двѣ сотни пластуновъ и артиллерія. Двигаться приказано было безъ шума, безъ пѣсенъ и огней. Куда мы идемъ, гдѣ будетъ переправа,—никто не зналъ. Весь походъ отъ Журжева до Зимницы, куда мы пришли лишь 12-го числа утромъ, мы совершили исключительно ночью. Потомъ намъ говорили, что мы шли ночью, чтобы турки насъ не замѣтили и не узнали куда идемъ.

Мнѣ думается, что благодаря тому, что на нашемъ берегу Дуная осталось не мало мусульманъ, турки отлично знали о томъ, что наши войска скрытно двигаются на западъ, вслѣдствіи чего и собирали подъ Никополемъ чуть-ли не 40 таборовъ [1]). Правда, они ошиблись, думая, что переправа черезъ Дунай предполагается гдѣ-то около Никополя, но здѣсь сыграла роль демонстрація, производимая нашими войсками у Турнъ-Магурели, расположеннаго противъ крѣпости Никополь. Здѣсь строились осадныя батареи, было видно постоянное передвиженіе войскъ, увеличивались палаточные лагери и т. д. Да не только турки были введены въ обманъ мѣстомъ переправы, но, какъ у насъ послѣ совершенія ея разсказывали, и генералъ Криднеръ, командиръ 9-го корпуса, получившій отъ главнокомандующаго указаніе, что его корпусъ первый перейдетъ черезъ Дунай, прибывъ съ корпусомъ къ Турнъ-Магурели, былъ пораженъ, увидавъ, что переправа уже совершилась въ Зимницѣ и что ему форсированнымъ маршемъ надо идти туда.

Вообще, надо отдать полную справедливость образцовымъ распоряженіямъ главнокомандующаго, взявшаго въ свои руки операцію подготовки

---

[1]) Таборъ—равнялся почти нашему баталіону.

переправы, благодаря которымъ она удалась такъ блистательно,—выше всякихъ ожиданій.

Не бывъ на Кавказѣ, я только во время нашего похода увидалъ впервые представителей этого края—пластуновъ. Не скажу, чтобы по наружности они внушали къ себѣ довѣріе. Это былъ какой-то дикій народъ, съ разбойничьими физіономіями. Одѣтые въ длинные, всевозможныхъ цвѣтовъ и часто рваные бешметы, съ папахами на головахъ, они представляли тотъ типъ, про который говорятъ, что нежелательно съ такимъ господиномъ встрѣтиться въ лѣсу. Они двигались какъ-то, не производя никакого шума; правда и то, что у нихъ на ногахъ были одѣты какіе-то мягкіе сапоги. Не знаю, какую роль они сыграли при переправѣ, но бѣдняги почти всѣ погибли на Шипкѣ. Какъ это случилось, я не слышалъ, но отрядъ ген. Гурко, захвативъ перевалъ, нашелъ цѣлую пирамиду, сложенную изъ отрубленныхъ головъ пластуновъ. На бивакахъ они научили насъ, офицеровъ, жарить шашлыкъ. Кажется у нихъ не было ротныхъ котловъ, по крайней мѣрѣ я ихъ не помню, а всѣ всегда были заняты приготовленіемъ шашлыка. Они дѣлали его изо всего, что видимо попадало имъ подъ руку, тутъ былъ и барашекъ, и курица, и гусь. При чемъ послѣдніе жарились цѣликомъ и, нужно отдать справедливость, что все это было очень вкусно.

Относительно ночного похода, я помню, что онъ показался намъ тяжелымъ. Хотя всѣ дни мы отдыхали и двигались только ночью, но наставалъ моментъ въ походѣ, когда страшно трудно было бороться со сномъ. Я не скажу, что я спалъ во время движенія, нѣтъ, но бывали минуты полнаго забытья, когда все кругомъ какъ будто не существовало и только ноги машинально продолжали свою работу. Сколько времени продолжалось подобное состояніе, не могу сказать, но, очнувшись, ясно сознаешь, что идешь и всѣ кругомъ идутъ, а что было сейчасъ, недавно, не отдаешь себѣ отчета.

7-го іюня мы прибыли въ дер. Бею. Здѣсь стояла уже дивизія Драгомирова и мы, наконецъ, узнали, что переправа будетъ у Зимницы и что это дѣло поручено Драгомирову. Озеровъ намъ сказалъ, что мы, вѣроятно, простоимъ въ деревнѣ дня 3—4, потому что наши понтоны гдѣ-то завязли въ грязи и опоздаютъ къ сроку. Какъ-то днемъ къ намъ на бивакъ прибылъ Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Драгомировъ. Ему были представлены всѣ офицеры, послѣ чего онъ обратился ко всему отряду съ рѣчью. Онъ говорилъ хорошо, простымъ, понятнымъ для солдата языкомъ; тутъ были и смѣшки, и слезы, и серьезное, громкое приказаніе начальника. Рѣчь его произвела впечатлѣніе на нижнихъ чиновъ и ихъ отвѣтъ: «Постараемся Ваше Превосходительство» видимо шелъ отъ сердца. Между прочимъ, Драгомировъ рекомендовалъ не тратить время на ловлю плѣнныхъ —«некогда», «но скорѣе впередъ идти, занять побольше мѣста, отогнать подальше отъ берега противника, а во время нахожденія въ понтонахъ ни

подъ какимъ предлогомъ не смѣть стрѣлять». Не думаю, чтобы Драгомировъ, говоря, что нѣтъ времени забирать плѣнныхъ, предполагалъ бы, что солдаты поймутъ это, какъ приказаніе всѣхъ, даже сдающихся, убивать, но фактъ на лицо—при переправѣ плѣнныхъ не было. Правда, что этому способствовала еще и другая причина, о которой я скажу позже.

По приказанію Драгомирова, мнѣ было поручено обучать стрѣлковую бригаду посадкѣ людей въ понтоны и высадкѣ ихъ. Для этого былъ избранъ закрытый дворъ (секретъ) и здѣсь, въ устроенномъ ящикѣ, размѣромъ въ понтонъ, я обучалъ людей.

Вотъ что мы, офицеры, узнали наконецъ о планѣ перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай. Пишу это какъ курьезъ того, что говорилось на войнѣ. Переправа назначается между Никополемъ и Систовымъ (35 верстъ). Чтобы оттянуть турецкія войска, приказано было за три дня до переправы произвести демонстрацію у Журжева. Всѣ наши осадныя батареи (7 батарей — 28 оруд.), открываютъ бомбардировку Рущука, а небольшая часть войскъ переправляется на островъ, впереди Журжева. Настоящихъ переправъ будетъ двѣ. Одна у Браилова, за два дня до главной, гдѣ переправляется 14 арм. корпусъ для занятія Добруджи и движенія къ Рущуку. Другая, главная переправа, между Никополемъ и Систово, произведется на понтонахъ, для чего стягиваются четыре понтонныхъ баталіона. Первыми перевозятся части 8-го корпуса, конвой, пластуны, три сотни казаковъ и горная артиллерія. Когда, на мѣстѣ переправы, будетъ построенъ мостъ, на что потребуется 20—24 часа времени, на непріятельскій берегъ перейдутъ остальныя части 8 корпуса и весь 9 и 12 корпуса. 8-й корпусъ съ одной дивизіей другого корпуса идутъ на Рущукъ, гдѣ совмѣстно съ 14 корпусомъ, окружаютъ крѣпость на правомъ берегу Дуная. Журжевскія войска--по лѣвому берегу, а послѣ бомбардировки крѣпости войска идутъ «на штурмъ». Остальныя переправившіеся войска ($1^1/_2$ корпуса) направляются на Софію. Начальникъ главной переправы,—ген. Драгомировъ; техническая подготовка и завѣдываніе самой переправой—ген. Рихтеръ.

Вотъ тотъ фантастическій планъ, который Озеровъ повѣдалъ намъ съ разрѣшенія высшаго начальства. Мы знаемъ теперь, какъ мало онъ оказался похожъ на то, что дѣйствительно было сдѣлано. Но, можетъ быть, Главнокомандующій, желая обмануть турокъ, и имѣлъ ввиду распространеніе подобнаго плана съ тѣмъ, чтобы онъ какими либо путями дошелъ до нихъ. Не знаю.

11-го іюня, въ 8 часовъ вечера, мы выступили изъ деревни Бею. Весь нашъ отрядъ шелъ какимъ то непонятнымъ, страннымъ строемъ, точно происходило какое-то переселеніе народовъ. По дорогѣ везли громадныя фуры съ понтонами, по двѣ въ рядъ. Благодаря степному характеру мѣстности, позволявшей идти широкимъ фронтомъ, по обѣ стороны дороги шла

пѣхота во взводныхъ колоннахъ; правѣе и лѣвѣе пѣхоты—шла артиллерія; еще правѣе и лѣвѣе шла кавалерія. Фронтъ, казалось, былъ длиннѣе глубины колонны. Лунная ночь, страшная пыль и безпрерывный грохотъ тысячи ногъ, колесъ, орудій и кавалеріи, производили какое-то поражающее впечатлѣніе.

Къ шести часамъ утра 12-го числа, при чудномъ, яркомъ солнцѣ, нашъ отрядъ, вытянувшись въ узкую и глубокую колонну, сталъ спускаться съ плато, по которому шли ночью, по длинному спуску къ Зимницѣ. Передъ нашими глазами открылась панорама непріятельскаго берега. Гор. Систово, расположенный амфитеатромъ, хотя и былъ далекъ отъ насъ,—верстъ 5, но мы могли различать дома, сады. Мы видѣли высокій, крутой, болгарскій берегъ и спрашивали другъ друга, какъ же подъ огнемъ противника взобраться на такую кручу. Невольно вспоминались десять тысячъ потерь. Мы шли по спуску, шедшему перпендикулярно къ рѣкѣ, по совершенно голой, песчаной мѣстности, и намъ казалось,—насъ не могли не видѣть турки съ другого берега. Цѣлую недѣлю мы прятались какъ разбойники, двигались только подъ покровомъ ночи и тогда, когда наконецъ подошли къ цѣли,--вступили въ Зимницу при яркомъ солнечномъ освѣщеніи. Но не даромъ же существуетъ для русскихъ Николай Чудотворецъ!

По приходѣ въ Зимницу опять начались секреты. Всю артиллерію и кавалерію помѣстили въ улицахъ параллельныхъ Дунаю, чтобы ихъ не было видно съ противоположнаго берега; первый рядъ домовъ, обращенныхъ къ рѣкѣ, не разрѣшено было занимать и никто не смѣлъ подходить къ крутому обрыву надъ рѣкою. Всѣ должны были размѣститься по домамъ, сараямъ, отнюдь не въ палаткахъ.

Зимница—небольшой румынскій городокъ, расположенный на крутомъ и высокомъ берегу Дуная. Немного выше по рѣкѣ, на болгарскомъ берегу, стоитъ гор. Систово. Разстояніе отъ Зимницы до праваго берега рѣки не менѣе 2½ верстъ; сама рѣка, уже вошедшая въ свои берега и измѣренная послѣ переправы, имѣла 660 саженъ ширины.

Подъ высокимъ берегомъ, гдѣ былъ расположенъ городъ, шла низменная часть, еще не просохшая отъ наводненія. Кое гдѣ росли отдѣльныя деревья, а въ верстахъ полутора отъ Зимницы и ниже по рѣкѣ, у самой воды, виднѣлась небольшая роща. Выше Зимницы въ Дунай впадала небольшая рѣчка, которая проходила подъ самой кручей, гдѣ стоялъ городъ. Въ этой рѣчкѣ наши понтонеры снарядили свои понтоны и вышли въ Дунай. Къ сѣверу отъ города сначала шло небольшое плато, потомъ довольно длинный подъемъ и далѣе, относительно ровная мѣстность. Вотъ мы по этому спуску 12-го мая и спустились къ Зимницѣ. Непріятельскій берегъ представлялся намъ крайне негостепріимнымъ. На много верстъ въ обѣ стороны мы видѣли очень узкую прибережную полосу и далѣе почти

отвѣсную стѣнку, сажень 7—8 высоты. Между Зимницей и Систовымъ находился небольшой, песчаный островъ Адда.

13-го числа, въ 5 часовъ дня, мы, офицеры конвоя, получили приказаніе явиться къ дому, занимаемому Драгомировымъ. Тамъ застали мы много старшихъ офицеровъ пѣхотныхъ частей. Никто тогда не подозрѣвалъ, что черезъ три дня этотъ домъ станетъ жилищемъ русскаго Императора. Домъ былъ небольшой, въ два этажа. Между нимъ и краемъ обрыва находился довольно густой садъ съ массою абрикосовыхъ деревьевъ. Впереди дома, со стороны Зимницы, находилась довольно большая площадка.

Собравшись на этой площадкѣ, мы дожидались выхода Драгомирова изъ дома и, по его приглашенію, прослѣдовали въ садъ, при чемъ насъ просили скрываться за деревьями и не выходить на самый край обрыва. Здѣсь, въ саду, онъ намъ разсказалъ въ общихъ чертахъ ходъ переправы и указалъ мѣсто посадки и мѣсто высадки на томъ берегу и окончательно опредѣлилъ, что первый рейсъ будетъ состоять изъ бригады его дивизіи, второй изъ почетнаго конвоя, горной артиллеріи и частей его дивизіи и т. д. Здѣсь передъ нами былъ строго-серьезный, чрезвычайно ясно, толково отдававшій свои приказанія генералъ, и онъ на насъ произвелъ гораздо лучшее впечатлѣніе, чѣмъ это было въ Бею. Тамъ было что-то театральное, дѣланное; этотъ смѣхъ, который черезъ минуту смѣнялся слезами, а потомъ опять появлялись шутки, можетъ быть приизводилъ хорошее впечатлѣніе на нижнихъ чиновъ, но не на офицеровъ. Его рѣчь тогда насъ не удовлетворила. Хотѣлось чего то другого.

Пунктомъ высадки Драгомировъ избралъ небольшую узкую лощину небольшой рѣчки Текеръ-дере, по которой, видимо, можно было взобраться на высокую часть берега.

Нравственный духъ солдатъ былъ прекрасный, не было надобности ихъ подбадривать. Они до такой степени были воодушевлены милостивымъ вниманіемъ и добротою нашего Монарха, простымъ ласковымъ отношеніемъ всѣхъ Великихъ Князей, наконецъ сознаніемъ, что каждый изъ насъ есть представитель своей родной, любимой гвардейской части, все это такъ ихъ наэлектризовало, такъ подняло ихъ духъ, что надобно было ихъ сдерживать, а не подбодрять. То-же было съ гвардіею передъ Горнымъ Дубнякомъ, послѣ замѣчательной рѣчи ген. Гурко.

Въ это время Зимница представляла собою небольшой, довольно мало населенный городокъ. Конечно, какъ и вездѣ на югѣ, имѣлся цѣлый рядъ кофейныхъ, гдѣ можно было достать турецкій кофе и «дульчесы»— кусокъ шербета со стаканомъ воды. Но когда я вторично пріѣхалъ въ Зимницу въ сентябрѣ мѣсяцѣ, я не узналъ города. Всѣ и все, что двигалось въ дѣйствующую армію, должно было проходить черезъ Зимницу. Городъ тогда кипѣлъ жизнью, но что-то скверное, удушливое, грязное, чувствовалось въ немъ. Шумъ, гамъ, ругань стояли въ воздухѣ. Народи-

лась масса новыхъ кафе-шантановъ, десятки жалкихъ оркестровъ наигрывали неизмѣнный «постильонъ», раздавалось пѣніе охрипшихъ пѣвичекъ, и цѣлый рядъ домовъ служилъ притономъ азартной игры. Игра шла безумная, разыгрывались даже казенныя деньги. На столахъ лежало грудами золото, серебро. Какіе только типы не встрѣчались за этими столами! Тутъ были евреи, румыны, греки, поляки, изъ нашихъ чаще другихъ видны были интенданты и начальники разныхъ транспортовъ. Это былъ ужасъ,—эта оргія съ русскимъ золотомъ,—отвратительное издѣвательство и насмѣшка надъ честностью. А рядомъ въ домахъ, въ госпиталяхъ, страдали, умирали, дѣйствительные слуги Царя и Отечества. Да, эта сторона войны, этотъ проклятый тылъ арміи—страшное пятно, глубокій стыдъ и срамъ арміи.

Кажется, 13-го іюня, дошелъ до насъ слухъ, что у Браилова состоялась переправа, но подробностей мы не знали.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Прескоттъ.

Письмо о смерти Императора Александра I-го и приказы о послѣднихъ произведенныхъ имъ смотрахъ войскамъ.

I.

Легенда, отождествляющая умершаго въ 1864 году, въ г. Томскѣ старца Ѳеодора Кузьмича съ Императоромъ Александромъ I, нашла яростныхъ поклонниковъ, увѣренныхъ, что эта легенда вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ таинственная жизнь старца до 1836 года и находимыя ими неточности и противорѣчія въ документахъ о кончинѣ и погребеніи Императора Александра I, по ихъ мнѣнію, подтверждаютъ убѣжденіе почитателей старца, что покинутое имъ въ мірѣ положеніе было исключительно высокое, и, по сопоставленію времени и по намекамъ въ немногихъ словахъ загадочнаго старца, нѣтъ сомнѣній, что онъ ни кто другой, какъ скрытно изчезнувшій изъ Таганрога Императоръ. Таковы толкованія этой легенды въ послѣднихъ вышедшихъ о ней книгахъ: «Таинственный старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ и Императоръ Александръ Благословенный», Д. Г. Романова; «Царственный Мистикъ», князя В. В. Барятинскаго»; «Александръ I и Ѳеодоръ Кузьмичъ», К. Михайлова.

Отверагающіе возможность превращенія Императора въ старца Ѳеодора Кузьмича, помимо убѣжденія въ фантастичности такого превращенія, при которомъ Императоръ могъ, будто-бы, таинственно скрыться изъ Та-

ганрога, подмѣнивъ себя трупомъ неизвѣстнаго солдата или фельдъегеря Маскова (умершаго 3-го ноября, за 16 дней до объявленія о смерти Государя), подтверждаютъ непреложность кончины Государя 19-го ноября 1825-го года документами того времени, оффиціальными сообщеніями и письмами, въ которыхъ естественны и неточности, которымъ придаютъ такое значеніе сторонники легенды, не принимая во вниманіе того, что кончина Государя должна была поразить всѣхъ своею неожиданностью и не могла не вызвать среди приближенныхъ растерянности, а среди народа—разныхъ измышленій въ объясненіе такой неожиданной смерти.

Документы того времени, повѣтствующіе о кончинѣ Императора Александра I, мы можемъ дополнить помѣщаемымъ ниже письмомъ лица, по всей вѣроятности, бывшаго хорошо освѣдомленнымъ обо всемъ, происходившемъ въ то время въ г. Таганрогѣ, такъ какъ авторъ письма, генералъ-маіоръ Папковъ, по біографіи его, напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1900 годъ (№ 12), былъ въ 1825 году лицомъ весьма значительнымъ въ Таганрогѣ: будучи тамъ градоначальникомъ, онъ въ 1825 году ожидалъ Высочайшаго рѣшенія по дѣлу о ревизіи таганрогскаго градоначальства присланнымъ изъ Петербурга сенаторомъ, который, по показанію генералъ-маіора Папкова, потребовалъ съ него взятку въ 40.000 рублей. Сенаторъ отвергалъ это, Папковъ же, лично извѣстный Государю по прежней должности Петербургскаго оберъ-полицій-мейстера, послалъ въ Петербургъ, на имя Государя, жалобу на вымогательство сенатора и, конечно, возлагалъ всѣ надежды для своего оправданія на пріѣздъ Государя въ Таганрогъ, гдѣ должно было рѣшиться это дѣло.

Во время пріѣзда Государя въ Таганрогъ, Папковъ числился больнымъ и жилъ въ имѣніи около города, а домъ его въ городѣ служилъ дворцомъ Государю, который и скончался въ комнатѣ, бывшей кабинетомъ Папкова.

Естественно, что Папковъ, для котораго пріѣздъ Государя имѣлъ такое громадное значеніе, интересовался всѣмъ, касавшимся подробностей его болѣзни и кончины, и, по своему положенію, имѣлъ возможность получать объ этомъ достовѣрныя свѣдѣнія.

Письмо генералъ-маіора Папкова мы приводимъ съ имѣющейся у насъ копіи, найденной въ числѣ разныхъ старыхъ бумагъ начала прошлаго столѣтія, оставшихся послѣ смерти одного изъ участниковъ великой эпохи Отечественной войны. Судя по другимъ, лежавшимъ съ нею письмамъ и документамъ, по почерку и по старинной синей бумагѣ съ водяными знаками 1822 года, несомнѣнно, что эта копія—современница кончины Императора Александра I-го; переписанная очень четко, она, вѣроятно, была получена черезъ кого либо изъ знакомыхъ, какъ интересное сообщеніе о подробностяхъ событія, поразившаго Россію своею неожиданностью.

Копія съ письма къ г. Московскому Коменданту отъ живущаго въ Таганрогѣ генералъ-маіора Папкова.

Таганрогъ. 23 Ноября 1825 года.

«Ужасная вѣсть о кончинѣ Государя Императора Александра Павловича дошла уже до васъ. Мнѣ остается сказать вамъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ сего постигшаго насъ несчастья. Судьбѣ угодно было, что Государь на убѣжденія согласился отправиться въ Крымъ; 27-го Октября, близь Курушты, Государь, проѣзжая верхомъ, безпрестанно долженъ былъ или подыматься на гору, или спускаться съ таковой; у подошвы горы было чрезвычайно жарко, почему Государь безпрестанно снималъ фуражку и отиралъ лицо; напротивъ того,—наверху—безмѣрный холодъ и свирѣпствовала буря, отъ чего чувствовалъ противное. Въ тотъ же день, черезъ Байдарскую долину проѣзжая въ Севастополь, остановился на дорогѣ и отправился въ Георгіевскій монастырь, верхомъ, съ двумя татарами и переводчикомъ. Въ 5-ти верстахъ отъ дороги уже смерклось и было холодно; Государя спросили:—не угодно ли ему надѣть шинель или бурку?—отвѣчалъ—«не надо» и отправился, а возвратясь оттуда часа черезъ два, вставъ съ лошади, сказалъ: «очень холодно» и что онъ озябъ. Надѣвъ шинель, сѣлъ въ коляску и отправился въ Севастополь, куда прибылъ въ 9 часовъ вечера. На другой день, также въ мундирѣ, былъ при парадѣ, при спускѣ судна на Александровской батареѣ, потомъ на морѣ,—и все это было поздно; замѣтили перемѣну въ лицѣ его. Онъ на боль не жаловался, но на балъ не поѣхалъ.

Въ Бахчисараѣ, Нагаевѣ и Перекопѣ замѣтили, что онъ казался, такъ сказать, очень не по себѣ; въ Орѣховѣ самъ уже сказалъ, что немного нездоровъ, за 125 верстъ не доѣзжая до Таганрога, а въ Маріуполѣ на ночлегѣ позвалъ Виллье и сказалъ, что чувствуетъ ознобъ и намѣренъ выпить пуншу, дабы вспотѣть; выпилъ, скутался, но не вспотѣлъ; 5-го Ноября потребовалъ подъ ноги мѣхъ, надѣлъ мѣховую шинель и на станціи за обѣдомъ сказалъ, что чувствуетъ крымскую лихорадку. 125 верстъ до Таганрога онъ все засыпалъ, а послѣднюю станцію едва двигался,—такъ тяжело ему было ѣхать, безпрестанно спрашивалъ сколько верстъ осталось. На боль головы не жаловался. Пріѣхалъ въ 7 часовъ вечера и никого не принималъ. На другой день началъ было одѣваться, чтобы ходить пѣшкомъ, но не могъ. Потомъ хуже и хуже. 8-го числа писалъ коротенькое письмо къ Императрицѣ въ С.-Петербургъ,—далѣе все хуже и, какъ ни уговаривали, лекарство не принималъ. 15-го Ноября, рано утромъ, принялъ предложеніе Императрицы,—исповѣдался и пріобщался. Священникъ, пріобщивъ его, сталъ передъ нимъ на колѣни и сказалъ, что онъ уврачевалъ душу и проситъ отъ церкви и народа, чтобы Государь согласился увра-

чевать тѣло. Отвѣчалъ: «если это надобно, я согласенъ»; потомъ сказалъ «теперь я вижу, что опасно боленъ». Пустили 50 піявокъ, сдѣлалось легче, потомъ опять хуже; горчица не пособила. 16-го былъ безъ чувствъ. 17-го приложили къ затылку мушку, было легче, проговорилъ, но съ 18-го почти не открывалъ глазъ; 19-го въ 10 часовъ 50 минутъ кончилъ жизнь.

Императрица была при немъ безотлучно пять дней, не спала и не кушала; когда сталъ кончаться, и начали читать отходную, Императрица держала его за руки и, когда испустилъ послѣдній вздохъ, то она закрыла ему глаза, подвязала подбородокъ, потомъ, сжавъ руки, поцѣловала поклонилась и сказала: «прощай, мой другъ»..., обратилась къ образу, помолилась и пошла въ свою половину; едва къ себѣ вошла, зарыдала, потомъ вскорѣ сказала: «Господи, прости моей слабости»... Ободрившись, приказала при покойномъ служить панихиду, взяла свѣчу и не плакала, но скорбь ужасная была на лицѣ ея; на другой день перевезли ее въ другой домъ; 22-го была тамъ на панихидѣ и съ сего числа стала говѣть.

Императрица не человѣкъ, а воплощенный ангелъ, чудо! Переноситъ съ величьемъ души потерю, но очень слаба.

При вскрытіи тѣла все нашли въ наилучшемъ видѣ, но когда черепъ вскрыли, то вылилось воды до 50 золотниковъ».

II.

Въ 1825 году, во время послѣдняго путешествія Императора Александра I-го по Крымскому полуострову, въ числѣ войскъ, тамъ расположенныхъ, была 20-ая артиллерійская бригада, состоявшая по тогдашней организаціи изъ 5-ти артиллерійскихъ ротъ: батарейной № 1, легкихъ №№ 2 и 3, парочной батарейной и понтонной. Батарейною № 1 ротою командовалъ полковникъ Гилленшмитъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и командиромъ 20 артиллерійской бригады, такъ какъ въ то время отдѣльной должности командира бригады въ артиллеріи не было, а она совмѣщалась съ должностью командира батарейной роты.

Штабъ 20-й артиллерійской бригады, съ батарейною № 1 ротою, помѣщался въ сел. Большая Знаменка, легкая № 2 рота—стояла въ сел. Рогачикѣ, легкая № 3 рота—въ сел. Водяной и парочная № 4 рота—въ г. Севастополѣ; понтонная рота стояла отдѣльно въ мѣст. Атаки, Бессарабской области.

3-го октября 1825 года, полковникъ Гилленшмитъ получилъ отъ генералъ-лейтенанта Рудзевича, командовавшаго тогда 7-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, въ составъ котораго входила 20-ая артиллерійская бригада, предписаніе такого содержанія:

«Имѣя достовѣрное свѣдѣніе, что Государь Императоръ предпринялъ намѣреніе въ теченіи нынѣшняго мѣсяца инкогнито посѣтить Крымскій полуостровъ, и что для пріѣзда Его Величества приготовлена уже въ Симферополѣ квартира, я извѣщаю о томъ ваше высокоблагородіе съ тѣмъ, чтобы, съ полученія сего, воинскіе чины артиллерійскихъ ротъ ввѣренной вамъ бригады, какъ на трактѣ отъ Таганрога къ Перекопу расположенные, находились бы въ своихъ квартирахъ; нижніе чины отнюдь не шатались бы и особенно на почтовой дорогѣ; посылаемые же по службѣ были бы одѣты въ приличной формѣ, съ опрятностью и расторопные, дабы, въ случаѣ встрѣчи Государемъ Императоромъ, могли отвѣчать какъ должно; гарнизонная служба какъ въ бригадной, такъ и въ ротныхъ квартирахъ соблюдалась бы въ точности; бригадный лазаретъ былъ бы въ порядкѣ и опрятности».

Въ дополненіе къ этому предписанію, генералъ-лейтенантъ Рудзевичъ сообщилъ еще полковнику Гилленшмиту 19-го Октября слѣдующее:

«Повелѣніемъ отъ 3-го числа сего мѣсяца предваривъ васъ о времени проѣзда Государя Императора по тракту расположенія ввѣренной вамъ бригады, предписываю приготовить для караула Его Императорскому Величеству изъ бригады одну роту, по вашему назначенію, которая бы 2-го ноября съ утра непремѣнно находилась въ сел. Рогачикѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ приготовленъ домъ для ночлега Его Императорскаго Величества.

Рота, для караула назначенная, должна быть осмотрѣна вами и состоять въ совершенномъ порядкѣ, при коей и вамъ должно находиться».

По происшедшимъ, вѣроятно, въ пути Государя измѣненіямъ, Высочайшій осмотръ роты 20 артиллерійской бригады состоялся не въ Рогачикѣ, а въ штабъ квартирѣ бригады, въ сел. Большая Знаменка, гдѣ полковникъ Гилленшмитъ представилъ почетный караулъ отъ своей батарейной № 1 роты, а затѣмъ Государь осмотрѣлъ всѣ помѣщенія и хозяйство ротнаго штаба.

О результатахъ смотра полковникъ Гилленшмитъ донесъ 5-го Ноября 1825 года бывшему тогда начальнику артиллеріи 2-й арміи, генералъ-лейтенанту барону Левенштерну, слѣдующее:

«Государь Императоръ, на ночлегѣ своемъ, 2-го сего Ноября въ сел. Большая Знаменка, осчастливилъ Высочайшимъ осмотромъ приготовленный для встрѣчи Его Величества караулъ ввѣренной мнѣ бригады отъ 1-й батарейной роты; пройдя по фронту онаго, за выправку людей, чистоту одежды и пригонку по изданнымъ образцамъ аммуниціи, удостоилъ меня монаршею благодарностью, а потомъ, отойдя отъ караула къ квартирѣ, изволилъ воротиться и сказалъ мнѣ, что угодно ему вторично полюбоваться карауломъ, нижнимъ же чинамъ караула пожаловалъ на каждаго человѣка по рублю.

«3-го Ноября Государь Императоръ изволилъ осматривать хозяйствен-

ныя заведенія: артиллерію, конскую аммуницію и лошадей; за совершенно исправное содержаніе ввѣренной мнѣ части, въ состояніи, въ каковомъ его Императорскому Величеству имѣлъ счастіе представить, удостоился нѣсколько разъ Высочайшей благодарности, нижнимъ же чинамъ всей роты изволилъ пожаловать по рублю, чаркѣ водки и фунту говядины на каждаго человѣка.

Послѣ таковаго осмотра, 3-го же числа, Его Величество удостоилъ посѣщеніемъ лазаретъ ввѣренной мнѣ бригады; за хорошее содержаніе онаго и попеченіе о больныхъ изволилъ изъявить мнѣ Высочайшую благодарность, а за хорошо вареную пищу и хлѣбъ, повару пожаловалъ 25 рублей ассигнаціями.

Отсюда его Величеству угодно было отправиться въ сопровожденіи моемъ, для осмотра хозяйственной части и лошадей 3-й роты (въ сел. Водяное), и оные, къ удовольствію Его Величества, найдены въ совершенно хорошемъ состояніи и исправности, за что изъявилъ полковнику Лаврову благодарность.

О столь лестной милости, изъявленной Его Величествомъ мнѣ, долгомъ поставляю для себя донести вашему превосходительству».

Это донесеніе полковника Гилленшмита, о полученной имъ благодарности за исправное состояніе роты, подтвердилось Высочайшимъ приказомъ, изложеннымъ такъ:

«Его Императорское Величество, въ присутствіи своемъ въ г. Орѣховѣ, Ноября 4 дня 1825 года, соизволилъ отдать слѣдующій приказъ: Его Императорское Величество объявляетъ Высочайшее благоволѣніе командиру 20-й артиллерійской бригады, полковнику Гилленшмиту, за отличную выправку нижнихъ чиновъ и примѣрную во всемъ исправность ввѣренной ему батарейной роты № 1-го и ея заведеній, которыя Его Величество изволилъ лично осматривать 3-го сего Ноября въ селеніи Большой Знаменкѣ, равно и за тотъ порядокъ, каковой найденъ въ частяхъ легкой № 3-го и парочной № 4-го ротъ при Высочайшемъ осмотрѣ первой въ дер. Водяной, а послѣдней въ г. Севастополѣ. Его Императорское Величество равномѣрно изъявилъ свое удовольствіе начальнику артиллеріи 2-й арміи, генералъ-лейтенанту Левенштерну I-му, за таковое отличное состояніе означенной 20-й артиллерійской бригады». Подписалъ генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ.

Высочайшій приказъ этотъ, состоявшійся 4-го Ноября, былъ разосланъ въ артиллерійскія части при приказѣ генералъ-фельдцейхмейстера Великаго Князя Михаила Павловича отъ 27-го Января 1826 года, когда прошло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ со дня кончины Государя, объявившаго благоволѣніе и удовольствіе за отличное состояніе бригады. Несомнѣнно, что это былъ послѣдній Высочайшій приказъ объ осмотрѣ войскъ Императоромъ Александромъ I-мъ, а 20-я артиллерійская бригада была послѣднею частью не только артиллеріи, но и всего русскаго войска, представившеюся

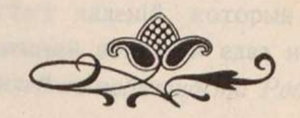
на смотръ Государю Императору передъ его неожиданною кончиною. Въ приведенномъ выше письмѣ г. м. Папкова сказано, что Государь въ г. Орѣховѣ, гдѣ былъ отданъ приказъ объ осмотрѣ 20-й бригады, самъ уже сказалъ, что немного нездоровъ; на слѣдующій день чувствовалъ сильный ознобъ, съ трудомъ доѣхалъ до Таганрога и тамъ никого уже не принималъ.

Одновременно съ Высочайшимъ приказомъ отъ 4-го Ноября войска получили еще два, столь же запоздавшіе разсылкою приказа объ осмотрѣ Государемъ частей пѣхоты, а именно:

1,—приказъ, отданный 29-го Октября 1825 года въ Юрзуфѣ, объ осмотрѣ 25-го Октября 2-го баталіона Нашебургскаго пѣхотнаго полка, на мѣстѣ производимой имъ разработки дороги при горѣ Шатыръ-дагъ; за свѣжій и здоровый видъ людей и порядокъ въ устройствѣ баталіона, въ одеждѣ и аммуниціи объявлено Высочайшее благоволѣніе баталіонному командиру, маіору Никифорову 4-му, и всѣмъ г.г. офицерамъ; нижнимъ чинамъ пожаловано по рублю, фунту говядины и чаркѣ вина.

2,—приказъ отъ 29-го Октября, отданный въ Севастополѣ объ осмотрѣ тамъ же, 28-го Октября, двухъ баталіоновъ Севастопольскаго и 3-го баталіона Нашебургскаго пѣхотныхъ полковъ; всѣмъ нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ строю, пожаловано по рублю, фунту говядины и чаркѣ вина. Командиру Севастопольскаго полка, подполковнику Вейде 2-му и штабъ и оберъ офицерамъ за исправность осмотрѣнныхъ баталіоновъ объявлена Высочайшая благодарность.

Сообщилъ **Д. Меньшовъ**.

на смотрѣ Государя Императору передъ его неожиданною кончиною. Въ приведенномъ выше письмѣ г-жѣ Панковой сказано, что Государь въ Орѣховѣ, гдѣ былъ отданъ приказъ объ осмотрѣ 20-й бригады, самъ уже сказалъ, что немного нездоровъ; на слѣдующій день чувствовалъ сильный ознобъ, съ трудомъ доѣхалъ до Таганрога и тамъ никого уже не принималъ.

Одновременно съ Высочайшимъ приказомъ отъ 4-го Ноября войска получили еще два, столь же запоздавшіе разсылкою приказа объ осмотрѣ Государемъ частей пѣхоты, а именно:

1,—приказъ, отданный 29-го Октября 1825 года въ Юрзуфѣ, объ осмотрѣ 25-го Октября 2-го баталіона Нашебургскаго пѣхотнаго полка, на мѣстѣ производимой имъ разработки дороги при горѣ Шайтанъ-дагъ, за найденныя въ баталіонѣ, въ одеждѣ и амуниціи исправность и порядокъ, въ устройствѣ и здоровый видъ людей объявлено Высочайшее благоволеніе баталіонному командиру, майору Никифорову 4-му, и всѣмъ гг. офицерамъ; нижнимъ же чинамъ пожаловано по рублю, фунту говядины и чаркѣ вина.

2,—приказъ отъ 29-го Октября, отданный въ Севастополѣ, объ осмотрѣ тамъ же, 28-го Октября, двухъ баталіоновъ Севастопольскаго и 3-го баталіона Нашебургскаго пѣхотныхъ полковъ; всѣмъ нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ строю, пожаловано по рублю, фунту говядины и чаркѣ вина. Командиру Севастопольскаго полка, подполковнику Вейде 2-му и штабъ и оберъ офицерамъ за исправность осмотрѣнныхъ баталіоновъ объявлено Высочайшее благоволеніе.

Сообщилъ Д. Меньшовъ.

Причины Отечественной войны 1812 года.

Отъ редакціи.

Настоящая статья, отступая отъ обычной идеализаціи личности Императора Александра I, по своему характеру принадлежитъ къ тому объективно-научному направленію, новѣйшимъ представителемъ котораго можетъ считаться Августѣйшій изслѣдователь по данному вопросу, Великій Князь Николай Михайловичъ.

Нѣкоторыя положенія почтеннаго автора можно, конечно, оспаривать. Однако, нужно согласиться, что замалчиваніе нынѣ, по истеченіи 100 лѣтъ, отрицательныхъ сторонъ тѣхъ явленій, которыя породили обстоятельства, предшествовавшія Отечественной войнѣ, и едва не повлекли за собой *разрушенія внѣшней и внутренней самобытности Россіи*,—скорѣе можетъ принести вредъ, чѣмъ пользу.

Давно необходимо признать аксіомой то положеніе, что именно изъ отрицательныхъ и темныхъ страницъ нашей исторіи мы должны научиться извлекать уроки для свѣтлаго будущаго...

I.

Отечественная война въ сознаніи историка является великой исторической драмой, имѣющей свой прологъ и свой эпилогъ. Мѣсто дѣйствій пролога—Западная Европа; герой его, насколько дѣло касается Россіи, русскій Императоръ Александръ I. Дѣйствуя по собственному изволенію, какъ абсолютный монархъ, Императоръ Александръ, рядомъ дѣйствій, неоправдываемыхъ насущными интересами русскаго народа, накликаетъ неумолимый гнѣвъ французскаго Императора Наполеона, который и обрушивается на Россію всѣми своими огромными силами и средствами. Тогда главный виновникъ постигшаго отечество несчастія какъ бы стушовывается и отходитъ на второй планъ, а на сцену выступаетъ Русскій Народъ, истинный герой начинающейся драмы. Руководимый инстиктомъ самосохраненія, чувствомъ чести и національнаго достоинства, народъ избираетъ себѣ вождя по сердцу въ лицѣ маститаго героя Кутузова и, соединившись подъ его руководствомъ въ одно органическое цѣлое съ арміей, приноситъ массу жертвъ, совершаетъ рядъ подвиговъ и, наконецъ, при благопріятномъ воздѣйствіи стихійныхъ силъ природы, осиливаетъ своего врага, изгоняетъ его изъ своего отечества и, истомленный трудностью борьбы, желаетъ успокоиться въ надеждѣ, что его правительство захочетъ и сумѣетъ воспользоваться, безъ новыхъ жертвъ, благопріятно сложившимися обстоятельствами для осуществленія задачъ, намѣченныхъ отечественной исторіей.

Такъ оканчивается самая драма, а затѣмъ, слѣдуетъ ея эпилогъ.

Мѣстомъ дѣйствія опять является Западная Европа, главнымъ героемъ—также Императоръ Александръ I. Оставаясь по прежнему глухъ къ интересамъ своего народа, Александръ всѣ свои симпатіи переноситъ на Пруссію и Польшу, для осущественія интересовъ которыхъ онъ проливаетъ не только новые потоки русской крови, но, для возстановленія Польши въ границахъ «отъ можа до можа», онъ готовъ даже допустить четвертованіе русскаго народнаго организма. Но все же главною цѣлью стремленій героя эпилога является страстное желаніе уничтожить Императора Наполеона, котораго онъ объявляетъ своимъ личнымъ врагомъ: «Наполеонъ—или Я».—Цѣль достигнута: Наполеонъ низложенъ, стремленія Пруссіи и Польши достигнуты, хотя и не въ полномъ ихъ объемѣ, а русскій народъ, за свои жертвы и подвиги, доставившіе возможность Императору пощеголять въ Европѣ своимъ великодушіемъ и либерализмомъ, отданъ на разстерзаніе злого временщика Аракчеева, котораго самъ Александръ раньше называлъ великимъ «мерзавцемъ».

Такъ, въ немногихъ словахъ, можно передать сущность сюжета драмы, ея пролога и эпилога. Перейдемъ къ болѣе внимательному анализу ея содержанія.

Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія Франція переживаетъ процессъ своего соціально-политическаго перерожденія. Сущность этого процесса кратко можемъ выразить такъ: государственно-общественный строй, утвержденный на началѣ абсолютизма верховной власти и неравенства сословій, перестраивается по принципу народнаго представительства и равенства всѣхъ предъ закономъ. Актъ такой огромной важности потребовалъ отъ народа большихъ жертъ и сопровождался многими,—въ подобныхъ случаяхъ неизбѣжными, отрицательными сторонами. Недовольная, какъ самими принципами, выдвинутыми Французской революціей, такъ и созданными ея внѣшнимъ ходомъ многими грубо-отрицательными явленіями, сосѣднія державы, Австрія и Пруссія, берутъ на себя задачу силою остановить начавшееся во Франціи революціонное движеніе. Но французскій народъ, воодушевленный своими соціально-политическими идеалами, энергично выступилъ на защиту своего права самобытно распоряжаться своими внутренними дѣлами и сначала даетъ отпоръ своимъ врагамъ, а затѣмъ изъ оборонительнаго положенія переходитъ въ наступленіе, стараясь всюду насаждать начала своего реформированнаго строя, а гдѣ было возможно, и передѣлывать по своему политическую карту Европы. Это наступательное движеніе Франціи принимаетъ особенно острый характеръ, когда во главѣ ея становится Наполеонъ Бонапартъ. Человѣкъ геніальнаго ума, желѣзной воли, безпримѣрной энергіи и безмѣрнаго честолюбія, Наполеонъ ускореннымъ темпомъ проходитъ всѣ ступени военно-чиновной іерархіи до императорскаго трона включительно и, ставъ во главѣ побѣдоносной Французской арміи, подчиняетъ своей волѣ всю западную часть континентальной Европы. Изъ западныхъ государствъ неподвластною Наполеону остается лишь островная Англія, которую онъ не можетъ осилить и которую, поэтому, онъ ненавидитъ всѣмъ своимъ существомъ.

Въ иномъ положеніи находилась тогда Россія. И по своему внутреннему строю и по географическому положенію, Россія представляла собою особый міръ, интересы котораго событіями на западѣ по существу не затрагивались и поэтому сколько нибудь серьезныхъ побужденій къ активному вмѣшательству въ тамошнія дѣла у насъ не было. Руководитель нашей внѣшней политикой въ первые годы царствованія Александра I, графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, рѣшительно былъ убѣжденъ, что Россія можетъ жить въ дружбѣ съ цѣлымъ міромъ, покойно занимаясь разрѣшеніемъ внутреннихъ вопросовъ, которыхъ накопилось очень много и которые требовали серьезнаго къ себѣ вниманія. Такъ думалъ Кочубей, но не такъ думали другіе: русское правительство постепенно порывается къ вмѣшательству въ чужія дѣла и, такъ какъ эти порыванія не вызывались насущными потребностями государства, то они естественно носили характеръ случайности и личнаго произвола и кромѣ несчастья народу ничего не приносили. Это непосредственно очевидно изъ самаго сухого перечня со-

бытій. Екатерина II, вступивъ въ союзъ съ врагомъ Франціи, приготовила войска для войны съ послѣдней. Павелъ Петровичъ сначала распустилъ эти войска, но, не выдержавъ роли, объявилъ войну. Война эта, покрывшая вѣчною славою Суворова и его славную дружину, дала намъ въ результатѣ, кромѣ огромныхъ матеріальныхъ затратъ, рядъ нравственныхъ оскорбленій отъ нашихъ союзниковъ и окончилась перемѣною фронта: нашъ прежній врагъ объявленъ нашимъ союзникомъ, а прежніе союзники—врагами, съ однимъ изъ которыхъ (Англіей) мы начали войну. Не успѣвъ, впрочемъ, сдѣлать и нѣсколькихъ выстрѣловъ, со вступленіемъ на престолъ Александра I, мы завязали мирные переговоры, которые, въ концѣ концовъ, привели къ вступленію въ новую коалицію, направленную противъ той Франціи, съ которой еще только что мы обмѣнивались комплиментами, увѣреніями въ дружбѣ и т. д. Въ наказаніе за такое легкомысліе, на этотъ разъ мы получили Аустерлицъ, Прейсишъ-Эйлау и Фридландъ, а въ заключеніе—вызвавшій общественное негодованіе Тильзитскій миръ, неисполненіе условій котораго и послужило, если не причиною, то поводомъ къ Отечественной войнѣ.

Какъ могъ получиться такой порядокъ вещей? Понять это не трудно. Большой корабль въ своемъ планомѣрномъ движеніи на просторѣ океана не можетъ часто и быстро измѣнять курсъ своего хода, не можетъ хотя бы потому, что этого не позволяетъ объемъ его массы, подчиненный въ своемъ движеніи закону инерціи. Такъ точно и великій народъ не можетъ часто и быстро перемѣнять направленіе своей политики, не можетъ потому, что отъ этого предохраняютъ его историческія традиціи, направленныя вѣками созданнымъ инстинктомъ, гарантирующимъ закономѣрность и цѣлесообразность его поступательнаго движенія. Чрезмѣрная подвижность и, если можно такъ выразиться, вертлявость въ политикѣ, это удѣлъ личнаго произвола, недоступнаго воздѣйствію народной стихіи, всегда убогаго въ своемъ одиночествѣ, руководствующагося въ своихъ дѣйствіяхъ своимъ капризомъ, своимъ минутнымъ настроеніемъ. Съ такимъ именно явленіемъ мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ. Внукъ герцога Голштинскаго и принцессы Ангальтъ-Цербстской, выросшій при дворѣ, который, по выраженію Карамзина, не умѣлъ говорить по русски, воспитанный швейцарцемъ Лагарпомъ, Императоръ Александръ I по воспитанію былъ чужимъ человѣкомъ среди того народа, надъ которымъ онъ царствовалъ, интересами котораго онъ никогда не проникался, а иногда даже прямо и сознательно отдѣлялъ его интересы отъ своихъ личныхъ. Отправляясь на Вѣнскій конгрессъ, онъ въ Пулавахъ, ухаживая за семьею Чарторижскихъ, заявляетъ, что «теперь меня болѣе всего занимаетъ Польша. Ѣду на конгрессъ, чтобы работать для нея». Проектируя возстановить Польшу, онъ хочетъ «*отдать* польскимъ провинціямъ около 12-ти милліоновъ жителей»; а позднѣе, въ разговорѣ съ графомъ Огинскимъ, онъ прямо выражаетъ свое желаніе присоединить бывшую

Литву, вошедшую въ составъ Русскаго государства, къ возстановленной Польшѣ. Перечисляя враговъ этого проекта, главнѣйшимъ изъ нихъ онъ называетъ Россію, чѣмъ прямо свидѣтельствуетъ, что онъ преслѣдуетъ политику антирусскую. При сравненіи своихъ подданныхъ съ иностранцами, онъ всегда свои симпатіи склоняетъ на сторону послѣднихъ, не стѣсняясь выражать это въ грубой, оскорбительной для русскихъ формѣ. Этой участи не избѣжали даже побѣдоносныя Русскія войска, которыя своею кровью доставили столько пищи для тщеславія Императора. По словамъ Н. Н. Муравьева, въ Парижѣ, по вступленіи въ него Александра, «побѣдителей морили голодомъ и держали какъ бы подъ арестомъ въ казармахъ. Государь былъ пристрастенъ къ французамъ и до такой степени, что приказывалъ парижской національной гвардіи брать нашихъ солдатъ подъ арестъ, когда ихъ на улицѣ встрѣчали», какъ будто у насъ не было своихъ офицеровъ, своей дисциплины. Въ тоже время флигель-адъютантъ императора Рошешуаръ, подражая своему повелителю, «дѣлалъ всякія непріятности русскимъ офицерамъ». Но особенно характеренъ слѣдующій фактъ, передаваемый тѣмъ же Муравьевымъ, со словъ А. П. Ермолова. «Когда мы въ 1815 году вступили въ Парижъ парадомъ», разсказывалъ Ермоловъ, «я командовалъ корпусомъ, и государь приказалъ мнѣ арестовать на англійской гауптвахтѣ двухъ полковыхъ командировъ за то, что несчастный какой-то взводъ съ ноги сбился.—«Государь», сказалъ я, «полковники сіи отличнѣйшіе офицеры, уважьте службу ихъ, а особливо не посылайте ихъ на иностранную гауптвахту: у насъ есть Сибирь, крѣпость».—«Исполняйте долгъ свой», закричалъ государь, и я замолчалъ. Вообще, прославленная любезность Александра была только для иностранцевъ, но не для русскихъ, съ которыми онъ, по свидѣтельству даже такого объективнаго современника какъ Михайловскій-Данилевскій, былъ нерѣдко грубъ, а иногда даже суровъ. Эта страсть унизить русскаго человѣка передъ иноземцемъ не была въ Александрѣ простою случайностью; она связана была у него съ цѣлою системой отношеній къ своимъ подданнымъ. Усвоивъ себѣ наклонность обольщать людей искуственною любезностью, онъ довелъ въ себѣ это искусство до кокетства, которое онъ примѣнялъ въ обращеніи не только съ дамами, но и съ мужчинами; этого же онъ требовалъ и отъ окружавшихъ его русскихъ людей, простота и естественность которыхъ ему не нравилась; онъ ихъ иногда даже прямо называлъ «медвѣдями», а передъ иностранцами старался показать, что онъ ихъ стыдится, и когда представлялась возможность, онъ старался ихъ избѣгать. На Вѣнскій, напримѣръ, конгресъ онъ явился окруженный иностранцами. Изъ бывшихъ при Александрѣ шести нашихъ уполномоченныхъ только одинъ, графъ А. К. Разумовскій, былъ природнымъ русскимъ, да и тотъ, какъ выразился Шильдеръ, «отъ Россіи почти отрекся», всѣ же остальные—Нессельроде, Стакельбергъ, Анстетъ, Поццо ди Борго, Каподистрія—были иностранцы.

Императоръ любилъ жаловаться, что у него нѣтъ способныхъ людей; но внимательные наблюдатели находили, что Александръ не потому окружалъ себя бездарностями, что способныхъ людей нельзя было найти, а «дабы потомство всю славу воздало ему одному». Эта погоня за славой дорого стоила Россіи. Извѣстно при какихъ обстоятельствахъ проиграна была битва при Аустерлицѣ. Нѣчто подобное постигло бы нашу армію и въ 1812 году, если бы состоявшему при особѣ Императора комитету, по иниціативѣ Шишкова, не удалось уговорить Государя выѣхать изъ арміи. Въ послѣднемъ случаѣ не послѣднюю роль сыграла слишкомъ рѣзко обнаруженная неспособность Александра въ военномъ дѣлѣ. Но за то, въ области внѣшней политики онъ признавалъ себя непогрѣшимымъ дипломатомъ и никогда не выпускалъ изъ своихъ рукъ иниціативы дѣйствій.

Уже въ первый годъ вступленія на престолъ, въ бесѣдѣ съ Дюрокомъ, довѣренымъ адъютантомъ Наполеона, тогда еще перваго консула, Александръ выражаетъ желаніе сговориться съ первымъ консуломъ *непосредственно,* «не прибѣгая къ помощи многихъ посредниковъ». О чемъ же русскій Императоръ собирается сговариваться съ представителемъ французской націи, какихъ благъ онъ предполагаетъ добиться для своего народа?—«Мнѣ лично ничего не нужно», заявляетъ онъ тому же Дюроку, «я желаю только содѣйствовать спокойствію Европы». Эту мысль Императора болѣе опредѣленно выразилъ его уполномоченный въ Парижѣ графъ Морковъ. Онъ прямо заявилъ Наполеону, «что русское правительство не можетъ оставаться равнодушнымъ въ отношеніи къ жребію какой-бы то ни было изъ европейскихъ державъ», потому что виды россійскаго Императора обширны и великодушны, что они объемлютъ спокойствіе и благополучіе *всего свѣта.* Тутъ невольно вспоминается инструкція англійскаго министерства послу лондонскаго двора въ Парижѣ, лорду Корнвалису, гдѣ прямо предписывается «не запутывать собственныхъ интересовъ Англіи посторонними притязаніями». Итакъ, въ то время какъ практическая Англія задачей своей политики ставила правило не запутывать своихъ интересовъ посторонними притязаніями, Императоръ Александръ, заявляя, что у него нѣтъ его собственныхъ интересовъ въ Европѣ, постоянно впутывается въ чужія дѣла, какъ бы намѣренно стараясь раздражить Наполеона, интересы котораго дѣйствительно разсѣяны были по всей Европѣ. Вмѣшиваясь сначала частично въ отношенія Франціи къ королю Сардинскому, курфюрсту Баварскому, герцогу Виртембергскому и др., онъ наконецъ входитъ въ составъ направленной противъ этого государства цѣлой коалиціи. Легко представить себѣ, какъ долженъ былъ относиться Наполеонъ къ человѣку, который заявляетъ, что лично ему ничего не нужно и котораго, слѣдовательно, ничѣмъ нельзя удовлетворить, но который, тѣмъ не менѣе, всюду вмѣшивается, серьезно увѣряя, что его интересы разсѣяны во всемъ свѣтѣ. Когда неразумный ребенокъ, шаля оружіемъ, начинаетъ злоупо-

треблять имъ, лучшее средство отнять у него послѣднее. Такъ и поступилъ Наполеонъ. Двумя рѣшительными ударами, нанесенными при Аустерлицѣ и Фридландѣ, онъ лишилъ Александра возможности вредить Франціи, заставилъ его служить своимъ интересамъ, какъ бы желая этимъ сказать, что разъ у человѣка нѣтъ своихъ собственныхъ серьезныхъ интересовъ, то не все-ли равно, въ какомъ направленіи онъ протянетъ свое оружіе—направо или налѣво. И этотъ аргументъ показался Александру вполнѣ убѣдительнымъ: прежде онъ вступилъ въ коалицію съ другими европейскими державами противъ Франціи; теперь онъ перемѣнилъ фронтъ и вступилъ въ союзъ съ Франціей противъ прежнихъ своихъ союзниковъ, т. е. поступилъ такъ же, какъ раньше поступилъ его отецъ, Императоръ Павелъ I, сначала сражавшійся въ союзѣ съ Англіей противъ Франціи, а потомъ выразившій готовность сражаться съ Франціей противъ Англіи.

Тамъ, гдѣ правительство не проникнуто историческими традиціями народа, тамъ не можетъ быть и истиннаго пониманія народныхъ интересовъ, тамъ и внѣшняя политика неизбѣжно должна носить печать личнаго каприза, личнаго произвола, въ которомъ напрасно было бы искать чего нибудь твердаго, постояннаго. Такъ именно и было въ данномъ случаѣ. Когда, послѣ пораженія русской арміи при Фридландѣ, нашъ уполномоченный князь Лобановъ-Ростовскій прибылъ въ Тильзитъ для подписи перемирія, въ разговорѣ съ нимъ «Наполеонъ», говоритъ Вандаль, «побѣдоносный и неотразимый, имѣлъ право во всемъ отказать Россіи, но онъ позволяетъ ей на многое надѣяться, лишь бы только сговориться *одинъ на одинъ*». Наполеонъ зналъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и ему очень хотѣлось устранить отъ переговоровъ русскихъ дипломатовъ и вести ихъ непосредственно съ самымъ Александромъ. Сдѣланный въ этомъ направленіи намекъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Въ инструкціи, данной тому же Лобанову при новомъ отправленіи его въ Тильзитъ, мы уже читаемъ: «Я льщу себя надеждой, что мы легко сговоримся съ Императоромъ Наполеономъ, *лишь бы мы вели переговоры безъ посредниковъ*». Переговоры, дѣйствительно, велись безъ посредниковъ, и результатомъ ихъ былъ Тильзитскій миръ.

Здѣсь прежде всего нужно напомнить, что въ той же инструкціи Лобанову-Ростовскому, Александръ увѣрялъ, что «союзъ Россіи съ Франціей всегда былъ предметомъ моихъ желаній; я убѣжденъ, что только онъ можетъ обезпечить счастье и покой міру». Если всегда было таково желаніе русскаго Императора, то спрашивается, какой же злой геній толкнулъ Россію на путь этой такъ печально окончившейся для нея войны и для какихъ интересовъ она приносила столь великія жертвы? Безъ воли своего Императора она войны начать не могла, а какія этой войною преслѣдовались цѣли, объ этомъ приходится судить на основаніи трактатовъ Тильзитскаго мира.

Трактаты эти состоятъ изъ трехъ актовъ, подписанныхъ въ Тильзитѣ 17 іюля 1807 года между Франціей и Россіей: 1) мирнаго договора, 2) отдѣльныхъ и секретныхъ статей и 3) договора о союзѣ. Въ первомъ изъ этихъ актовъ 29 статей, во второмъ 7. Если оставить въ сторонѣ все то, что естественно и неизбѣжно вносится во всякій мирный договоръ, заключаемый между воющими сторонами, то окажется, что все содержаніе первыхъ двухъ актовъ почти исключительно посвящено интересамъ государей и государствъ, о существованіи которыхъ русскій народъ могъ бы преспокойно не знать и, во всякомъ случаѣ, проливать за благо которыхъ потоки своей крови едва-ли было въ его интересахъ. Эти акты касаются интересовъ королей: Прусскаго и Саксонскаго, герцогства Варшавскаго, вольнаго города Данцига, герцоговъ Саксенъ-Кобургскаго, Ольденбургскаго, Мекленбургскаго, королей—братьевъ Наполеона: Неаполитанскаго—Іосифа, Голландскаго—Людовика, Вестфальскаго и Сардинскаго—Іеронима, настоящихъ и будущихъ государей Рейнскаго союза, Ганновера, области Каттаро, острововъ Іоническихъ, главъ домовъ Гессе-Кассельскаго, Брунсвикъ-Вольфенбюттельскаго, Нассау-Оранжскаго и большихъ государствъ—Англіи и Турціи. Изъ статей *мирнаго договора* прямо интересовъ Россіи касается статья 9-я, гдѣ рѣчь идетъ о присоединеніи къ Россіи такъ называемой Бѣлостокской области и статьи 21, 23 и 24, посвященныя вопросу о заключеніи при посредствѣ Франціи мира съ Турціей.

Любопытенъ самый характеръ редакціи разсматриваемыхъ актовъ. Читая ихъ, чувствуешь, что этотъ договоръ заключенъ между побѣдителемъ и побѣжденнымъ: здѣсь Русскій Императоръ выступаетъ или въ роли ходатая, къ просьбамъ котораго Императоръ Наполеонъ великодушно снисходитъ, или лицомъ, берущимъ на себя обязательства, къ которымъ онъ вынужденъ требованіями Наполеона. Ни одинъ русскій дипломатъ, предоставленный самому себѣ, не посмѣлъ бы остановиться на такой редакціи; ею могъ удовлетвориться только самъ императоръ, страстно желавшій вести «переговоры безъ посредниковъ», и въ этомъ дипломатическомъ поединкѣ съ Наполеономъ оказавшійся такимъ же политикомъ, какимъ раньше, при Аустерлицѣ, онъ оказался полководцемъ, точно также устранившимъ теперь отъ переговоровъ князей Куракина и Лобанова-Ростовскаго, какъ тогда онъ устранилъ отъ дѣлъ Кутузова. Но для насъ особенно интересенъ третій актъ Тильзитскаго договора, именно «договоръ о союзѣ». Въ этомъ актѣ 9 статей, заключающихъ въ себѣ три положенія: одно общее и два частныхъ. Въ первой, общей статьѣ договора, названнаго въ текстѣ «наступательнымъ и оборонительнымъ», говорится, что договаривающіяся стороны «обязуются дѣйствовать за одно, будетъ-ли то на сушѣ, будетъ-ли то на морѣ, наконецъ, на сушѣ и на морѣ, въ каждой войнѣ, которую Россія или Франція вынуждена будетъ предпринять, или вести противъ какого бы то ни было европей-

скаго государства». Читая этотъ пунктъ договора, невольно вспоминаешь тѣ договоры, которые въ свое время Москва заключала съ Тверью: Москва вела наступательную политику, и Тверь, способствуя усиленію Москвы своимъ участіемъ въ ея военныхъ походахъ, этимъ ковала на себя оружіе. Въ такое же положеніе теперь Императоръ Александръ ставилъ Россію. Главнымъ врагомъ Наполеона была Англія; вотъ противъ этого-то врага и направлялъ онъ оружіе побѣжденнаго Александра, что и составляетъ первый частный пунктъ этого акта. По этому пункту, изложенному въ 4, 5, 6 и 7 статьяхъ, Императоръ Александръ, согласно 13 статьѣ «мирнаго договора», беретъ на себя обязанность посредника въ дѣлѣ примиренія Франціи съ Англіей, и «если Сенъ-Джемскій кабинетъ къ 1 декабря текущаго года не дастъ категорическаго и удовлетворительнаго отвѣта»..., то договаривающіяся стороны «сообща и немедленно потребуютъ отъ трехъ дворовъ—Копенгагенскаго, Стокгольмскаго и Лиссабонскаго—закрытія для англичанъ ихъ гаваней, отозваніе изъ Лондона ихъ посланниковъ и объявленіе войны Англіи. Съ тѣмъ изъ трехъ дворовъ, который откажется отъ этого, высокія договаривающіяся стороны будутъ поступать, какъ съ врагомъ, а въ случаѣ отказа Швеціи, Данія принуждена будетъ объявить ей войну». Того же договаривающіяся державы обязаны сообща «настойчиво» потребовать и отъ Вѣнскаго двора. Что же касается условій, на которыхъ Англія обязывается заключить миръ съ Франціей, то они въ 4 статьѣ договора формулированы такъ: Англія должна заключить миръ «на основѣ, что флоты всѣхъ государствъ должны пользоваться равной и полной свободой на моряхъ, и что она обязуется возвратить всѣ завоеванія, сдѣланныя ею за счетъ Франціи и ея союзниковъ, начиная съ 1805 г., когда *Россія дѣйствовала съ нею заодно*». Послѣдними словами оттѣнялась та мысль, что Россія отрекается отъ прежней своей политики, какъ бы желая показать, что это государство управляется безъ руля и вѣтрилъ.

Условія Тильзитскаго мира имѣли огромныя послѣдствія. Тутъ, прежде всего, нужно отмѣтить то впечатлѣніе, которое этотъ трактатъ произвелъ въ Россіи. Нужно помнить, что Императоръ Александръ, вступая въ послѣднюю войну съ Наполеономъ, особымъ именнымъ указомъ отъ 6-го декабря 1806 года, повелѣлъ Св. Синоду предписать духовенству приготовить своихъ прихожанъ къ предстоящей борьбѣ. Исполняя это повелѣніе, Синодъ издалъ воззваніе, которое по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ должно было читаться въ церквахъ послѣ литургіи и въ которомъ не щадилось красокъ для изображенія Наполеона въ самомъ отвратительномъ видѣ. Здѣсь говорилось, что Наполеонъ, отложившись отъ Христа, будучи въ Египтѣ, пріобщился къ гонителямъ вѣры Христовой, проповѣдывалъ алкоранъ Магомета, а во Франціи возстановилъ тотъ самый Синедріонъ, который въ свое время осудилъ Спасителя на распятіе. Воздавая поклоненіе, одному Богу подобающее,—истуканамъ, человѣческимъ тварямъ, блуд-

ницамъ и идольскимъ изображеніямъ, Наполеонъ, по словамъ воззванія, «дерзаетъ противъ Бога и Россіи, онъ мечтаетъ въ буйствѣ своемъ, съ помощью ненавистниковъ имени христіанскаго и способниковъ его нечестія, іудеевъ, похитить (о чемъ каждому человѣку и помыслить ужасно!) священное имя Мессіи. Покажите ему, взывалъ Синодъ, что онъ тварь, совѣстью сожженная и достойная презрѣнія»... И вотъ теперь, не позже какъ чрезъ одинъ годъ, съ этою совѣстью сожженною и достойною презрѣнія тварью, съ этимъ ужаснымъ противникомъ имени Христова, словомъ, съ этимъ богомерзкимъ антихристомъ, православная Россія, по волѣ императора, вступила въ союзъ.

Но если простой народъ видѣлъ въ Наполеонѣ врага имени Христова, то высшій классъ русскаго общества, въ своей массѣ консервативный, видѣлъ въ Наполеонѣ представителя революціонной Франціи, разрушителя престоловъ и алтарей, виновника казни герцога Энгіенскаго, словомъ, насильника, союзъ съ которымъ казался просто преступленіемъ. Это враждебное настроеніе большого свѣта имѣло выдающееся политическое значеніе особенно потому, что оно нашло себѣ крѣпкую опору при многочисленномъ и блестящемъ дворѣ вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, который сталъ какъ бы центромъ оппозиціи, направленной противъ союза Императора съ Наполеономъ. Вдохновителемъ оппозиціонной партіи явился англійскій политическій агентъ Робертъ Вильсонъ, который всю силу своего недюжиннаго ума направилъ къ тому, чтобы подогрѣвать въ владѣтельныхъ кругахъ столичнаго общества вражду къ ненавистной ему Франціи и къ заклятому врагу Англіи Наполеону. Этотъ «сѣятель интригъ и подкупа», любезно принятый при дворѣ, въ высшихъ кругахъ великосвѣтскаго общества сдѣлался своимъ человѣкомъ, между тѣмъ какъ передъ французскимъ посломъ, генераломъ Савари, несмотря на оказываемое ему императоромъ исключительное вниманіе, двери великосвѣтскихъ салоновъ были закрыты. Напрасно Савари расписывался у высокопоставленныхъ лицъ: этому «палачу герцога Энгіенскаго», какъ величалъ его Вильсонъ, визитовъ не отдавали. Дѣло дошло до того, что Савари, оказавшійся тонкимъ сыщикомъ, вынужденъ былъ довести до свѣдѣнія Александра, что оппозиція настроена очень враждебно, что въ обществѣ настойчиво говорятъ о необходимости для Россіи перемѣнить политику, хотя бы для достиженія этой цѣли оказалось необходимымъ пожертвовать главою государства, словомъ, что императора можетъ постигнуть участь его отца Павла I. Встревоженный Александръ лишь ждалъ удобнаго момента, чтобы расправиться съ врагами своей политики. Случай скоро представился. Энергичный, но неосторожный Вильсонъ привезъ и сталъ распространять въ Петербургскомъ обществѣ изданный въ Англіи памфлетъ: «Размышленія о Тильзитскомъ мирѣ». Брошюра была направлена противъ Франціи, но въ ней оказалось кое-что оскорбительное и по адресу Александра. Раздобывъ эту

«подлую брошюру», Савари вручилъ ее Александру, который нашелъ, что нужно быть «очень смѣлымъ, что бы привезти подобное сочиненіе съ депешами кабинета». Судьба англійской партіи была рѣшена: Вильсонъ высланъ изъ Россіи, его сторонники въ Петербургѣ попали въ немилость, а съ Англіей, которая отказалась отъ посредничества Россіи въ переговорахъ о мирѣ, произошелъ разрывъ раньше условленнаго по Тильзитскому договору срока.

Послѣдній фактъ былъ особенно пріятенъ Наполеону, который отлично понималъ, что такая предупредительность дѣлается недаромъ, что за нее нужно заплатить взаимностью. Скоро стало извѣстнымъ, въ какомъ именно вопросѣ Александръ потребуетъ себѣ компенсаціи. По 22 статьѣ «мирнаго договора», русскія войска должны были очистить дунайскія княжества Молдавію и Валахію. Но скоро выяснилось, «что Россія имѣетъ виды на эти двѣ провинціи» и что выводить оттуда войска она не собирается. Съ такимъ оборотомъ дѣла Наполеонъ готовъ былъ примириться во имя своихъ личныхъ интересовъ. Онъ понималъ то затруднительное положеніе, въ какое Александръ поставилъ себя въ Россіи Тильзитскимъ миромъ, и, чтобы не утратить этого выгоднаго для него союзника, онъ долженъ былъ позаботиться о примиреніи русскаго Императора съ его народомъ. Въ инструкціи, данной французскому послу въ Петербургѣ Коленкуру, между причинами того, почему «Императоръ не особенно возстаетъ противъ занятія Валахіи и Молдавіи русскими», указывается на то, что «*личный* интересъ русскаго Императора требуетъ, чтобы у него въ рукахъ были земли и имѣнія для раздачи своимъ офицерамъ; нужно, чтобы онъ могъ возвеличить себя въ глазахъ своихъ подданныхъ». Но практичный французскій императоръ даромъ ничего не дѣлалъ. Предполагая, вопреки прямому смыслу Тильзитскаго трактата, уступить эти дунайскія княжества Россіи, онъ, въ свою очередь, требовалъ и себѣ компенсаціи. Въ той же инструкціи Коленкуру прямо сказано, что уступка этихъ областей Россіи дастъ возможность Императору «вознаградить себя нѣсколькими лишними прусскими провинціями, что, ослабляя еще болѣе Пруссію, укрѣпляетъ союзную систему Императора», а система эта требовала вычеркнуть Пруссію изъ списка великихъ державъ и заставить ее занять «вполнѣ покорно мѣсто среди второстепенныхъ государствъ». Правда, при осуществленіи этой комбинаціи у Пруссіи оставалось только два милліона жителей; но Наполеонъ, находилъ, что «для счастья королевской семьи» этого совершенно достаточно. Такъ думалъ Наполеонъ; но не такъ думалъ Александръ. Дѣло въ томъ, что въ этой семьѣ, по выраженію одного современника, была «волшебница—фея, все подчиняющая силою своего очарованія», околдовавшая и Императора Александра; это была прусская королева Луиза. «Увлеченный и очарованный ею еще при первой встрѣчѣ, во время Мемельскаго свиданія (1802 г.), Александръ потомъ, при новой

встрѣчѣ, въ 1805 году, поклялся у гроба Фридриха II въ вѣчной дружбѣ прусскому королевскому дому, ставя эту дружбу выше интересовъ Россіи. Значеніе этого факта оцѣнили по существу уже непосредственные его наблюдатели. Такъ, уже въ 1806 году кн. Чарторижскій въ интимномъ письмѣ писалъ Александру: «Я смотрю на это (Мемельское) свиданіе какъ на одно изъ самыхъ *несчастныхъ происшествій для Россіи*, какъ по своимъ непосредственнымъ послѣдствіямъ, такъ и по тѣмъ, которыя оно имѣло и будетъ еще имѣть. Интимная дружба, которая связала Ваше Императорское Величество съ королемъ послѣ нѣсколькихъ дней знакомства, привела къ тому, что вы перестали разсматривать Пруссію какъ *политическое государство*, но увидѣли въ ней *дорогую вамъ особу*, по отношенію къ которой признали необходимымъ руководствоваться *особыми обязательствами*». Легко представить себѣ какъ при такихъ обстоятельствахъ могла быть встрѣчена въ Петербургѣ мысль о компенсаціи на счетъ Пруссіи. Не только эта мысль была отвергнута, но наша дипломатія еще упорнѣе стала настаивать на скорѣйшей эвакуаціи Пруссіи, все еще занятой французскими войсками. Встрѣтивъ препятствіе осуществленію своихъ намѣреній относительно Пруссіи, гдѣ особенно интересовала его Силезія, Наполеонъ постарался замять этотъ вопросъ и отвлечь вниманіе Императора Александра въ сторону, именно, на югъ и сѣверъ. На югѣ, вмѣсто конкретнаго вопроса объ аннексіи Молдавіи и Валахіи, онъ сталъ развивать фантастическій планъ о полномъ раздѣлѣ Турціи; на сѣверѣ онъ сталъ настойчиво внушать Александру мысль о завоеваніи Финляндіи. Позднѣе послѣдній проектъ былъ осуществленъ на дѣлѣ; но Россія должна помнить, что иниціативой завоеванія Финляндіи она обязана не Александру, а Наполеону. Когда въ позднѣйшей перепискѣ между союзниками начались пререканія, Александръ напомнилъ Наполеону: «что касается до завоеванія Финляндіи, то оно вовсе *не входило въ виды моей политики*, и ваше величество можете припомнить, что я предпринялъ войну со Швеціей *только* изъ за континентальной системы».

Разногласіе въ Прусскомъ вопросѣ осложнялось вопросомъ Польскимъ. Предполагая оттянуть отъ Пруссіи Силезію, Наполеонъ проэктировалъ соединить ее съ герцогствомъ Варшавскимъ, подъ властью короля Саксонскаго и, поставивъ это герцогство въ вассальную зависимость отъ Франціи, создать въ немъ, на всякій случай, передовой этапъ противъ Россіи. Александръ съ такой комбинаціей не могъ согласиться, а ея обнаруженіе зародило въ русскомъ Императорѣ недовѣріе къ своему союзнику. Но предметомъ особаго разногласія послужилъ вопросъ восточный. За мысль Наполеона о раздѣлѣ Турціи въ Петербургѣ ухватились обоими руками. Александръ и его министръ, графъ Румянцевъ, стали питать надежду на присоединеніе не только Молдавіи и Валахіи, но и Константинополя съ Босфоромъ и даже Дарданелами. Увидѣвъ большую настойчивость Россіи

въ этомъ вопросѣ, Наполеонъ не радъ былъ, что поднялъ его. Онъ находилъ, что если Россіи отдать Константинополь съ обоими проливами, то въ Турціи не останется такой области, которая могла бы послужить достаточной компенсаціей для Франціи, а поэтому, оставивъ этотъ вопросъ открытымъ, согласился признать за Россіей лишь право на дунайскія княжества съ тѣмъ, чтобы Россія присоединеніе ихъ взяла на свой рискъ и страхъ, безъ участія Франціи. Дѣло въ томъ, что, до заключенія мира съ Англіей, Наполеону не хотѣлось раздражать Турцію, эту свою старую союзницу.

Но предметомъ особенно горячаго спора между недавними союзниками послужилъ вопросъ объ отношеніи къ Австріи. Осложненіе дѣлъ въ Испаніи вызвало у Австрійцевъ мысль воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Наполеона и, путемъ войны, уничтожить слѣдствія Прессбургскаго мира. Узнавъ объ усиленныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ Австріи, Наполеонъ хотѣлъ заблаговременно парализовать готовившуюся для него опасность при помощи Александра и предложилъ послѣднему заключить съ нимъ спеціальный договоръ. Но Александръ выражалъ готовность заключить договоръ съ Франціей съ обязательствомъ дѣйствовать заодно противъ Австріи въ томъ лишь случаѣ, если починъ къ разрыву будетъ исходить отъ вѣнскаго двора; безъ внѣшняго же повода со стороны Австріи онъ насиліе надъ нею допустить отказывался; между тѣмъ, Наполеонъ, привыкшій предупреждать опасность, требовалъ, чтобы Россія и Франція согласнымъ энергичнымъ дѣйствіемъ заблаговременно остановили Австрію отъ осуществленія ея намѣреній. Вопросъ этотъ обсуждался между Александромъ и Наполеономъ при личномъ свиданіи въ Эрфуртѣ. Встрѣтивъ со стороны Александра рѣшительное сопротивленіе, Наполеонъ, во время одного объясненія, въ порывѣ гнѣва, бросилъ на полъ свою шляпу и началъ топтать ее ногами, и только обнаруженная Александромъ готовность уйти, заставила Наполеона измѣнить тонъ разговора.

Всѣ указанныя разногласія должны были получить разрѣшеніе при личномъ свиданіи императоровъ въ Эрфуртѣ. Но это свиданіе не дало желательныхъ результатовъ. Образовавшаяся въ Тильзитскомъ союзѣ брешь въ Эрфуртѣ была не задѣлана, а лишь слегка замазана снаружи, и скрывавшаяся подъ этой замазкой щель расширялась, превращаясь въ большую трещину. Во время Эрфуртскаго свиданія Наполеонъ долженъ былъ убѣдиться, что впечатлѣніе Фридланда стало проходить и что надежда на то, что Россія послушно будетъ идти на буксирѣ за кораблемъ Франціи, слишкомъ далека отъ осуществленія. Осложняя и запутывая свои интересы на Западѣ, Наполеонъ именно теперь особенно нуждался въ серьезной поддержкѣ своего Тильзитскаго друга, стараясь задобрить его любезнымъ ухаживаніемъ, подарками и проявленіемъ вниманія къ интересамъ Россіи. Но все было напрасно. Чѣмъ дальше, тѣмъ все становилось яснѣе, что для

русскаго императора насущные интересы его народа стоятъ на второмъ мѣстѣ; на первомъ же мѣстѣ стоятъ его самолюбіе и его минутныя увлеченія, которыя очень трудно было подвести подъ какую нибудь строго обдуманную систему. Дѣля Европу на двѣ половины, восточную и западную, предоставляя Александру свободу дѣйствій въ первой, Наполеонъ желалъ бы удержать такую же свободу во второй. Смыслъ заключеннаго въ Тильзитѣ союза долженъ былъ въ такомъ случаѣ состоять во взаимной поддержкѣ интересовъ каждаго въ предоставленной ему сферѣ вліянія. Это, по мнѣнію Наполеона, былъ лучшій способъ «раздѣлить владычество надъ міромъ». Малоподдающаяся уязвленію обѣихъ сторонъ Англія, которую, по словамъ самаго же Александра, онъ такъ же ненавидѣлъ какъ и его союзникъ, еще больше могла бы способствовать сближенію сторонъ. И будь на мѣстѣ Александра Петръ Великій, или даже Екатерина II, Россія, при такомъ стеченіи обстоятельствъ, могла бы сильно подвинуть впередъ *осуществленіе своихъ историческихъ задачъ;* но для этого необходимо было горячее проникновеніе интересами своего народа и полное, благородное довѣріе къ своему союзнику. Къ сожалѣнію, у Александра не было ни того, ни другого. Человѣкъ, который нашелъ на Западѣ «дорогую особу», интересы которой онъ готовъ былъ предпочесть интересамъ своего народа, не могъ быть искреннимъ союзникомъ человѣка, совершенно неспособнаго къ сантиментальнымъ увлеченіямъ, даже въ полетѣ своей геніально-необузданной фантазіи не терявшаго трезваго практическаго смысла. Поставленный въ затруднительное положеніе послѣ пораженія при Фридландѣ, подавленный непосредственнымъ воздѣйствіемъ необыкновеннаго человѣка, ловко обойденный его льстивымъ вниманіемъ, Александръ на первыхъ порахъ, волей или неволей, подчинился желѣзной волѣ Наполеона; но чувство страха передъ этой властной, необузданно-порывистой натурой, не позволяли ему ни искренно подружиться съ нимъ, какъ подружился онъ съ ничтожнымъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ Прусскимъ, ни почувствовать къ нему истиннаго довѣрія, а таившееся внутри уязвленное самолюбіе, при сильномъ развитіи въ Александрѣ болѣзненнаго эгоцентризма, требовало мщенія. Вотъ почему, прикидываясь искреннимъ другомъ Наполеона и принимая съ наружною благосклонностью его льстивыя увѣренія въ дружбѣ и преданности, Александръ, въ тоже время, при каждомъ удобномъ случаѣ ищетъ себѣ союзниковъ среди враговъ Наполеона.

Въ свою очередь, Наполеонъ, называвшій Александра «упрямымъ лошакомъ» и никогда лично его не цѣнившій, а, по увѣренію самаго Александра, прямо признававшій его «дуракомъ», высоко цѣнилъ Русскую Армію, ради которой онъ вынужденъ былъ разсыпаться въ любезностяхъ предъ ея повелителемъ. Заставить эту армію дѣйствовать за одно съ арміей французской было предметомъ искреннихъ желаній Наполеона. Но какъ этого достигнуть? Мирное соглашеніе на почвѣ взаимнаго пониманія интересовъ

договаривающихся сторонъ, какъ говорилъ опытъ, было невозможно не потому, что интересовъ Россiи нельзя было согласить съ интересами Францiи, и, въ частности, съ интересами Наполеона, а потому, что въ данномъ случаѣ русскiй Императоръ интересы своего народа плохо понималъ и меньше всего о нихъ заботился; онъ постоянно рвался на Западъ и тамъ прежде всего сосредоточивалъ свое вниманiе. Даже восточнымъ Вопросомъ онъ интересовался главнымъ образомъ потому, что, въ связи съ этимъ вопросомъ, въ его сознанiи зародился проектъ о захватѣ Константинополя, чѣмъ онъ предполагалъ заставить замолчать сильную оппозицiю, осуждавшую его Тильзитскiй миръ. Словомъ, несчастная мысль, «что россiйское правительство не можетъ оставаться равнодушнымъ въ отношенiи къ жребiю какой-бы то ни было изъ европейскихъ державъ», что виды его объемлютъ благополучiе всего свѣта, эта старая мысль, усиленная теперь страхомъ передъ грознымъ поработителемъ Запада, исключала возможность дружескаго, искренняго соглашенiя и, при непривычкѣ Наполеона останавливаться предъ препятствiями, заставила его искать новаго способа рѣшенiя поставленнаго вопроса: если нельзя было путемъ мирнаго соглашенiя заставить Александра удовлетвориться отведенной ему сферой влiянiя, то можно было достигнуть этого силою, т. е. повторить въ болѣе грандiозномъ размѣрѣ опытъ Аустерлица и Фридланда. Ко времени Эрфуртскаго свиданiя и, особенно, во время этого свиданiя такое положенiе вещей для Наполеона уже совершенно выяснилось. Дѣла Испанскiя, война Австрiйская, во время которой Россiя вела себя двусмысленно, должны были удерживать Наполеона отъ рѣшительныхъ мѣръ противъ послѣдней; но когда эти затрудненiя были устранены, онъ серьезно принялся за дѣло.

А между тѣмъ, совершавшiеся отдѣльные факты и продолжавшiяся дипломатическiя сношенiя не только не способствовали смягченiю начинавшагося взаимнаго недоброжелательства, но даже обусловливали его обостренiе. Въ этомъ отношенiи видную роль сыгралъ такъ называемый Ольденбургскiй вопросъ. Сущность этого вопроса заключается въ слѣдующемъ. Чтобы подорвать экономическое могущество Англiи, этой «владычицы морей», Наполеонъ ввелъ континентальную блокаду, по которой всѣ государства континентальной Европы, стоявшiя въ подчиненномъ или дружескомъ отношенiи къ Францiи, должны были прекратить торговлю съ Англiей. Такъ какъ эта система, бившая всѣхъ по карману, нарушалась контрабандой, то для усиленiя блокады портовъ и болѣе тщательнаго надъ ними надзора, Наполеонъ объявилъ присоединенными къ Францiи области такъ называемыхъ ганзейскихъ городовъ, въ числѣ которыхъ оказалось и герцогство Ольденбургское. Причину этого присоединенiя самъ Наполеонъ въ собственноручномъ письмѣ къ Александру объяснялъ такъ: «положенiе этой страны, бывшей средоточiемъ контрабандной торговли съ Англiей, вынудило меня, для соблюденiя выгодъ моей имперiи и для успѣха войны,

въ которую я вовлеченъ, присоединить Ольденбургъ къ моимъ владѣніямъ». Но въ Россіи смотрѣли на этотъ вопросъ съ другой точки зрѣнія. Нашъ посланникъ въ Парижѣ, князь Куракинъ, доказывалъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, что «герцогство Ольденбургское издавна принадлежитъ Голштейнъ-готорпскому дому, глава котораго—Русскій императоръ, и если бы прекратилось потомство герцога, то оно должно было бы перейти во владѣніе царствующаго въ Россіи Дома». Въ отвѣтъ на это Шампаньи замѣтилъ: «тысячу лѣтъ тому назадъ Карлъ Великій владѣлъ Гамбургомъ и всѣми окрестными странами; что же дѣлать, нужно покориться силѣ обстоятельствъ. Малыя владѣнія не могутъ сохранять своей самостоятельности, если она находится въ противорѣчіи съ выгодами великихъ державъ. Что же касается до возможности наслѣдства для русскаго царствующаго дома, то это невѣроятная случайность, потому что семейство герцога довольно многочисленно». Тѣмъ не менѣе, такъ какъ въ данномъ случаѣ прямо или косвенно затрагивались интересы государя дружественной державы, то Наполеонъ объ Ольденбургѣ говорилъ: «я не отказываюсь дать соразмѣрное за него вознагражденіе». Что же касается Тильзитскаго договора, по 12 ст. котораго герцогъ Ольденбургскій долженъ быть возстановленъ «въ полномъ и мирномъ владѣніи своимъ государствомъ», то въ отвѣтъ на это напоминаніе Наполеонъ, въ свою очередь, напоминалъ Александру, что «по Тильзитскому договору вы должны были возвратить Турціи Молдавію и Валахію, но, вмѣсто того, чтобы возвратить, вы эти княжества присоединили къ своей имперіи». Этимъ напоминаніемъ Наполеонъ хотѣлъ сказать, что, при искренно дружественныхъ отношеніяхъ, мелкимъ отступленіямъ отъ формы не слѣдуетъ придавать серьезнаго значенія, потому что они легко могутъ быть улажены на почвѣ взаимнаго уваженія обоюдныхъ интересовъ, что онъ и доказалъ своимъ игнорированіемъ факта неочищенія дунайскихъ княжествъ русскими войсками. «Впрочемъ», заявлялъ Наполеонъ, «если изъ бездѣлицъ хотятъ дѣлать важные вопросы, то какія бы объясненія я ни представлялъ, ихъ найдутъ недостаточными». Съ русской національной точки зрѣнія Ольденбургскій вопросъ былъ именно такою бездѣлицею. Для Россіи этотъ вопросъ интересенъ былъ лишь своимъ напоминаніемъ о томъ, что царствующій въ ней государь по мужской линіи былъ въ родствѣ съ какимъ-то захудалымъ германскимъ князькомъ; другого болѣе практическаго значенія въ глазахъ русскаго народа онъ не имѣлъ и имѣть не могъ, и, не впутай въ это дѣло императоръ Александръ своей личности, захватъ Наполеономъ этого горцогства остался бы въ Россіи незамѣченнымъ. Напрасно Наполеонъ и его дипломаты, доказывая крайнюю необходимость, въ интересахъ Франціи, присоединить герцогство Ольденбургское, подчеркивали ту мысль, что съ этимъ герцогомъ поступлено не такъ, какъ съ другими мелкими владѣльцами и что это исключеніе сдѣлано было только въ угоду Русскому Императору,

объ оскорбленіи чести и достоинства котораго, слѣдовательно, не должно быть и рѣчи. Императоръ Александръ объ этомъ и слушать не хотѣлъ: онъ твердо стоялъ на томъ, что захватомъ Ольденбурга нарушены права его Дома и оскорблено достоинство его Имперіи и что поэтому безъ формальнаго протеста это дѣло не можетъ быть оставлено. И протестъ дѣйствительно былъ отправленъ не только по адресу Франціи, но и по адресу всѣхъ дворовъ, при которыхъ находились наши уполномоченные. Въ Европѣ этотъ протестъ въ свое время произвелъ впечатлѣніе настоящаго скандала. При многихъ дворахъ русской ноты не хотѣли принимать, а французскій министръ Шампаньи врученный ему пакетъ съ декларацiей привезъ князю Куракину и положилъ ему на столъ. Легко представить себѣ, какое впечатлѣніе этотъ шагъ долженъ былъ произвести на Наполеона. Въ разговорѣ съ находившимся тогда въ Парижѣ графомъ Шуваловымъ, выражая свои дружескія отношенія къ Александру, онъ съ чувствомъ явнаго недовольства замѣтилъ: «А онъ (Александръ) какъ со мной поступаетъ? Публично заявляетъ протестъ, вмѣсто того, чтобы объясниться со мною. Вездѣ есть чувство чести; когда я вамъ говорю: вы ошиблись, это не обидно; но если я скажу: вы солгали—это оскорбленіе».

Наполеонъ находилъ, что своимъ формальнымъ протестомъ Александръ назвалъ его «грабителемъ передъ Германіей, передъ Рейнскимъ союзомъ». Особенно любопытно чувство неудовольствія, выраженное въ разговорѣ съ княземъ Куракинымъ: «Когда дѣлаютъ такого рода протесты—жаловался Наполеонъ—то, значитъ, бросаютъ перчатку, говорятъ, что хотятъ вести войну за то дѣло, которое послужило поводомъ къ протесту. Но стоитъ-ли того Ольденбургское герцогство, что бы изъ за него перессорились двѣ великія имперіи и вступили въ войну между собой?... Если бы вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ протесту, Императоръ Александръ написалъ ко мнѣ, выразивъ то участіе, какое онъ принимаетъ въ близкомъ своемъ родственникѣ, если бы онъ выразилъ мнѣ желаніе, чтобы я сдѣлалъ для него еще болѣе, нежели намѣренъ былъ сдѣлать, то я непремѣнно исполнилъ бы, и съ особеннымъ удовольствіемъ, его желаніе. Если бы для своего дяди онъ просилъ у меня нѣсколько округовъ герцогства Варшавскаго въ вознагражденіе за Ольденбургское герцогство, то я не поколебался бы побудить саксонскаго короля къ этой уступкѣ. Но тогда я сдѣлалъ бы это потому, что требованіе выражено было бы мнѣ дружески: угрозой изъ меня ничего нельзя сдѣлать».

Какъ приведенныя, такъ и другія подобныя заявленія и жалобы Наполеона показываютъ какъ непріятенъ былъ для него формальный протестъ Александра и какъ сильно онъ имъ былъ взволнованъ. Что же собственно было дѣйствительною причиною этого недовольства, этого волненія? Убѣжденіе всѣхъ въ наличности дружественныхъ отношеній между Россіей и Франціей давало возможность Наполеону свободно, безпрепятственно об-

дѣлывать свои дѣла въ Европѣ, а между тѣмъ, этотъ протестъ, какъ выразился Шампаньи, служилъ подтвержденіемъ уже распространявшихся въ Европѣ слуховъ «о близкомъ разрывѣ Россіи съ Франціей». Вотъ прямая и ближайшая причина этого неудовольствія. Но кромѣ этой прямой и ближайшей у Наполеона была и другая, болѣе общая и въ практическомъ отношеніи неменѣе важная причина недовольства такой постановкой Ольденбургскаго вопроса. Въ бесѣдѣ съ нашими дипломатами Наполеонъ не разъ напоминалъ сдѣланное имъ въ Тильзитѣ Александру предложеніе «раздѣлить владычество надъ міромъ». Онъ былъ убѣжденъ, что въ признаніи и честномъ отношеніи къ этому предложенію заключается единственный и лучшій способъ умиротворенія взволнованной Европы. Называя себя «человѣкомъ расчета», онъ находилъ, что въ этомъ предложеніи нѣтъ ничего такого, что бы противорѣчило интересамъ какъ Россіи, такъ и Франціи. Единственный вопросъ, въ которомъ эти державы могли бы разойтись, это былъ вопросъ польскій. Но Наполеонъ всѣми силами старался доказать, что возстановленіе исторической Польши не требуется его интересами, а поэтому и не можетъ входить въ его расчеты. Онъ напоминалъ, что были обстоятельства, которыми ему не трудно было воспользоваться для послѣдовательнаго рѣшенія этого вопроса; если же, доказывалъ онъ, «я не воспользовался ни однимъ изъ этихъ обстоятельствъ, то очевидно, потому, что возстановленіе Польши не входило въ мои виды. Но, добавлялъ онъ, если я не желаю измѣнять теперешняго положенія Польши, то, кажется, *имѣю право требовать*, что бы никто не мѣшался въ мои дѣйствія по сю сторону Эльбы». Это сознаніе своего права самовластно распоряжаться дѣлами Западной Европы было непремѣннымъ условіемъ мирныхъ отношеній къ Россіи. За дѣйствительное признаніе за нимъ этого права онъ въ свою очередь готовъ былъ предоставить Россіи многое, что онъ на дѣлѣ доказалъ въ вопросахъ финляндскомъ и дунайскомъ. Вотъ почему рѣшительный, формальный протестъ по Ольденбургскому дѣлу, которое для Россіи въ практическомъ отношеніи выѣденнаго яйца не стоило, но которое въ дѣйствіяхъ Наполеона связано было съ цѣлой системой мѣропріятій, этотъ протестъ, въ связи съ упорнымъ вмѣшательствомъ Александра въ дѣла прусскія, возмущалъ Наполеона не своею конкретною случайностью, а принципіальнымъ нарушеніемъ права, въ примѣненіи котораго повелитель Европы хотѣлъ быть свободнымъ безусловно. Этотъ протестъ, который для многихъ въ свое время казался рѣзкою безтактностью, окончательно убѣдилъ Наполеона, что съ Александромъ трудно ладить.

Къ такому же выводу приводилъ Наполеона и русскій *тарифъ*. Въ декабрѣ (19-го) 1810 года Александромъ издано было новое *положеніе о нейтральной торговлѣ*, которымъ нѣкоторые изъ заграничныхъ товаровъ совершенно запрещались, а другіе обложены были высокою пошлиною. Фор-

мально это положеніе въ одинаковой степени направлено было противъ торговли со всѣми иностранными государствами и, по выраженію Императора Александра, другой цѣли не имѣло, «какъ только уменьшить невыгоды нашего курса». Дѣйствительно, вслѣдствіе примѣненія континентальной системы, вывозъ нашихъ сырыхъ, грузныхъ, произведеній, покупателями которыхъ главнымъ образомъ англичане, доведенъ былъ въ Россіи до жалкаго минимума, вслѣдствіе чего и притокъ золота тоже сильно уменьшился; а между тѣмъ покупка дорогихъ предметовъ иностранной мануфактуры сопровождалось вывозомъ золота, что, вмѣстѣ взятое, повело къ сильному паденію курса нашихъ бумажныхъ денегъ. Для борьбы съ этимъ зломъ и введенъ былъ новый тарифъ. Но такъ какъ покупаемые у насъ другіе прдметы роскоши шли главнымъ образъ изъ Франціи, то оказалось, что фактически это положеніе направлено было почти исключительно противъ союзной намъ Франціи.

Какъ отнесся къ этому вопросу Наполеонъ, видно изъ его разговора съ нашимъ уполномоченнымъ Чернышевымъ. «Я полагаю—сказалъ онъ—что меня никто не считаетъ до такой степени безумнымъ, чтобы я позволилъ себѣ вмѣшиваться въ дѣла внутренняго управленія Россіей или противиться тѣмъ постановленіямъ, которыя она издаетъ въ этомъ отношеніи... Но дѣло въ томъ, что это произвело дурное впечатлѣніе на всю Европу, какъ признакъ непріязненныхъ отношеній между двумя имперіями... Хорошъ союзъ: вы конфискуете все, что приходитъ отъ меня, и я дѣлаю тоже съ своей стороны; этотъ союзъ похожъ болѣе на войну! Но что выходитъ уже изъ всѣхъ предѣловъ, чего я не могу терпѣть, и что возмущаетъ всѣхъ моихъ торговцевъ, это предписаніе ваше—жечь всѣ товары, которые приходятъ къ вамъ изъ Франціи. Я не могу смотрѣть на него иначе, какъ на величайшее оскорбленіе, которое мнѣ можно было нанести». Словомъ, Наполеонъ возмущался не существомъ этого распоряженія, а формой, которой слѣдовало и можно было, по его мнѣнію, придать совсѣмъ другой видъ, соотвѣтствующій союзнымъ и искренно-дружескимъ отношеніямъ между государствами. Между тѣмъ, русское правительство не нашло далѣе нужнымъ предупредить Наполеона о своемъ намѣреніи издать новый тарифъ. Естественно по этому, что, при такихъ обстоятельствахъ, этотъ тарифъ упалъ какъ снѣгъ на голову и произвелъ, по выраженію Наполеона, «*тревогу* во всей Европѣ», что для него особенно было непріятно.

Наполеонъ велъ широкую политику, которая прямо или косвенно захватывала интересы всѣхъ европейскихъ народовъ, а потому онъ долженъ былъ зорко слѣдить за состояніемъ политическаго барометра, поднятіе или паденіе котораго могло повлечь за собою успѣхъ или катастрофу. Своимъ прямолинейнымъ, довольно безтактнымъ образомъ дѣйствій Александръ сильно способствовалъ колебанію барометра и, вызывая въ Европѣ

тревогу, часто разстраивалъ планы Наполеона. Какъ человѣкъ большого ума и сильной воли Наполеонъ свободенъ былъ отъ того упрямства, которымъ люди ограниченные стараются наверстать недостатокъ воли. Встрѣчаясь съ затрудненіемъ, онъ, вмѣсто того, чтобы биться лбомъ о стѣнку, широко раскидывалъ умомъ, стараясь отыскать новый болѣе цѣлесообразный способъ осуществленія намѣченной задачи. Война съ Россіей, взятая сама по себѣ, никогда не могла быть прямою задачею для Наполеона, и мы ясно можемъ повѣрить его увѣренію, выраженному въ бесѣдѣ съ Чернышевымъ: «Я не до такой степени не понимаю своихъ выгодъ,—говорилъ Наполеонъ,—чтобы ринуться въ войну противъ великой державы, которая обладаетъ огромными средствами, и храбрыя войска которой будутъ защищать свои собственныя жилища... даже въ случаѣ счастливой войны противъ васъ, я увѣренъ, что ничего не выиграю и никогда не буду въ состояніи вознаградить тѣ пожертвованія, которыхъ потребуетъ такое вооруженіе». Вотъ почему представляется вполнѣ вѣроятнымъ что, если бы Россія дѣйствовала тактичнѣе, если бы она не подавала повода для тревожныхъ заключеній, войны еще можно было бы избѣжать. Но при настоящемъ положеніи вещей поддерживать миръ становилось невозможнымъ; своимъ образомъ дѣйствій Александръ ставилъ Наполеона въ весьма странное положеніе, съ которымъ рано или поздно нужно было покончить. Наша дипломатія съ одной стороны увѣряла, что «общность выгодъ обѣихъ имперій», «польза обѣихъ державъ требуютъ заботы о сохраненіи союза» и поэтому «Его Величество Россійскій Императоръ употребитъ для того всѣ свои старанія», а съ другой стороны, допуская безтактность за безтактностью, дѣйствовала, какъ будто она только и думаетъ о томъ, чтобы разорвать дипломатическія сношенія. Лишь только, напримѣръ, тарифъ былъ обнародованъ, жаловался Наполеонъ, «я сказалъ о Россіи: вотъ большая планета сорвалась съ своего пути и принимаетъ ложное направленіе; я не понимаю ея движенія,—она такъ не можетъ дѣйствовать безъ намѣренія разорвать союзъ съ нами. Остережемся и примемъ всѣ тѣ мѣры, которыя предписываетъ благоразуміе». Но извѣстно, что союзникъ, на котораго нельзя положиться и котораго приходится остерегаться, принимая мѣры благоразумія, опаснѣе открытаго врага, ибо онъ можетъ выступить врагомъ тогда, когда его не ожидаешь. Выслушавъ оправдательныя разъясненія Чернышева по поводу изданія тарифа, Наполеонъ воскликнулъ: «Если правда все, что вы говорите, то я совершенно не понимаю вашего образа дѣйствій: почему же вы поставили себя въ такое положеніе, что не довѣряете мнѣ и во мнѣ возбуждаете недовѣріе къ вамъ, и при томъ въ такое время, когда выгоды обѣихъ имперій требуютъ, что бы онѣ дѣйствовали за одно?»

Наполеонъ не понимаетъ Александра, и не мудрено: человѣку практическаго ума и огромнаго прогрессивнаго синтеза, въ сознаніи котораго

всякій проектъ, всякій планъ сопровождается яснымъ представленіемъ цѣлей и средствъ, ведущихъ къ осуществленію поставленной задачи, такому человѣку трудно было понять другого человѣка, мысль котораго, легко отрываясь отъ фактовъ конкретной дѣйствительности, тонула въ туманной дали романтическихъ мечтаній. Наполеонъ, далѣе, жалуется на недовѣріе къ нему. Причина этого недовѣрія коренилась не столько въ образѣ дѣйствій Наполеона, сколько во внутреннемъ строѣ, въ психологіи Александра: человѣкъ слабый всегда боится сильнаго, человѣкъ неискренній всегда предполагаетъ неискренность другихъ; натура пассивная, но честолюбивая, всегда недолюбливаетъ людей иниціативы, большой энергіи и вообще—активности. Если бы Александръ обладалъ такой духовной мощью, какъ Наполеонъ, эти два государя дѣйствительно могли бы раздѣлить владычество надъ міромъ, и, во всякомъ случаѣ, при тогдашнемъ положеніи вещей на континентѣ, ничто не могло бы помѣшать ихъ полному господству, а существенные итересы Россіи и Франціи до того обособлялись, что всякіе поводы къ недовѣрію и столкновенію очень легко было устранить на почвѣ взаимныхъ выгодъ обѣихъ сторонъ. Уже будучи въ Вильнѣ, Наполеонъ, въ разговорѣ съ послѣднимъ нашимъ уполномоченнымъ при немъ, генераломъ Балашовымъ, воскликнулъ: «Боже мой! какъ прекрасно было бы царствованіе Александра, если бы онъ не разладилъ со мною...». Теперь, когда мы уже знаемъ все то, что послѣ произнесенія этихъ словъ случилось, невольно хочется сказать: какъ досадно, что Русскій Монархъ не сумѣлъ поладить съ Наполеономъ; ибо если бы случилось противное, то не только потоки русской крови не были бы пролиты, не только страна уцѣлѣла бы отъ страшнаго опустошенія, но и много поставленныхъ исторіей задачъ было бы разрѣшено безъ особаго затрудненія.

II.

Но судьбы исторіи неисповѣдимы.

Раздражая Наполеона и укрѣпляя въ немъ сознаніе необходимости войны, Александръ при всякомъ удобномъ случаѣ говорилъ, что онъ не хочетъ войны и что онъ, во всякомъ случаѣ, не сдѣлаетъ перваго выстрѣла. Зная щепетильную заботливость Александра о своей репутаціи и пассивность его натуры, Наполеонъ съ удовольствіемъ принималъ эти увѣренія, такъ какъ они давали ему возможность начать войну тогда, когда онъ почувствуетъ себя готовымъ къ ней. И дѣйствительно, когда, къ половинѣ 1812 года ему удалось сосредоточить на нашей границѣ полумилліонную армію, онъ сталъ переправляться за Нѣманъ. Шагъ этотъ не былъ для насъ неожиданностью. Наши политическіе агенты своевременно извѣщали

Александра о замыслахъ его противника, и мы тоже не сидѣли сложа руки, мы тоже готовились. Тѣмъ не менѣе, въ рѣшительную минуту, полумилліонной арміи Наполеона мы могли противупоставить только около 200 тысячъ, значеніе которыхъ умалялось еще тѣмъ, что инициатива нападенія принадлежала противнику. Но, что особенно ставило нашу армію въ печальное положеніе, — это постановка въ ней командной части. Начать съ того, что противъ искуснѣйшаго полководца командовать русскими войсками брался самъ Александръ, уже подъ Аустерлицемъ доказавшій свою неспособность. Но печальнѣе всего то, что, выступая въ роли командующаго войсками, всѣхъ обязанностей послѣдняго онъ на себя не бралъ, чѣмъ ставилъ въ затрудненіе другихъ генераловъ и вводилъ безпорядки и путаницу въ арміи. Мало того. Не понимая важности наступающей минуты, страдая *слабостью національнаго чутья, по своему пристрастію къ иноземцамъ, важнѣйшія роли въ арміи онъ раздаетъ иностранцамъ*. Такъ, военнымъ министромъ, а затѣмъ и командующимъ первою арміей онъ назначаетъ Барклая-де Толли, человѣка способнаго, честнаго, исполнительнаго служаку, но, въ то же время, неумѣющаго двухъ словъ сказать по русски, угрюмаго, необщительнаго и возбуждавшаго недовѣріе. Вотъ этотъ-то человѣкъ призванъ былъ Александромъ возбуждать въ арміи патріотическія чувства и воодушевлять армію *на патріотическій подвигъ*.

Характернѣе всего то, что среди русскихъ генераловъ былъ Кутузовъ, человѣкъ несомнѣнно даровитый, любимѣйшій ученикъ великаго Суворова, бывавшій въ бою правою рукою послѣдняго и не разъ самостоятельно доказывавшій свою боевую правоспособность. Но Кутузовъ какъ разъ въ это время оказался въ опалѣ у Императора и находился не у дѣлъ. Далѣе, чтобы вести войну, необходимо было выработать планъ военныхъ дѣйствій. Нападеніе на Россію иноземныхъ полчищъ не было новостью въ Русской исторіи, и всякому русскому генералу хорошо было извѣстно, какъ сто лѣтъ тому назадъ Петръ Вел. встрѣтилъ Карла XII. Повторить старый пріемъ въ данномъ случаѣ было тѣмъ естественнѣе, что превосходство силъ было на сторонѣ нападающаго непріятеля и что Наполеонъ, какъ это хорошо было извѣстно всякому русскому офицеру, всегда искалъ рѣшительнаго боя, въ которомъ его военный геній развертывался во всю. И среди окружавшихъ Александра лицъ не было недостатка въ людяхъ, для которыхъ планъ отступленія и заманиванія непріятеля вглубь страны казался самымъ естественнымъ и цѣлесообразнымъ. Но Александръ, казалось, хотѣлъ повторить опытъ, имѣвшій мѣсто передъ Аустерлицкимъ пораженіемъ. Какъ тогда, обходя Кутузова, составленіе диспозиціи онъ поручилъ австрійскому доктринеру Вейротеру, такъ теперь планъ военныхъ дѣйствій для русской арміи онъ поручилъ разработать прусскому педанту, генералу Фулю, который большую ученость соединялъ съ еще большею узколобостью. Этотъ

представитель прусской арміи, которая недавно разгромлена была Наполеономъ, выступилъ съ проектомъ, который, при слѣпомъ довѣріи къ нему Императора, могъ бы погубить нашу армію, если бы разумные люди не приняли мѣръ къ предупрежденію катастрофы.

По предложенному Фулемъ плану, русскія войска, отступая по извѣстной системѣ, должны были встрѣтить непріятеля въ укрѣпленномъ лагерѣ на рѣкѣ Дриссѣ, мѣсто для котораго избралъ другой нѣмецъ, пріятель Фуля, флигель-адъютантъ Вольцогенъ. Позднѣе выяснилось, что этотъ лагерь оказался настоящей западней и могъ быть устроенъ, по замѣчанію маркиза Паулуччи, «или сумасшедшимъ, или измѣнникомъ». Послышавшаяся критика плана вынудила Императора созвать совѣтъ, на которомъ Фуль и «фулевщина» были осуждены и, по предложенію Барклая, армія стала отступать на Витебскъ. Одновременно съ этимъ, послѣдовали два важныхъ назначенія: начальникомъ штаба назначенъ былъ выдающійся генералъ А. П. Ермоловъ и генералъ-квартирмейстеромъ полковникъ К. Ѳ. Толь.

Избавиться отъ Фуля было не особенно трудно; но какъ избавиться отъ двоевластія, которое совершенно парализовало свободу дѣйствій Барклая? Этотъ щекотливый вопросъ становился неотложнымъ, когда выяснилось, что Императорскій приказъ по войскамъ долженъ былъ окончиться словами: «Я всегда буду съ вами и никогда отъ васъ не отлучусь». Когда текстъ этого приказа представленъ былъ для просмотра государственному секретарю, адмиралу Шишкову, этотъ горячій патріотъ рѣшилъ немедленно дѣйствовать. Онъ написалъ Александру письмо, въ которомъ, маскируя существо вопроса указаніемъ на угрожающую императору опасность, въ случаѣ пораженія нашихъ войскъ, и на необходимость присутствія его среди народа, умолялъ государя оставить армію и заняться изготовленіемъ ополченія и поднятіемъ воодушевленія среди населенія страны. Чтобы письмо возымѣло силу, необходимо было привлечь къ его подписи Балашова и пресловутаго Аракчеева, находившихся при Императорѣ. Подпись Балашова получить было не трудно. Но когда Аракчееву доложили, что отъѣздъ государя въ Москву необходимъ для спасенія отечества, онъ замѣтилъ: «Что мнѣ до отечества! Скажите мнѣ, не въ опасности-ли государь, оставаясь долѣе при арміи?». Ему, конечно, отвѣтили утвердительно, и Аракчеевъ подписался подъ письмомъ. Эта несомнѣнная и совсѣмъ особая вѣрность императору, при цинично-пренебрежительномъ отношеніи къ отечеству, характерна для любимца Александра.—Письмо, прочитанное Императоромъ 5 іюля утромъ, достигло цѣли, и на другой день, 6-го іюля, Александръ двинулся чрезъ Смоленскъ въ Москву.

Теперь осталось ликвидировать остатки неудачнаго плана Фуля. По этому плану русскія войска, назначенныя дѣйствовать прямо противъ Наполеона, раздѣлены были на двѣ арміи. Первая, численностью около

127,000, съ главною квартирою въ Вильнѣ, находилась подъ командою Барклая, а вторая, численностью около 48,000, съ главною квартирою въ Волковыскѣ,—подъ командою Багратіона. Наполеонъ сразу оцѣнилъ выгоду для себя такого дробленія русскихъ силъ и рѣшилъ разбить наши обѣ арміи порознь. Чтобы воспрепятствовать осуществленію этого плана, нужно было поспѣшить соединить арміи; но сдѣлать это, при настойчивомъ наступленіи непріятеля, было очень трудно,—тѣмъ болѣе, что Александръ, оставляя армію, сдѣлалъ новую ошибку: онъ не назначилъ главнокомандующаго, вслѣдствіи чего очень трудно было установить въ дѣйствіяхъ единство системы; осторожный Барклай, имѣвшій болѣе точныя свѣдѣнія о превосходствѣ непріятельскихъ силъ, требовалъ отступленія; пылкій Багратіонъ думалъ, что можно осилить непріятеля въ рѣшительномъ сраженіи. Первыя попытки къ соединенію разрушены были энергично дѣйствовавшимъ непріятелемъ; но необыкновенный героизмъ нашихъ войскъ преодолѣлъ всѣ препятствія, и, послѣ цѣлаго ряда отдѣльныхъ частныхъ схватокъ, наши арміи, наконецъ, соединились подъ Смоленскомъ, 22 іюля, къ досадѣ Наполеона, самоувѣренно утверждавшаго, что «Багратіонъ съ Барклаемъ болѣе не увидятся».

Между тѣмъ, внутри государства происходили важныя событія. Уже почти цѣлый мѣсяцъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ непріятель перешелъ границу государства, уже потоки русской крови были пролиты, а между тѣмъ, подданные Императора все еще оставались «безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности», какъ будто это было личное дѣло Александра. Чтобы оцѣнить смыслъ этого факта, нужно вспомнить тогдашніе пути сообщенія, отсутствіе желѣзныхъ дорогъ и телеграфа, почти полное отсутствіе газетъ и, слѣдовательно, полная неосвѣдомленность общества и народа относительно того, что дѣлается въ государствѣ; нужно вспомнить все это, что бы понять то мучительное томленіе, въ которомъ правительство держало страну. Но оставлять долго въ такомъ состояніи народъ, который защиту отечества искони привыкъ считать своимъ долгомъ, было невозможно. И вотъ, по инціативѣ того же Шишкова, имъ же составлено было и Александромъ предъ отъѣздомъ изъ арміи подписано два важныхъ акта: воззваніе «Первопрестольной столицѣ нашей Москвѣ» и «Высочайшій Манифестъ» о всеобщемъ ополченіи. Написанные опытною рукою, оба эти акта произвели огромное впечатлѣніе: они давали поводъ и какъ бы намѣчали форму для проявленія народнаго энтузіазма. Если оставить въ сторонѣ обычную въ подобныхъ случаяхъ риторическую воду, то основную мысль обоихъ этихъ актовъ можно выразить словами манифеста, въ которыхъ Императоръ приглашалъ всѣхъ своихъ подданныхъ «единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній». Указывая форму осуществленія этой мысли, манифестъ предлагалъ «собрать внутри государства новыя силы», а «для пер-

воначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ, предоставлялось во всѣхъ губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ оными, и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ главный надъ всѣми предводитель».

Эта мысль о созваніи народнаго ополченія не была полною новостью; она гораздо раньше возникла въ обществѣ подъ вліяніемъ глубокаго патріотическаго воодушевленія. Изъ Смоленска, еще до появленія здѣсь манифеста, отправлено было государю прошеніе о дозволеніи вооружить до 20-ти тысячъ человѣкъ въ подкрѣпленіе регулярныхъ войскъ. Понятно, что появленіе здѣсь 9-го іюля Императора должно было вызвать большое воодушевленіе. Понятно также, что въ Москвѣ, этомъ сердцѣ Россіи, взрывъ патріотизма долженъ былъ принять особенно острый характеръ. Москва, исторически выработавшая самую идею единенія Царя съ Народомъ въ трудныя минуты государственной жизни, лучше всякой другой области умѣла найти форму для внѣшняго проявленія этой идеи. Не говоря уже о томъ необыкновенномъ энтузіазмѣ, какой охватилъ населеніе Первопрестольной при появленіи здѣсь государя, Москва сдѣлала большія пожертвованія на патріотическое дѣло, лучшимъ свидѣтелемъ чего служитъ самъ Александръ, въ его письмѣ къ графу Салтыкову: «Въ Смоленскѣ, писалъ государь, дворянство предложило мнѣ на вооруженіе 20,000 человѣкъ, къ чему же тотчасъ и приступлено. Въ Москвѣ, одна сія губернія даетъ мнѣ десятаго съ каждаго имѣнія, что составитъ до 80,000, кромѣ поступающихъ охотно изъ мѣщанъ и разночинцевъ. Денегъ дворяне жертвуетъ до трехъ милліоновъ, купечество же слишкомъ до десяти. Однимъ словомъ, *нельзя не быть тронуту до слезъ,* видя духъ, оживляющій всѣхъ, и усердіе и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ». Вообще, изъ его неоднократныхъ заявленій видно, что императоръ ранѣе не зналъ духа своего народа и все, что онъ здѣсь встрѣтилъ, было для него неожиданнымъ сюрпризомъ. Любопытно, что въ то время, какъ отдѣльныя группы столичныхъ обывателей горячо оспаривали другъ у друга право выпрячь лошадей и везти экипажъ на себѣ до кремля, въ то время какъ высшее духовенство и именитые граждане волновались въ Успенскомъ соборѣ, ожидая здѣсь встрѣчи государя, самъ Александръ серьезно думалъ, что онъ можетъ, игнорируя вѣковой обычай, остановиться съ Слободскомъ дворцѣ, расположенномъ на одной изъ городскихъ окраинъ. Но если самъ императоръ, *тронутый до слезъ* выраженіями горячаго патріотизма, какъ человѣкъ съ болѣе тонкимъ психологичесхимъ чутьемъ, скоро и легко, повидимому, понялъ истинный смыслъ начавшагося въ Россіи движенія, то для окружавшихъ его чиновниковъ это было труднѣе.

Во всякомъ случаѣ, когда рязанское дворянство прислало въ Москву депутацію съ выраженіемъ готовности выставить 60,000 ратниковъ, воору-

женныхъ и обмундированныхъ, то министръ полиціи Балашовъ встрѣтилъ эту депутацію грубо и враждебно, и, несмотря на иное отношеніе къ этимъ горячимъ патріотамъ гр. Растопчина, распорядился на другой же день выслать ихъ изъ Москвы. Эти факты надо помнить для того, чтобы правильно понять истинный источникъ начавшагося великаго патріотическаго движенія.

Какъ только выяснилась готовность населенія жертвовать всѣмъ для спасенія отечества, необходимо было подумать объ организаціи поднявшихся силъ. Съ этою цѣлью 18 іюля, въ день оставленія Александромъ Москвы, обнародованъ былъ Высочайшій манифестъ объ организаціи народнаго ополченія. Въ основаніе манифеста положена была мысль, «чтобы, составя достаточныя силы изъ однихъ губерній, не тревожить безъ нужды другихъ». Ополченіе повелѣвалось созвать изъ 17 центральныхъ губерній, которыя раздѣлены были на три округа. По своимъ главнымъ городамъ, эти три округа можно назвать: Петербургскимъ, Московскимъ и Казанскимъ. Численность ополченія этихъ округовъ равнялась, по проекту, 220,000. Но и губерніи, оффиціально не призванныя къ составленію ополченія, не остались безучастными зрителями,—онѣ тоже собрали до 100,000 ратниковъ.

На основаніи однихъ цифровыхъ данныхъ трудно судить объ охватившемъ страну необыкновенномъ воодушевленіи. Люди всѣхъ общественныхъ классовъ и всѣхъ возрастовъ спѣшили, какъ кто могъ, принять участіе въ начавшемся великомъ движеніи. Молодежь массами оставляла школы и записывалась въ ряды ополченцевъ; даже юные подростки нерѣдко убѣгали изъ родительскихъ домовъ и записывались въ полки. По словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, тогда «молодымъ людямъ нельзя было показаться ни въ обществахъ, ни на гуляньяхъ, не слыша упрековъ, зачѣмъ они не въ военномъ мундирѣ».

Пожертвованіе на военное дѣло совершалось съ большою щедростью. Люди богатые жертвовали большіе капиталы, бѣдные—часто несли послѣднюю копѣйку. Рабочій Барнаульскаго завода Бѣликовъ, самъ находившійся въ очень трудномъ матеріальномъ положеніи, пожертвовалъ 5 рублей. Когда чиновникъ, знавшій его положеніе, при пріемѣ денегъ выразилъ удивленіе, Бѣликовъ пояснилъ: «эти деньги оставилъ мнѣ отецъ при смерти своей, завѣщая, чтобы я берегъ ихъ на черный день. Слыша, въ какомъ положеніи наша Святая Русь, я разсудилъ, что для всѣхъ насъ не можетъ быть дней чернѣе нынѣшнихъ, и потому, исполняя послѣднее желаніе родителя моего, прошу принять мои деньги». Къ такимъ исключительнымъ внутреннимъ переживаніямъ русскій народъ подготовленъ былъ всей своей исторіей.

Видную роль въ данномъ случаѣ сыграло также религіозное чувство, для подогрѣванія котораго много сдѣлало духовенство. Мы видѣли въ ка-

комъ свѣтѣ раньше старался представить синодъ Наполеона. Теперь, наряду съ обнародованіемъ Высочайшаго манифеста, въ церквахъ читалось и новое воззваніе синода, который, направляя рѣчь противъ «властолюбиваго, ненасытнаго, не хранящаго клятвъ, неуважающаго алтарей врага», взывалъ къ сынамъ православной церкви: «Пріимите оружіе и щитъ, да сохраните вѣрность и охраните вѣру отцовъ вашихъ.... Не щадите временнаго живота вашего для покоя церкви, пекущейся о вашемъ вѣчномъ животѣ». Чувство народнаго негодованія позднѣе еще больше усилилось отъ безчинства непріятелей,которые, особенно поляки, своимъ кощунственнымъ отношеніемъ къ предметамъ народной святости много способствовали взрыву народнаго негодованія. Словомъ, цѣлой суммой сложившихся обстоятельствъ война какъ бы утрачивала свой обычный специфическій характеръ и становилось общенароднымъ дѣломъ: каждый гражданинъ хотѣлъ быть воиномъ, но и каждый воинъ чувствовалъ себя гражданиномъ. Армія становилось лишь центральнымъ ядромъ боевой силы, которая мало помалу разлилась по всей странѣ.

Но что же въ это время дѣлалось въ самой арміи? Тамъ творилось многое неладно, причину чего легко понять. Оставляя армію, Александръ, какъ мы видѣли, главнокомандующаго не назначилъ, а лишь въ полуинтимномъ, полуоффиціальномъ тонѣ сказалъ Барклаю: «Поручаю вамъ мою армію, и не забывайте отнюдь, что у меня нѣтъ другой». Слова очень сильныя; въ нихъ заключалась цѣлая система дѣйствій; но чтобы эту систему осуществлять, нужно было имѣть оффиціальное право, которое признавали бы всѣ подчиненные. А между тѣмъ, командующій второй арміей Багратіонъ на этотъ счетъ никакихъ распоряженій не получалъ, что, въ виду разногласія съ командующимъ первой арміей, было дѣло не послѣдней важности. Правда, при встрѣчѣ съ Барклаемъ, старшій чиномъ Багратіонъ охотно подчинился его власти, какъ военнаго министра. Но это было дѣломъ частнаго соглашенія, которое, въ рѣшительную минуту, при несогласіи точекъ зрѣнія, могло и разстроиться. Любопытно то, что императоръ прекрасно понималъ неудобство такого положенія вещей и въ письмахъ къ обоимъ командующимъ онъ высказывался, что «весьма обрадовался, услышавъ о добромъ согласіи» между ними. Что же мѣшало ему устранить это неудобство прямымъ и яснымъ рѣшеніемъ вопроса о подчиненіи? Этотъ странный на первый взглядъ вопросъ рѣшается очень просто. Изъ частной переписки, особенно изъ интимной переписки съ сестрой, вел. кн. Екатериной Павловной, видно, что Александръ оставилъ армію съ болью въ сердцѣ, съ уязвленнымъ самолюбіемъ, уступая общественному мнѣнію. Считая себя лицомъ въ военномъ отношеніи вполнѣ правоспособнымъ, онъ вѣрилъ себѣ больше, чѣмъ своимъ генераламъ. Не назначая оффиціально одного распорядителя, онъ ведетъ частную переписку съ начальниками отдѣльныхъ частей, любезно выслушиваетъ ихъ донесенія, принимаетъ ихъ проекты, дѣлаетъ отдѣльныя распоряженія, сло-

вомъ, попрежнему продолжаетъ вмѣшиваться въ детали командованія арміями. А между тѣмъ, въ героически настроенныхъ арміи и обществѣ все громче и рѣшительнѣе начинаетъ раздаваться голосъ недовѣрія какъ къ самому императору, такъ и къ назначеннымъ имъ людямъ.

Напримѣръ, не только среди солдатъ, но и среди генераловъ выражается недовѣріе къ Барклаю-де-Толли, котораго даже Багратіонъ называлъ измѣнникомъ. Этотъ честный, искренно преданный дѣлу человѣкъ несомнѣнно не былъ измѣнникомъ, и направленныя противъ него стрѣлы въ извѣстной степени, рикошетомъ, попадали въ самаго императора. Чтобы выйти изъ такого положенія, императору ничего не оставалось, какъ, уступая давленію общественнаго мнѣнія, назначить одного главнокомандующаго. Рѣшеніе этого вопроса онъ предоставилъ особому комитету изъ шести лицъ. Первый разъ комитетъ собрался 5 августа; а между тѣмъ, еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, предвидя куда клонится дѣло, Александръ возвелъ непріятнаго ему Кутузова въ княжеское достоинство и надѣлилъ его титуломъ Свѣтлости. Комитету ничего не оставалось, какъ назвать того, имя котораго уже давно громко произносилось въ обществѣ. Избранный комитетомъ, Кутузовъ 8-го августа назначенъ былъ главнокомандующимъ надъ *всѣми арміями и ополченіями.*

Такъ разрѣшился этотъ тяжелый для арміи кризисъ. Наполеонъ называлъ Кутузова «сѣверной лисицей». Какъ бы желая оправдать эту характеристику, Кутузовъ утверждалъ, что разбить Наполеона онъ не надѣется, но обмануть его сумѣетъ. Дѣйствительно, Кутузовъ былъ не изъ тѣхъ генераловъ, которые вѣрили въ возможность разбить Наполеона, и во всѣхъ его дѣйствіяхъ, по крайней мѣрѣ послѣ Бородинскаго боя, проглядываетъ тенденція уклоняться отъ рѣшительнаго сраженія. Въ этомъ отношеніи Кутузовъ уступалъ многимъ болѣе молодымъ, болѣе смѣлымъ и энергичнымъ генераламъ. Но за то между русскими генералами едва ли можно было указать другое лицо, которое бы пользовалось такимъ довѣріемъ арміи и народа, какимъ пользовался Кутузовъ; а въ данное время это было существенно важно.

По старымъ, исторически выработаннымъ понятіямъ, естественнымъ вождемъ народа въ такую минуту долженъ былъ явиться Императоръ. Но какъ разъ къ этому времени отрицательное отношеніе къ Александру не только широкихъ круговъ общества, но и въ самой арміи стало принимать такія формы, которыя, при абсолютизмѣ императорской власти, могли казаться граничащими съ настоящей революціей. Такъ, когда 22 августа Александръ возвратился въ Петербургъ, здѣсь онъ засталъ только что прибывшаго изъ нашей арміи англійскаго генерала Вильсона, которому отъ имени всей арміи поручено было, между прочимъ, сказать, что всякое приказаніе, присланное изъ Петербурга о прекращеніи военныхъ дѣйствій и открытіи переговоровъ съ французами, будетъ принято не за дѣйствительное выраженіе воли государя, а за выраженіе постороннихъ злоумышлен-

ныхъ внушеній; что, поэтому, армія намѣрена продолжать войну, пока непріятель не будетъ изгнанъ изъ предѣловъ имперіи. Въ передачѣ Вильсона это порученіе направлено было собственно противъ министра Румянцева и другихъ совѣтниковъ Императора; но легко понять, что въ своемъ послѣднемъ выводѣ оно было угрозой самому Императору, какъ и понялъ его Александръ. Выслушавъ Вильсона съ большимъ волненіемъ, онъ, въ свою очередь, поручилъ передать арміи, что воля ея будетъ исполнена, что онъ не вступитъ въ переговоры съ Наполеономъ до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ вооруженный французъ будетъ оставаться въ Россіи.*) Лучше,— закончилъ Императоръ свое обѣщаніе,—«отрощу себѣ бороду и буду питаться картофелемъ въ Сибири».

Нужно помнить, что это порученіе было выраженіемъ того настроенія арміи, которое создалось еще до назначенія Кутузова и которое сопровождалось недовѣріемъ къ Барклаю, другому министру Александра. Съ назначеніемъ Кутузова армія и народъ, получивъ вождя по сердцу, вздохнули свободнѣе, но отношеніе къ Александру не измѣнилось. Напротивъ, по мѣрѣ того, какъ бѣдствія войны становились чувствительнѣе, отрицательное отношеніе народа къ императору становилось острѣе, и прежнее недовѣріе стало переходить въ настоящее негодованіе: на Александра и его дворъ со всѣхъ сторонъ сыпались обвиненія въ бѣдствіяхъ войны, и никто не смѣлъ выступить ихъ защитникомъ. Характернымъ показателемъ создавшагося настроенія можетъ служить слѣдующій фактъ. Наступило 15 сентября, день коронаціи Государя, когда Александръ долженъ былъ отправиться въ Казанскій соборъ. Настроеніе было настолько тревожное, что, вопреки обычаю, по убѣжденію осторожныхъ людей, императоръ отправился не верхомъ, какъ всегда, а въ закрытой каретѣ, вмѣстѣ съ императрицами. «Царскій поѣздъ — скажемъ словами Н. К. Шильдера—встрѣтила пасмурная и мрачно молчаливая толпа». Создавшееся настроеніе такъ передаетъ присутствовавшая въ свитѣ графиня Эдлингъ: «Никогда въ жизни не забуду тѣхъ минутъ, когда мы поднимались по ступенямъ въ соборъ, слѣдуя среди толпы; не раздалось ни одного привѣтствія. Можно было слышать наши шаги, и я нисколько не сомнѣвалась, что достаточно было малѣйшей искры, чтобы все кругомъ воспламенилось. Я взглянула на государя, поняла, что происходитъ въ его душѣ, и мнѣ показалось, что колѣна подо мною подгибаются».

То обстоятельство, что даже простой народъ, при своемъ почти благовѣйномъ отношеніи къ идеѣ царской власти, какъ это обнаружилось хо-

*) Не слѣдуетъ упускать изъ виду также и того, что Вильсонъ являлся зоркимъ блюстителемъ интересовъ Англіи въ борьбѣ съ Наполеономъ. Вильсонъ использовалъ недовольство въ русской арміи, конечно, съ исключительной цѣлью парализовать вліяніе Румянцева, обнаруживавшаго склонность къ начатію мирныхъ переговоровъ съ французами.

Редакція.

тя бы, напримѣръ, при встрѣчѣ императора въ Москвѣ, позволилъ себѣ даже на улицу выносить свое нерасположеніе къ реальной личности Александра,—это показываетъ, до чего атмосфера была въ это время напряженной. Причина этого обстоятельства скрывалась не въ «нелѣпыхъ слухахъ и клеветахъ, распространяемыхъ про дворъ»: эти слухи и клеветы потому и имѣли успѣхъ, что въ такую важную минуту, когда все, проникнутое высокимъ альтруизмомъ, сплачивалось и объединялось, Александръ все еще стоялъ далеко отъ народа и не довѣрялъ ему.

Нигдѣ такъ типично не выступаетъ съ этой стороны личность Александра, какъ въ его разговорѣ съ полковникомъ Мишо, привезшимъ въ Петербургъ извѣстіе о сдачѣ Москвы. Услышавъ, что армія находится въ страхѣ изъ опасенія, чтобы императоръ не заключилъ мира съ Наполеономъ, Александръ, для успокоенія арміи, между прочимъ, велѣлъ передать ей: «Но если судьбою и Промысломъ Божіимъ предназначено *роду моему* не царствовать болѣе на престолѣ моихъ предковъ, то, истощивъ всѣ усилія, Я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ Моего Отечества... *Наполеонъ или Я, Я или онъ*, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать». Чтобы оцѣнить по достоинству смыслъ этихъ словъ, полезно вспомнить слова приписываемаго Петру Великому приказа, изданнаго предъ Полтавскимъ боемъ: «А о Петрѣ—говорилось въ приказѣ—вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи». То обстоятельство, что Императоръ Александръ, оказавшись въ такомъ же приблизительно положеніи, прежде всего думаетъ о своемъ *родѣ* и о своемъ личномъ *Я*, объявляя свою личную ненависть къ врагу главнымъ стимуломъ своихъ дѣйствій, указываетъ, что даже въ такую тяжкую для Отечества минуту, минуту тревогъ и волненій, Александръ не умѣлъ еще слиться съ народомъ настолько, чтобы забыть свое *Я* и свою *личную* ненависть къ Наполеону. Въ свою очередь, и народъ инстинктивно чувствовалъ, что Императоръ въ этотъ моментъ далекъ отъ него и невольно сталъ искать для себя другого объединяющаго центра, и нашелъ его въ лицѣ Кутузова. «Со времени Пожарскаго—говоритъ Михайловскій-Данилевскій—никто не стоялъ такъ высоко въ виду всей Россіи. Духовные присылали ему въ благословеніе образа и извѣщали о молитвахъ, возсылаемыхъ ими объ успѣхахъ его предначинаній. Изъ Казанскаго женскаго монастыря доставлены были деньги для раздачи часовымъ, поставленнымъ у дверей фельдмаршала. Граждане города Курска, по общему приговору, поднесли ему списокъ съ чудотворной иконы Знаменія Божіей Матери, нѣкогда защищавшей городъ ихъ отъ враговъ Отечества. Князь Кутузовъ получалъ письма съ убѣдительными просьбами увѣдомлять, что наиболѣе нужно для арміи. Изъ губерній являлись къ нему, отъ дворянскаго и купеческаго сословій, нарочитые съ изъявленіемъ совершенной готовности на всякія пожертвованія. «Требуйте», говорили они,

«Свѣтлѣйшій князь, требуйте! Вы увидите съ какою поспѣшностью исполнимъ ваши приказанія».

Это сопоставленіе Кутузова съ Пожарскимъ слѣдуетъ признать очень удачнымъ. Какъ тогда Россія объединилась около Пожарскаго и Минина, такъ и теперь она объединилась около Кутузова. Александръ, нѣсколько уязвленный этимъ, при каждомъ удобномъ случаѣ высказывалъ свое нерасположеніе къ этому своего рода узурпатору его правъ. Даже въ оффиціальныхъ рескриптахъ, иногда пробивается нѣкоторая непріязнь къ фельдмаршалу.

Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ слѣдующій фактъ. Въ Калужской губерніи проживалъ генералъ-маіръ князь Яшвили, причастный къ дворцовому перевороту 1801 года и находившійся подъ надзоромъ полиціи. Такъ какъ въ такую важную минуту, когда даже дѣти хватались за оружіе, было бы неестественно держать безъ дѣла нужнаго офицера, то Кутузовъ и поручилъ ему команду надъ однимъ отрядомъ, сформированнымъ большею частью изъ ополченцевъ. Вотъ какъ реагировалъ Императоръ на этотъ поступокъ главнокомандующаго. «Съ крайнимъ удивленіемъ увидѣлъ я изъ одного изъ рапортовъ вашихъ, что вы употребили на службу находящагося въ ссылкѣ извѣстнаго Яшвиля... Вы сами приписали себѣ право, которое одинъ я имѣю, что поставляю вамъ на замѣчаніе»... Такъ было написано въ оффиціальномъ рескриптѣ. А на обложкѣ, въ которой этотъ рескриптъ отправленъ былъ Аракчееву, рукою императора сдѣлана была карандашомъ надпись: «какое канальство». Полагаемъ, что слова эти не нуждаются въ комментаріи. *)

Во избѣжаніе всякаго рода недоразумѣній, необходимо помнить, что отрицательное отношеніе къ Александру въ оффиціальныхъ выступленіяхъ общества было незамѣтно; здѣсь господствовалъ обычный шаблонъ, который и скрывалъ дѣйствительность. Нужно помнить также, что общественное недовольство направлено было *не противъ идеи Императорской власти,* а противъ личности Александра, какъ выразителя началъ извѣстной *антинаціональной политики.* Вотъ почему въ дѣйствіяхъ оппозиціи, если можно такъ выразиться, ничего истинно революціоннаго не было, и во всемъ томъ, что выставлялось на показъ, Императоръ представлялся боготворимымъ кумиромъ.

Въ нашу задачу не входитъ изображеніе самой технической стороны Отечественной войны, такъ много разъ и такъ блестяще описанной. Замѣтимъ только, что патріотическій подъемъ духа вызвалъ всеобщій героизмъ; весь народъ сталъ, такъ сказать, героемъ, такъ что между арміей и на-

---

*) Князю Яшвили приписывалось *удушеніе* Павла I, во время дворцоваго переворота 1 марта 1801 г.

Редакція.

родомъ установилась самая тѣсная органическая связь. Такая связь особенно выпукло выступала въ партизанскихъ отрядахъ, гдѣ часто объединялись люди не только разныхъ классовъ, но и разныхъ половъ и возрастовъ. Когда же на помощь такому героизму выступили стихійныя силы:—огромное пространство, холодъ и голодъ,—поднятая борьба не могла не окончиться успѣхомъ, и остатки побѣжденнаго и почти цѣликомъ уничтоженнаго врага съ позоромъ оставили Россію.

Теперь естественно поднимался вопросъ, что же дальше дѣлать? Отвѣта на этотъ вопросъ слѣдовало, казалось бы, искать въ создавшемся положеніи вещей. А положеніе это было таково. Изъ почти стотысячной арміи, выступившей изъ Тарутина, въ Вильну прибыло около 27 тысячъ; вся остальная масса войскъ или погибла въ сраженіяхъ, или лежала въ госпиталяхъ. Изъ 600 слишкомъ орудій при арміи осталось около 200; остальныя оставлены были вслѣдствіе гибели лошадей. Страна, разоренная въ самомъ центральномъ своемъ ядрѣ, нуждалась въ отдыхѣ. Получившій должное возмездіе непріятель, въ теченіи всей кампаніи искавшій повода вступить въ переговоры о мирѣ, теперь могъ бы быть особенно сговорчивъ, и съ нимъ можно было заключить самый выгодный для Россіи миръ. Такъ дѣйствительно и думала вся Россія, во главѣ съ фельдмаршаломъ Кутузовымъ. «Вашъ обѣтъ исполненъ», докладывалъ Кутузовъ Императору; «ни одного вооруженнаго непріятеля не осталось на русской землѣ; теперь остается исполнить и вторую половину обѣта—положить оружіе». Люди, поощрявшіе Кутузова къ подобнымъ представленіямъ, убѣждали фельдмаршала, что Императоръ «по вашему сану и знаменитымъ подвигамъ, конечно, уважитъ ваши совѣты». Но это была пустая мечта. Начать съ того, что Императоръ никакихъ подвиговъ за Кутузовымъ не признавалъ. Уступая требованію общества, которое хотѣло, по выраженію Александра, «Олицетворить въ немъ (Кутузовѣ) *народную славу* этой компаніи», онъ, не безъ боли въ сердцѣ, награждалъ фельдмаршала орденомъ Георгія первой степени и въ тоже время какъ будто мечталъ о томъ, чтобы «*выжить*» изъ арміи этого неспособнаго военачальника, твердо рѣшивъ, что «отнынѣ я не разстанусь съ моей арміей». «Когда—разсказывалъ фельдмаршалъ—онъ доказательствъ моихъ оспорить не можетъ, то обниметъ меня и поцѣлуетъ: тутъ я заплáчу и соглашусь съ нимъ». Вотъ тотъ высшій аргументъ, которымъ Александръ побѣждалъ противниковъ своей логики.

Что же, однако, толкало русскаго императора на путь этихъ новыхъ приключеній, не обѣщавшихъ Россіи никакихъ выгодъ? Окруженный разнаго рода европейскими проходимцами, въ большинствѣ личными врагами Наполеона, привыкшими смотрѣть на Россію, какъ на слѣпое орудіе для достиженія своихъ патріотическихъ стремленій, Александръ легко усвоилъ ихъ точку зрѣнія на русскихъ патріотовъ, какъ на «презрѣнныхъ людей», которые

де хотятъ отнять у своего императора великую славу освободителя Европы. Эти убѣжденія прусскихъ, англійскихъ, австрійскихъ патріотовъ тѣмъ легче достигали намѣченной цѣли, что они находили хорошо подготовленную почву въ личности Александра, твердо державшагося девиза: «Наполеонъ или Я, Я или Онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать». Ясно, что, при такомъ положеніи вещей, интересы Россіи неизбѣжно должны были быть принесены въ жертву интересамъ другихъ народовъ. Такъ и случилось.

Оправившись отъ разгрома своей арміи и нанеся пораженіе союзникамъ подъ Люценомъ, Наполеонъ рѣшилъ возвратиться къ старой своей мысли возобновить союзъ съ Россіей и раздѣлить съ Александромъ власть надъ Европой. Раздраженный поведеніемъ Австріи, выступившей съ обидными условіями для заключенія мира, Наполеонъ сказалъ Коленкуру, котораго рѣшилъ отправить посломъ для переговоровъ къ Александру: «Если я долженъ принести какія либо жертвы, то охотно сдѣлаю ихъ въ пользу Императора Александра, который ведетъ со мною войну открыто, либо въ пользу короля прусскаго, въ коемъ принимаетъ участіе Россія, нежели въ угожденіе Австріи, разорвавшей союзъ со мною и присваивающей себѣ, подъ предлогомъ посредничества, право распоряжаться дѣлами Европы.—Императоръ Александръ долженъ охотно воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отомстить блистательно за глупую диверсію Австрійцевъ въ Россіи». Несомнѣнно, что если бы Александръ думалъ о насущныхъ интересахъ Россіи, то онъ дѣйствительно долженъ былъ бы воспользоваться этимъ исключительно благопріятнымъ моментомъ для извлеченія выгодъ въ пользу своего государства. Но русскій императоръ думалъ о спасеніи Европы, а потому въ пріемѣ Коленкуру было отказано, что повторилось и послѣ пораженія союзниковъ при Бауценѣ.

Какія однако же цѣли преслѣдовались этимъ требованіемъ отъ русскаго народа новыхъ жертвъ, новаго пролитія крови?

По пріѣздѣ въ Вильну, принимая собравшихся во дворцѣ генераловъ, какъ бы намѣчая программу своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, Александръ сказалъ: «Вы спасли не только Россію, вы *спасли Европу*». Итакъ, *спасеніе Европы*—вотъ та задача, которую прежде всего возлагалъ Александръ на Россію, перенося войну заграницу.

Теперь посмотримъ, какъ же смотрѣла сама Европа на проявленіе въ отношеніи къ ней такого безкорыстнаго великодушія? Не прошло и двухъ съ половиною мѣсяцевъ послѣ отъѣзда увѣнчаннаго лаврами Спасителя Европы изъ Парижа, какъ, скажемъ словами Михайловскаго-Данилевскаго, «англичане, австрійцы, пруссаки и французы употребили всѣ усилія, чтобы въ мнѣніи народовъ и дворовъ уменьшить вліяніе Россіи и представить пожертвованія наши и подвиги нашихъ войскъ, по возможности, ничтожными, доказывая, что вліяніе Россіи на поли-

тическія дѣла Европы должно быть пагубнымъ для просвѣщенія и для самой независимости державъ». Мало того, Европейскіе дипломаты стали находить, что Александръ потому такъ настойчиво требовалъ низложенія съ престола Наполеона, что самъ хочетъ разыграть въ Европѣ роль Наполеона, котораго онъ даже сталъ копировать въ своихъ дипломатическихъ пріемахъ. Но когда Александръ говорилъ о спасеніи Европы, то у него съ этимъ общимъ выраженіемъ соединилась весьма опредѣленная конкретная мысль. Мы видимъ, что въ бесѣдѣ съ поляками онъ увѣрялъ ихъ, что ѣдетъ на Вѣнскій конгрессъ съ цѣлью работать для Польши; то же онъ повторялъ и въ разговорѣ съ пруссаками. И эти его увѣренія не были пустыми словами. Присутствовавшій на конгрессѣ кн. Адамъ Чарторійскій въ письмѣ къ отцу удивляется той «твердости и непоколебимости», съ какими Русскій Императоръ отстаивалъ *польскія дѣла.* Но тотъ же Чарторійскій свидѣтельствуетъ, что присутствовавшіе на конгрессѣ *русскіе* «страшно негодуютъ и не извиняютъ Императора».

Что же именно послужило поводомъ для негодованія русскихъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно извлечь изъ слѣдующаго любопытнаго документа. Проектъ Александра о присоединеніи къ Россіи возстановленной Польши вызвалъ большую тревогу въ дипломатическомъ мірѣ. Чтобы получить точныя свѣдѣнія объ этомъ проектѣ, Вѣнскій дворъ поручилъ сдѣлать на этотъ счетъ развѣдку прусскому канцлеру Гарденбергу. Вотъ какъ передаетъ Гарденбергъ добытые имъ въ разговорѣ съ Александромъ результаты въ меморандумѣ лорду Касльри: «Александръ, читаемъ здѣсь, присоединитъ къ новому королевству всѣ русскія провинціи, бывшія прежде польскими, дастъ конституцію, которая отдѣлитъ его отъ Россіи, выведетъ изъ него всѣ русскія войска... Сила Россіи скорѣе ослабѣетъ, чѣмъ увеличится отъ этого новаго Польскаго королевства, подъ скипетромъ одного съ нею государя находящагося. *Собственная Россія потеряетъ области очень значительныя и плодоносныя.* Соединенныя съ герцогствомъ Варшавскимъ, онѣ получатъ конституцію совершенно отличную и гораздо болѣе либеральную, чѣмъ конституція имперіи. Поляки будутъ пользоваться привиллегіями, какихъ нѣтъ у русскихъ... Однимъ словомъ, въ моемъ умѣ образовалось самое глубокое убѣжденіе, что, препятствуя Императору возстановить королевство Польское подъ своимъ скипетромъ, мы работаемъ противъ нашего собственнаго интереса». Такъ вотъ за какіе интересы Александръ заставлялъ проливать потоки крови своихъ подданныхъ!

Кромѣ Польши, предметомъ особеннаго вниманія Александра на Вѣнскомъ конгрессѣ была Пруссія. Онъ требовалъ не только возстановленія разрушенныхъ границъ прусскаго королевства, но и настаивалъ на присоединеніи къ Пруссіи всей Саксоніи. Этотъ вопросъ для насъ интересенъ собственно въ томъ отношеніи, что онъ наглядно показываетъ близорукость Александра въ пониманіи тогдашнихъ политическихъ отношеній.

Въ то время, какъ русскій Императоръ считалъ себя центромъ міровой политики, три самыя сильныя европейскія державы, именно, Австрія, Англія и Франція подписали направленную противъ него конвенцію (3-го января 1815 г.), въ которой обязывались выставить по 150,000 войска, обязаннаго выступить въ походъ не позже шести недѣль по востребованію. Но этого мало. Когда Александру, считавшему себя великимъ дипломатомъ, пришлось на Вѣнскомъ конгрессѣ столкнуться съ такими мастерами своего дѣла, какъ Меттернихъ, Талейранъ и Касльри, они стали до того безцеремонно съ нимъ обращаться, что одного изъ нихъ—Меттерниха, за нанесенное имъ оскорбленіе, онъ собирался вызвать на дуэль, на что уже получилъ было даже разрѣшеніе у Императора Франца. Само собою разумѣется, что для подданныхъ Александра въ свое время осталось неизвѣстнымъ то оскорбительное униженіе, какому въ этомъ случаѣ подвергъ себя ихъ повелитель. Но характернѣе всего для Александра то, чѣмъ этотъ инцидентъ съ дуэлью окончился. Когда возвратившійся съ острова Эльбы въ Парижъ Наполеонъ вступилъ въ Тюльерійскій дворецъ, здѣсь, въ кабинетѣ бѣжавшаго Людовика XVIII, онъ нашелъ текстъ вышеназванной, направленной противъ Александра конвенціи. Полагая, что онъ нашелъ, наконецъ, дѣйствительное средство раскрыть глаза русскаго Императора на ошибочность его политики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смягчить его ненависть къ себѣ, Наполеонъ, чрезъ секретаря русской миссіи въ Парижѣ Бутягина, отправилъ этотъ драгоцѣнный документъ въ Вѣну, для передачи въ руки Александра. Между тѣмъ, вѣсть объ уходѣ Наполеона съ Эльбы сдѣлалась извѣстною въ Вѣнѣ и вызвала здѣсь большую тревогу. Не подозрѣвая вѣроломной продѣлки Меттерниха, неразговаривавшій съ нимъ послѣ ссоры, Александръ, подъ вліяніемъ этого извѣстія, приглашаетъ его къ себѣ, обнимаетъ и проситъ возвратить ему свою дружбу. И вдругъ, получается текстъ конвенціи. «Извѣстенъ ли вамъ этотъ документъ?», спрашиваетъ Александръ. И когда Меттернихъ замялся, Александръ продолжалъ: «пока мы оба живы, объ этомъ предметѣ никогда не должно быть разговора между нами. Теперь намъ предстоятъ другія дѣла. Наполеонъ возвратился, и поэтому нашъ союзъ долженъ быть крѣпче, нежели когда либо». Съ этими словами Александръ бросилъ трактатъ въ пылающій каминъ. Что вышло изъ этого союза Александра съ Меттернихомъ, объ этомъ Исторія хорошо знаетъ.

Въ отзывахъ историковъ о личности Императора Александра приходится встрѣчаться съ сужденіями о немъ, какъ о характерѣ весьма сложномъ и въ значительной степени загадочномъ. Намъ думается, что вдумчивое отношеніе къ историческимъ даннымъ даетъ возможность установить слѣдующія положенія.

Отъ природы натура мягкая, гибкая, податливая, въ извѣстномъ смыслѣ почти женственная,—въ выработкѣ своего характера Александръ находился подъ воздѣйствіемъ двухъ основныхъ факторовъ: властной на-

туры бабки Екатерины и необузданно-деспотическихъ проявленій своего отца Павла Петровича, который держалъ сына, какъ и вообще всѣхъ окружающихъ его, въ постоянномъ страхѣ. Эти два вліянія, при натянутомъ отношеніи двухъ дворовъ, между которыми Александру приходилось лавировать, неизбѣжно должны были выработать въ немъ, и безъ того мало способномъ къ проявленію большой активности,—сдержанность, осторожность, скрытность, способность хитрить.

Другою характерною чертою личности Александра было преобладаніе въ его психическомъ строѣ мечтательности, которая всегда является спутникомъ способности факты реальной дѣйствительности подмѣнять творчествомъ своей фантазіи; пассивное фантазированіе для мечтательныхъ натуръ всегда легче, а потому и пріятнѣе, чѣмъ активное творчество, требующее направленія воли, въ которой у такихъ людей всегда чувствуется недочетъ. Подъ вліяніемъ какой нибудь страсти, страстной любви, задѣтаго самолюбія и честолюбія, такіе люди могутъ проявлять большую активность; но лишь эти случайные импульсы перестаютъ дѣйствовать, искусственно приподнятая активность проходитъ, и обычная пассивность и дряблость натуры выступаетъ во всей силѣ. Александръ много строилъ фантастическихъ плановъ; но не многіе изъ нихъ получили дѣйствительное осуществленіе, конечно, потому, что у ихъ творца не хватало постоянства характера, предполагающаго наличность сильной воли.

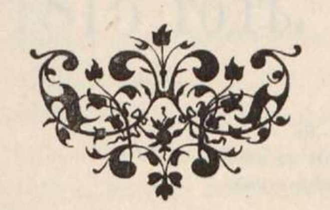
Третью характерную черту личности Александра составляли унаслѣдованные отъ бабушки тщеславіе, честолюбіе и славолюбіе, находившіе благопріятное условіе для своего развитія въ его царственномъ положеніи, въ преобладаніи въ окружающей средѣ лести, лицемѣрія, пресмыкательства и подхалимства. Славолюбіе всегда воспитываетъ страсть фигурировать, потребность къ театральности; а театральность, въ свою очередь, требуетъ для своего проявленія сцены. Погоня за сценой, на которой можно было бы разыгривать роль, было насущною потребностью личности Александра, и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ почему нибудь не могъ разыгривать роли, онъ предпочиталъ уединеніе. Такъ какъ скудная въ ту пору духовно и матеріально Россія, давала очень мало пищи для удовлетворенія славолюбія и честолюбія русскаго Императора, а всякая истинно-сознательная дѣятельность требовала упорнаго, а потому непріятнаго труда, то, послѣ первыхъ выступленій у себя дома, онъ сталъ неудержимо стремиться на арену европейской жизни, гдѣ, особенно въ тогдашнее время, въ разсматриваемомъ отношеніи было гораздо больше пищи, свободы и простора. Встрѣтившись на этой сценѣ съ другимъ, стремившимся къ той же роли, актеромъ,—Наполеономъ, геній котораго сразу доставилъ ему недосягаемую для обыкновеннаго артиста славу, Александръ сначала старался заключить съ своимъ соперникомъ дружбу. Но скоро онъ вступилъ съ нимъ въ открытую борьбу, выставивъ на своемъ знамени де-

визъ: «Наполеонъ или Я, Я или онъ; но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать».

Расчетъ былъ вѣренъ: Наполеонъ царствовалъ надъ свободными народами, которые не смогли долго сносить гнетъ его деспотизма и вѣроломно перешли на сторону его противника. Наполеонъ палъ; но и Александръ, поднявшись на превышающую его силы высоту, почувствовалъ головокруженіе и съ европейской сцены возвратился домой.

Однако, и Россія своими требованіями уже превышаетъ его надломленныя силы; а потому, уступивъ значительную долю вліянія своему любимцу Аракчееву, самъ онъ обратился въ «странствующаго рыцаря», стараясь въ путешествіи найти успокоеніе для своего духа, утонувшаго въ религіозномъ мистицизмѣ. Печаленъ былъ конецъ жизни Александра; но для историковъ съ психологической закваской онъ понятенъ.

В. З. Завитневичъ.

внзя: «Наполеонъ или Я, Я, или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать».

Расчетъ былъ вѣренъ: Наполеонъ царствовалъ надъ свободными народами, которые не смогли долго сносить гнетъ его деспотизма и вѣроломно перешли на сторону его противника. Наполеонъ палъ, но и Александръ, поднявшись на превышающую его силы высоту, почувствовалъ головокруженіе и съ европейской сцены возвратился домой.

Однако, и Россія своими требованіями уже превышаетъ его надломленныя силы, а потому, уступивъ значительную долю власти своему любимцу Аракчееву, самъ онъ обратился въ «странствующаго рыцаря», стараясь въ путешествіи найти успокоеніе для своего духа, утонувшаго въ религіозномъ мистицизмѣ. Печаленъ былъ конецъ жизни Александра, но для историковъ съ психологической закваской онъ понятенъ.

В. З. Завитневичъ.

Наполеонъ, Европейскія событія и Русская дѣйствительность по „Запискамъ“ Галичскаго обывателя Зиновьева

1815 годъ.

«Я, ничтожное суть творенія, забочусь,
душа въ страхѣ: Наполеонъ сказалъ: «надобно
обмыть грѣхи человѣскіе кровавой баней».
Зиновьевъ.

У Лѣскова есть оригинальный разсказъ—«Однодумъ». Герой этого разсказа необычайно честный чудакъ—служака самоотверженно тянулъ служилую лямку, начавъ съ должности «пѣшаго почталіона и добравшись до сана городничаго черезъ должность квартальнаго надзирателя, въ родномъ городкѣ Солигаличѣ. Построивъ свое прямолинейное міросозерцаніе на основаніи непрестаннаго чтенія Библіи, онъ былъ духовно одинокимъ среди своихъ земляковъ и сослуживцевъ. За свои одинокія думы, которыя Александръ Аѳанасьевичъ (такъ звали этого—«единственнаго на всю Россію городничаго») довѣрялъ только завѣтной «синей тетради»,—онъ и получилъ прозвище—«Однодума»: «всякъ братъ, кто въ семьѣ дальше братняго носа смотритъ,—между своими одинокимъ себя увидитъ» (разговоръ Плодомасовой съ протопопомъ Туберозовымъ [1]) много такихъ «одноду-

[1]) «Соборяне» Лѣскова.

мовъ» по бѣлу—свѣту, но особенно много ихъ было въ доброе старое время у насъ на Руси, гдѣ ихъ пускала по Божьему свѣту окружающая обстановка жизни,—это, именно, они были нашими начетчиками—книгочеями; они удалились отъ міра повѣрять свои думы «великой матери пустынѣ»; изъ ихъ рядовъ выходили лѣтописцы и мужи разума и совѣта—свѣтильники міру,—они же создали и весьма распространенный у насъ въ XVIII и даже въ первой половинѣ XIX столѣтія типъ мемуариста лѣтописателя. Въ томъ же самомъ Солигаличѣ, гдѣ «подвизался подвигомъ добрымъ» городничій—«однодумъ», въ то же время, продолжалъ древній «Солигачскій лѣтописецъ[1])» на фонѣ семейныхъ записокъ соляныхъ дѣлъ приставъ Федоръ Ивановичъ Нащокинъ. Неудивительно поэтому, что въ 80-ти верстахъ, въ городѣ Галичѣ, какъ разъ въ это же время (1815 г.), велъ свои записки такой же «однодумъ»—Зиновьевъ. Свои записки на листахъ большого формата онъ переплеталъ въ годовые тома, которыхъ было нѣсколько, но мнѣ попался только томъ за 1815-й годъ. По своимъ «тетрадямъ» Зиновьевъ рисуется крайне своеобразнымъ человѣкомъ. Оставаясь до старости своенравнымъ и неуживчивымъ, онъ, однако, благодаря знанію законовъ, умѣлъ сохранять свое вліяніе въ Галичской общественной жизни. Живя замкнуто, въ кругу своихъ домашнихъ, окруженный однѣми только женщинами, онъ былъ очень несчастливъ въ своей семейной жизни. Такъ, свое супружество онъ называетъ «вступленіемъ на крестное пропятіе». Дѣйствительно, его жена была сварливой и весьма пристрастившейся къ «винопитію» женщиной, о которой мужъ говорилъ, что она обладаетъ душой «злоглупо—хитрой и низко—подлой» и что она была «Федора» и видно по всему точно будетъ подлинная «Федора». Не счастливъ былъ онъ и въ дѣтяхъ, которые приносили ему только одно огорченіе своимъ поведеніемъ и отношеніемъ къ отцу. Мелочи домашней жизни причиняли ему также не мало горькихъ минутъ: то не исполняютъ его приказаній относительно недавно пріобрѣтеннаго термометра (каждодневно смотрѣть на термометръ и докладывать о градусахъ), то сварятъ ему горькую похлебку, не перемывъ предварительно, какъ было приказано, вандыша[2]). Сограждане были тоже не лучше: то выбьютъ ему окно, то препираются съ нимъ въ магистратѣ, но обыкновенно они бывали посрамляемы, такъ какъ духъ старика «вскипалъ и изнемогшее естество пріопарщивалось»,—тогда врагамъ приходилось «краденными рожами помаскировывать и униженно просить», но «дѣло измѣнялось на миролюбіе», и все заканчивалось взаимнымъ цѣлованіемъ. Постоянно раздражалось его больное самолюбіе отъ притѣсненій, обидъ и недостачи матеріальныхъ средствъ. Все это и выработало изъ него «однодума» особой складки. Постояннымъ его утѣшеніемъ сдѣлалось чтеніе да бесѣды самъ—другъ со своими «тетрадями». Чтеніе его носитъ самый разно-

---

[1]) Лѣтописецъ этотъ мной напечатанъ въ «Трудахъ» Арх. ком. М. Арх. О-ва.

[2]) Снятокъ (мелкая рыба).

образный характеръ: и книги «священныя» и поэтическія произведенія, надъ перепиской которыхъ онъ проводитъ иногда цѣлыя ночи, и журнальныя статьи, и газеты, и мѣстныя лѣтописи, и книги разнаго содержанія. «Записи» носятъ такой же безпорядочный характеръ, какъ чтеніе. Событія общеевропейскія и частнаго характера, большой и малой важности, перемѣшиваются здѣсь съ неподражаемой наивностью и непосредственностью. Въ нихъ выливаются волнующія его чувства и виденъ «мятущійся» духъ его: то ему что-то кажется «кручененько» въ отвѣтѣ дочери, и онъ замѣчаетъ: «я, поосерчась, ее за волосы, согрѣшилъ, потаскалъ—и гораздо», то раздражается по пустякамъ: «взорвало еще меня и съ пакостнаго дѣла, такъ что у себя палецъ правой руки зашибъ до синевы и терзаюсь отъ совѣсти и боли», то замѣчаетъ: «я не того желаю, чтобы блага мои изобиловали, а того только, чтобы я безпокойство свое на мѣрѣ уставилъ». Въ запискахъ разсѣяна повсюду масса бытового матеріала. При покупкахъ почти всегда сообщается цѣна купленнаго: «купилъ возъ дровъ—65 коп., выписалъ «Другъ Юношества»—12 рублей въ годъ, имѣлъ переговоръ о продажѣ пяти человѣкъ (князю Шаховскому), полагая цѣну каждому по 2300 руб., дочь продала дѣвку свою Аксинью за 250 руб.» Встрѣчаются свѣдѣнія о погодѣ, которая вліяла на расположеніе духа нашего мемуариста. «Скука, —сижу одинъ и погрущиваюсь съ ненасливой погодой и пасмурюсь»... «Въ нынѣшнюю ночь бурный вѣтръ сильнымъ дыханіемъ своего борея набушевалъ и дождя и снѣгу»... «Вѣтръ сильно отъ озера дуетъ (апрѣля 22). На термометрѣ стужи три градуса, а воздухъ зѣло холоденъ»... «Во весь день порошилъ снѣгъ и хотя мокрило, но къ вечеру сохло, а въ день пуржило ненастье. Морозу при вѣтрѣ и выясненіи 4-ре градуса, а въ воздухѣ знобу много». Плюшкинъ «записокъ», онъ какъ неутомимый гоголевскій «рыболовъ», подбираетъ всякій фактъ, всякое явленіе, занося его въ свои «тетради». Слухъ о чудесномъ исцѣленіи у гроба пр. Ефросиніи Суздальской, предсказаніе пожара чередуются, непосредственно, съ ограбленіемъ лавокъ и подаркомъ кисеи—6 аршинъ. Его все интересуетъ: и мальчикъ, наткнувшійся на «остро—горло—обитую» бутылку, приготовленіе къ посѣщенію камеръ-юнкера Сергѣя Степановича Ланского[1]) (у него были видныя знакомства: князь Д. П. Горчаковъ, графъ М. И. Платовъ и др.), и смерть квартальнаго Саморядова, провожавшаго плѣнныхъ французовъ, и поступокъ племянника, который «погостинилъ его двумя яблоками потлѣвшими и однимъ мороженнымъ и согнившимъ лимономъ». Человѣкъ религіозный,—онъ отмѣчаетъ свое говѣнье въ церкви и выписываетъ книги религіознаго содержанія; его интересуютъ старобрядцы и иновѣрцы: вопросы о нетлѣніи подвижниковъ у раскольниковъ (Іона іеромонахъ на Керженцѣ[2]) и о благодати,

[1]) Упоминается Лѣсковымъ въ его разсказѣ «Однодумъ».

[2]) Упоминается Мельниковымъ въ «Лѣсахъ» и «На горахъ».

«на жидахъ бывшей», и др. Зорко наблюдаетъ онъ за небольшимъ міркомъ Галичскаго духовенства. Его волнуетъ ссора и драка протопопа съ діакономъ, которая оказывается еще и вымышленной кумушками съ начала до конца, или онъ старается угадать, почему не было заутрени у какого-то о. Іоанна,—или же отмѣчаетъ: «у вечерни былъ; служба началась,—у попа во лбу хмѣлинка впилась: неблагопристойно кричалъ на діакона». Подробно разсказывается о томъ, какъ подарена ему чашка съ портретомъ графа Матвѣя Ивановича Платова (хорошаго знакомаго Зиновьева) «на движущемся веществѣ», т. е. на чашкѣ. Описывается торжество открытія духовнаго училища, «курсъ ученія котораго великъ, но недальновиденъ». При этомъ сообщается, что училище было украшено «гирляндами изъ напольныхъ цвѣтовъ и картина изъ того же вещества — вензелевое изображеніе имени Государя Императора—(сдѣлана) «отъ способа многоголовыхъ рукъ». Обстоятельно отмѣчается, поскольку на каждый день «порцируются оставленные персидскимъ посломъ слоны:» 1) «4 пуда бѣлыхъ хлѣбовъ, 2) коровьяго масла 20 фунтовъ, 3) меду 20 фунтовъ, 4) сѣна одинъ возъ,—а въ холодное время по пяти штофовъ вина». Описано появленіе необычайно тучной коровы, у которой «на ребрахъ сала невообразимо толсто и больше, нежели на свиньѣ туку». Приведено рѣдкостное извѣстіе о томъ, какъ у умершаго и похороненнаго на общественной счетъ «Фуфаева жены свекора», сданъ былъ въ рекруты сынъ «без-повинно и за то только, что ходилъ въ нѣмецкомъ платьѣ и брилъ бороду». И далѣе, съ эпическимъ спокойствіемъ древняго лѣтописца отмѣчено: «сегодни сняли дыньку, слава Богу, выспѣла и весьма во вкусѣ хороша». Конечно, какъ и во всѣхъ запискахъ подобнаго рода, въ «тетрадяхъ» встрѣчаемъ рядъ большихъ и малыхъ всевозможныхъ выписей: «Посадскимъ людямъ не запрещается имѣть въ домѣ, гдѣ самъ живетъ, лавку съ собственнымъ рукодѣліемъ или мелочью, а также имѣть трактиры, герберги, торговыя бани, харчевни, и постоялые дворы для проѣзжихъ и прохожихъ людей» (изъ книги «юридическое изслѣдованіе»). Или переписывается цѣликомъ какое—нибудь свидѣтельство «о характерѣ и поведеніи коллежскаго регистратора Ивана Васильевича сына Гусева», въ которомъ нижеподписавшіеся стараются снять подозрѣніе въ ненормальности съ злополучнаго регистратора, говоря, что «въ немъ, яко въ молодомъ человѣкѣ, при развязномъ на все благопристойное поступкѣ, хотя не часто, но примѣчаемо было на нѣсколько минутъ странное вмѣщеніе словъ и касательно мрачная задумчивость съ восчувствованіемъ однакожъ очень скоро своей забывчивости» и т. д. Среди Галичской будничной жизни у Зиновьева находились и время и охота слѣдить за міровой жизнью. «Паровой корабль двѣ англійскія мили проплылъ въ 16-ть минутъ». «Въ Манильѣ огнедышащая гора разрушила пять городовъ и до 1900 человѣкъ погибло народу». «Съ Нижняго Рейна пишутъ: 11-го января отъ молніи многія колокольни сгорѣли въ разныхъ городахъ,—и почти всѣ

въ одинъ часъ». «Бременъ: февраля 22-го видима была комета». «Комета, видѣнная въ Бременѣ 22-го февраля, примѣчена обсерваторіею и въ Петербургѣ. Она походитъ на туманное пятно, имѣющее нарочито яркій желтый цвѣтъ, который въ серединѣ становится свѣтлѣе. При ней примѣтенъ весьма слабый свѣтъ хвоста»...

Ничто, однако, столь не захватывало галичскаго оригинала, какъ Наполеонъ, который прямо магически приковывалъ къ себѣ его полные ужаса взоры своими «злодѣйствіями». И для историка чрезвычайно любопытна эта фигура человѣка, съ трепетнымъ вниманіемъ и волненіемъ слѣдящаго изъ далекаго Галича за Наполеономъ.

«Злодѣй, если возникнетъ, Боже оборони,—много поколеблетъ. И я, ничтожное суть твореніе, забочусь, душа въ страхѣ: онъ сказалъ: «Надобно обмыть грѣхи человѣческія кровавой баней».

Каждый фактъ, каждая даже мелочь становятся важными въ его глазахъ, если только они, такъ или иначе, связаны съ именемъ Наполеона. Съ особымъ стараніемъ схватываетъ онъ эти свѣдѣнія изъ разнаго рода источниковъ и спѣшитъ ихъ занести въ свои Записки. Разумѣется тутъ ужъ нечего искать критическаго отношенія съ его стороны. «Когда Бонапартъ пріѣхалъ къ Парижу (послѣ бѣгства съ острова Эльбы), то подлѣ самой заставы у него изломалась карета,—извѣстно же, что онъ чрезвычайно суевѣренъ: невозможно описать его бѣшенства». «Бонапартъ заложилъ во имя св. Наполеона церковь». «Въ Парижъ привезенъ 5-ти лѣтній единорогъ; онъ, хотя и сбросилъ уже рогъ, бывшій у него на носу, однако же еще здоровъ и бодръ, вѣситъ не менѣе 4800 фунтовъ; думаютъ, что Бонапартъ купитъ его». «Разсказываютъ, что Буонапартъ (на островѣ Эльбѣ) разжирѣлъ необычайно и что толщина его увеличивается со дня на день. Нерѣдко на него находятъ часы отмѣнной веселости, такъ что онъ начинаетъ громко пѣть, беретъ свою мать за руку, называетъ ее любезной, прелестной, доброй матушкой, танцуетъ вокругъ нея, напѣвая какія--нибудь мелодіи». «№ 29-й «Русскій Инвалидъ». По послѣднимъ партикулярнымъ извѣстіямъ Ней притворялся токмо приверженцемъ Наполеона и съ помощью семерыхъ соучастниковъ умертвилъ его». Приводится разсказъ о томъ, какъ папа перехитрилъ Наполеона, который послѣ коронаціи хотѣлъ, очевидно, оставить его во Франціи. Но папа предусмотрительно составилъ завѣщаніе, по которому соборъ кардиналовъ долженъ былъ лишить его сана въ случаѣ притѣсненій со стороны Франціи. Поэтому папа, «хотя и короновалъ Наполеона, но не какъ папа, а какъ простой монахъ, —слѣдовательно, и церемонія ничтожная и Буонапартъ въ стыдѣ отъ всѣхъ дворовъ Европейскихъ».

«Записи» о Наполеонѣ начинаются съ острова Эльбы и заканчиваются островомъ св. Елены. Спокойный тонъ «записей», пока идетъ разсказъ о пребываніи Бонапарта на Эльбѣ, вдругъ измѣняется, когда прихо-

дитъ извѣстіе о бѣгствѣ его съ острова. «Чудно!! Господинъ Посниковъ сказывалъ: «Наполеонъ съ Эльбы бѣжалъ». Это извѣстіе получилъ губернаторъ съ курьеромъ?!»...

Охваченный ужасомъ, шагъ за шагомъ слѣдитъ онъ за бѣжавшимъ «злодѣемъ», трепеща его «злодѣяній» и поражаясь его коварствомъ, плача и умиляясь при извѣстіи о кровопролитныхъ битвахъ. Зато съ какимъ живѣйшимъ чувствомъ радости встрѣчается вѣсть о побѣдѣ надъ ненавистнымъ врагомъ его обывательскаго благополучія!—«Слава Богу! Сегодняшняго утра часу въ 6-мъ дождались мы почты. Герои Блюхеръ и Веллингтонъ его всю армію разсыпали въ прахъ. Артиллеріи у него осталось только 24-ре пушки, а 300 добыли»... Въ порывѣ обывательской благодарности «спасители» превращаются въ «героевъ», а въ особенности Блюхеръ, который именуется «благословеннымъ воиномъ». Такъ же радостно звучитъ и запись о молебствованіи по случаю побѣды надъ «супостатомъ»: «молебствіе было съ колѣно-преклоненіемъ и умиленными за канономъ припѣвами: «Многомилостиве Господи! Сокруши враги подъ ноги наша!».

Извѣстія о Наполеонѣ обрываются вѣстью объ отправленіи его на островъ Св. Елены и свѣдѣніями объ этомъ островѣ.

Этимъ исчерпываются «записи» Зиновьева, въ «мятежной» и бѣдной радостями жизни котораго, онѣ составляли единственное утѣшеніе.

«Вылилъ гнѣвъ изъ души моей чрезъ посредство чернилъ на бѣлую хартію,—и кажется, легче!»

Б. Дунаевъ,

Д. членъ И. М. Арх. О-ва.

Записки жителя города Галича Зиновьева.

Генваря 10-го. Въ пятомъ часу я всталъ за утренній благовѣстъ, пошелъ въ шестомъ часу, изъ церкви возвратился въ 8-мъ часу. Погода постуденилась: на термометрѣ 17 градусовъ. Тихо и ясно на горизонтѣ. Въ пятницу я возвратился изъ Алексина. Не знаю что-то,-мнѣ показалось кручинненько въ отвѣтѣ дочери Анны; я, поосерчась, ее за волосы, согрѣшилъ, потаскалъ—и гораздо. Левашеву Ивану Михайловичу поручилъ я (онъ ѣдетъ въ Москву) заплатить Г-ну Побѣдоносцеву 2 руб., потому, что я просилъ его выслать на меня «Другъ Юношества», который стоитъ 12 р.

Почта: указъ Сенатской о лѣсныхъ дѣлахъ. Въ Вѣнѣ скворецъ, выученный говорить: «виватъ Александръ!» подаренъ нашему Государю. Государь пожаловалъ пенсію мѣщанину его выучившему 300 флориновъ въ годъ. Папа получилъ отъ миссіонеровъ изъ Китая благопріятное извѣстіе, что много народа обращалось въ христіанскую вѣру: число простирается до 6000 человѣкъ. Австрійскіе отряды получили приказаніе двинуться въ Буковину. Алжирскій Бей объявилъ войну Бонапарту. Испанскій Король опять началъ требовать отъ Папы Князя мира,—въ случаѣ невыдачи, не будетъ отпускать родителямъ пенсіона. Англія: паровой корабль двѣ Англійскія мили проплылъ въ 16 минутъ.

Вчерась отдалъ серебрянику 42 руб. на здѣланіе въ церковь дароносицы, а велѣлъ здѣлать изъ 50-ти золотниковъ. Купилъ возъ дровъ, заплатилъ 65 копѣекъ. Господинъ Юдинъ прислалъ ко мнѣ 50 руб., я послалъ ихъ къ Ширяеву выписать на имя Юдина «Амфіона и Демокрита» и просилъ прислать «Сен.-Клудскій журналъ». Алексѣй Кирилловичъ съ женой разсказывали мнѣ,-за неложное пріемлю во уваженіе. Щербачевъ, Кинешемской помѣщикъ, мнѣ по отцу знаемый, имѣлъ жену болѣзненную, недугами одержимую, надо думать, истеричную; въ сильныхъ припадкахъ конвульсій ее корчило невообразимо. Онъ самъ молодъ, вольномыслящъ. По нѣкоему внушенію повезъ онъ больную жену свою въ Суздаль помолиться къ преподобной Ефросиніи. Ее внесли въ церковь; молились соборне, молебствовали; начало ее корчить, мучить (и къ чудесности приложить должно) отъ гроба препод. Ефросиніи ее каткомъ покатило вонъ изъ церкви, и у паперти, гдѣ положено тѣло недавно умершей блаженной, къ тому самому гробу ее докатило, и успокоилась: на томъ мѣстѣ сдѣлалась здоровой. Другое чудо заслуживаетъ вниманія: въ Кинешмѣ на горѣ жилъ, богомолъ Михайло Макарьевъ и имѣлъ даръ прозорливости; онъ г. Ратькову предрекалъ о пожарѣ,—тотъ не вѣрилъ, какъ всѣ мы грѣшники по легкомыслію. Однажды, войдя къ Г. Ратькову, богомолъ взялъ кошку на руки и приговаривалъ: «котикъ ты, котикъ, что съ тобой въ середу будетъ?». Ратьковъ уѣхалъ въ деревню, а домъ и кошка въ середу сгорѣли. Купилъ муки ржаной 18 пудовъ 8 ф. на 23 руб. 60 копѣекъ. Бывши у стряпчаго, видѣлъ привезенныя изъ Москвы двѣ клѣтки (заплачены 15 р.), просилъ, чтобы такихъ же клѣтокъ парочку для меня привезъ.

Въ жизни моей подобнаго роду не бывало. Въ половинѣ 7-го часа вечера съ улицы какой-то озорникъ бросилъ въ избное окошко камнемъ. На вторникъ у Кузьмы Жадовскаго пограбили двѣ лавки; унесли рублей на триста. Чудно: обѣ на проѣзжей, большой дорогѣ. Воры оставили ломъ. Вчера получилъ отъ Ульяна Ивановича письмо и гостинца — 6 аршинъ кисеи.

Почта сегодня пришла въ 8 час. по утру. Прописаны двѣ статьи, заключенныя Австріей съ Неаполитанскимъ королемъ о взаимномъ вспомо-

женіи. Вѣна: о разводѣ Маріи Луизы съ Бонапартомъ подтверждается. Причина та, что онъ тогда отъ Папы подложное представилъ согласіе.

Мое горе: толковъ у народа прибыло касательно брошеннаго камня,—всякъ судитъ по своему. Бургомистръ Яковъ Ивановичъ Козловъ на должность приведенъ былъ къ присягѣ, а съ нимъ вмѣстѣ и мѣщанскіе старосты, и у него былъ обѣдъ. Настасья была матерью крестной, (на ризки 2 арш. холстины тонкой и попу 25 к.). Жалости достойно: послѣ Колотова мальчикъ по 3-му году, игравши дома, наткнулся на бутылку остро-горло-обитую брюхомъ и прокололъ. Приносили къ аптекарю,—не принялся. Я ходилъ къ лѣкарю: дома нѣтъ; слышалъ, что какой-то кровопускатель взялся зашить. Дай Богъ, чтобы черево зашилъ, а то смерть неизбѣжна. Сегодня я термометръ перенесъ въ свѣтелку, потому что у галлереи опасаюсь,—не украли бы.

Парижскія вѣдомости, за исключеніемъ «Монитёра», содержатъ въ себѣ слѣдующее: многіе люди, на сихъ дняхъ прибывшіе съ острова Эльбы, разсказываютъ, что Буонапартъ разжирѣлъ необычайно и что толщина его увеличивается со дня на день. При немъ находится мадамъ Летиція—мать его и Принцесса Боргезе—его сестрица. Видъ его болѣе веселъ, нежели печаленъ; нерѣдко даже на него находятъ часcы отмѣнной веселости, такъ что онъ начинаетъ громко пѣть, беретъ свою мать за руку, называетъ ее любезной, прелестной, доброй матушкой, танцуетъ вокругъ ее, напѣвая какія-нибудь мелодіи и давая разумѣть, что онъ самъ ихъ сочиняетъ. Буонапартъ много пишетъ. Обыкновенное его общество состоитъ изъ мера города Порто-Ферраріо, котораго онъ возвелъ въ достоинство своего камергера, и еще изъ двухъ или трехъ особъ. Онъ часто ѣздитъ на охоту вмѣстѣ съ Бертраномъ, пожалованнымъ въ министры внутреннихъ дѣлъ. При немъ находится до осьми сотъ войска, которое уменьшается ежедневно; онъ держитъ неболѣ 80 лошадей. Минувшей осенью какіе-то походные комедіанты съ дозволенія правительства показывали свои штуки, и двукратное представленіе ихъ удостоено присутствія Наполеона, который приходилъ въ мундирѣ и орденскихъ знакахъ. Слухъ, что онъ чеканилъ свою монету, оказался не справедливымъ.

«Сѣверную почту» прислалъ откупщикъ. Многіе путешественники, а особливо англичане, посѣщаютъ островъ Эльбу, и Буонапартъ разговариваетъ съ спокойнымъ духомъ и о конгрессѣ, какъ бы онъ совсѣмъ не занимался устроеніемъ дѣлъ Европы. Онъ говоритъ, что онъ мертвой человѣкъ; искренно ли это, путешественники не ручаются.

Южнаго океана на островѣ «Отагейти» царь Помара и Готтентотовъ царь Матебей со многими жителями обратились въ христіанскую вѣру. У Петра Егоровича для ожидаемаго гостя (по слову князя Дмитрія Петровича Горчакова), камеръ-юнкера Ланскова, взялъ 1 бут. цымлянскаго, 2

бут. дрей-мадеры и 3 бут. вендеграву. Князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ принялъ меня очень хорошо и, какъ подлинно стараго друга, обнялъ и поцѣловалъ; разговаривали много; звалъ на завтрее обѣдать и далъ коммиссію принять Ланскова и помочь ему, въ чемъ нужно,—мы дружески распрощались. Сегодня былъ у обѣдни въ Соборѣ, слушалъ проповѣдь, говоренную ректоромъ семинаріи на день нынѣшняго праздника, весьма прилично. Поперепужало насъ: сгорѣла солодовня. По случаю жалобъ, сегодня отъ Чолсминскихъ мужиковъ дошедшихъ, что къ жерлу припираетъ рыбы много и даже дохнетъ, а въ рѣку Чолсму не проходитъ (сумнѣваются, нѣтъ ли запоровъ), ѣздилъ я, и подлинно нашли жерло сѣтьми переперто, но, кто злодѣйствовалъ, неизвѣстно. Сегодня собрали приговоръ на отдачу въ зачетъ въ рекруты приписныхъ трехъ человѣкъ отъ Захара, отъ Безпалова и отъ Пестрякова. Отъ Ширяева изъ Москвы получилъ двѣ книги — 8 руб. и «Сен.-Клудскій журналъ».

Въ числѣ убитыхъ на сраженіи сказано: «Лейбъ-Гвардіи артиллерійской бригады подполковникъ Фигнеръ». Конгрессъ продолжится до весны. Папа выпросилъ у Испанскаго короля князю Мира прощеніе. Для Веллингтона изготовленъ въ Лиссабонѣ отъ Португальскаго регента великолѣпный сервизъ, стоющій 600,000 руб. на ассигнаціи.

Я незнатенъ. Былъ у меня князь Шаховской, имѣлъ переговоръ о продажѣ пяти человѣкъ, полагая цѣну каждому по 2,300 руб.

«Демокритъ» № 1-й. Мѣсяцъ Генварь. Сатира. Забылъ записать: дочь продала дѣвку свою Аксинью за 250 рублевъ Парасковье Лялиной. Тоскливо: не знаю и самъ, а я что-то покручинился, и дума думу у меня перебиваетъ; житейское попеченіе удручаетъ меня. Я, жалкой человѣкъ, препобѣжденъ вовсюдности моими грѣхами, въ груди дыханіе отъ мыслей стѣсняется, а сердце, тяготясь скопляющимся бременемъ, сильнымъ и горестнымъ раздраженіемъ, отъ тоски безпрестанно колыхается. Друга не имѣю, кому бы я могъ повѣдать печальный жребій свой, на душѣ моей лежащій, и чрезъ то облегчилъ бы участь, мучащуюся въ сердцѣ моемъ. Касательно моихъ домашнихъ: хотя я не дорожу ласкою, но желаю въ добротѣ сердца, что бы мною не пренебрегали и не гнушались; но Федора моя, какъ и быть Федора; была Федора и, видно по всему, точно будетъ подлинная Федора; она терзаетъ меня замысломъ, употребленіемъ хмѣльного. Мнѣ горько, чванство пустозвонное несносно. Слава Богу! Вылилъ гнѣвъ изъ души моей чрезъ посредство чернилъ на бѣлую хартію,—и кажется легче. Канареекъ перенесъ въ лѣтнюю горницу. Прошу купить самоваръ, не тяжеловѣсной, способный къ скорому нагрѣванію воды. Въ 12 час. ночи пожаловалъ ко мнѣ и ожидаемой гость, княземъ Горчаковымъ ко мнѣ назначенный, Господинъ Камеръ-Юнкеръ Сергѣй Степановичъ Ланской, человѣкъ тихой, скромной и очень вѣжливой, пробылъ не болѣ $2^1/_2$ часовъ и уѣхалъ въ Вологду.

Почта пришла въ полдень. Вѣна. Утверждаютъ, что Монархи въ кон-

цѣ сего мѣсяца изъ Вѣны выѣдутъ. Въ Манильѣ огнедышащая гора разрушила 5 городовъ и до 1900 человѣкъ погибло народу.

Погода съ тепла перемѣнилась: третій день, какъ морозъ существуетъ 21—24 градуса. Я забывчивъ: раздаю книги и по не обращенію брателями теряю: принуждаюсь вести записку. Сегодня у меня взялъ учитель ректоръ три книги Іосифа Флавія. Ахъ! когда разсматриваю прошедшіе годы моей жизни, вижу, сколько время употреблено на служеніе міру. И какую-жъ получилъ за то награду? Одно воспоминаніе, изторгающее изъ груди моей вздохи раскаянія.

На сихъ дняхъ разнеслись въ публикѣ слухи о возобновленіи войны, и начали уже говорить о движеніи войскъ, но Императоръ Александръ весьма рѣшительно объявилъ свои мнѣнія.

Казанскій Архіепископъ Павелъ скончался 14-го генваря. Старъ, 75 лѣтъ. Помяни его Господи въ царствіи небесномъ! Добрый пастырь, христіанинъ и Министръ по сану, въ кругу знакомства компаніонъ откровенный и честный. Слышалъ я отъ сосѣда своего Германа, что находившійся здѣсь въ квартальныхъ изъ ветлужскихъ приказныхъ Федоръ Дмитріевичъ Саморядовъ ночью скончался; онъ провожалъ партію Французовъ, и, возвращаясь сюда, въ Костромѣ его неосторожно ѣхавшими на лошадяхъ помяли; отъ того, конечно, отъ испугу, здѣлался у него припадокъ, и пріѣхавъ дни три хворалъ, пожелалъ было исповѣди, но будто бы Варварскій попъ былъ не исправенъ, а чрезъ то безъ напутсвованія христіанскаго умеръ. Жаль этого; говорятъ и о бѣдности: похоронить нечѣмъ. Не забыть записать: племянникъ, пріѣхавшій погостить изъ Москвы, погостинилъ меня двумя яблоками потлѣвшими и однимъ мороженнымъ и согнившимъ лимономъ.

Почта принесена въ 3 час. Король Іоаннъ въ 1813 году, отъ Наполеона получивъ привѣтливое письмо, приглашалъ его въ Дрезденъ. Съ нижняго Рейна пишутъ: 11-го генваря отъ молніи многія колокольни въ разныхъ городахъ горѣли, и почти всѣ въ одинъ часъ. Удивительное явленіе: Бонапартъ хвалитъ генерала Блюхера.

Ровно въ 7 часовъ утра дописалъ поэму «Освобожденная Европа», и зѣло утрудился; я принялся писать въ 10 час. по утру же,—охота заманила меня: люблю душевно поэтическія пѣсни. Нечаянно увидѣлся со стариннымъ знакомымъ,—9 лѣтъ не видались! Взысканъ я много Ульяной Михайловной. Прислала мнѣ горькому кадочку меду доброва (видно съ пудъ) и еще принесла ко мнѣ красной рыбы 6 фунтовъ. Богъ сподобилъ меня помолиться всенощнымъ бдѣніемъ. Слава Богу! Мнѣ минуло ровно 62 года: такъ я, по крайней мѣрѣ, сего дня праздную своему ангелу имянинъ моихъ; доволенъ Божіимъ милосердіемъ и благосклонностью родныхъ; многіе взыскали меня своимъ посѣщеніемъ. Меня зѣло огорчила Настасья: я никогда ее такъ не бранивалъ. Поручилъ я ей каждое утро смотрѣть изъ свѣтелки

термометръ и сказывать мнѣ о градусахъ. Она, конечно, приняла эту коммиссію безъ уваженія и, не заботя себя исполненіемъ, худо наблюдала. Я десять разъ ей давалъ напоминанія, внушая, что мнѣ сіе надобно и угодно будетъ, но все безполезно. Сегодня я изъ церкви отъ заутрени пришелъ въ 9-мъ часу и спрося узналъ то же, счелъ глупость ея въ нерадѣніе, разскручинился и досадуя на нея за грубость ежедневно во всѣхъ положеніяхъ, сильно покричалъ.

Наполеонъ не принялъ пословъ переговаривать о переселеніи въ Шотландію. Марія Луиза подала ноту конгрессу: требуетъ правъ себѣ и сыну. У Папы съ Неаполемъ раздоръ. Бывшій Шведскій ѣдетъ въ Іерусалимъ, набираетъ товарищей.

Готовлюсь къ покаянію, но смущаетъ меня духъ до слезъ и горести. Благодареніе Богу! и я многогрѣшный сподобился пріобщиться святыхъ таинъ. Господи Благослови меня грѣшнаго благодатію своею на освященіе души, на очищеніе тѣла и на удаленіе отъ лютыхъ грѣховъ моихъ. Нѣкоторая особа, желая способствовать бѣднымъ людямъ въ чтеніи книгъ христіанской нравственности, занимается переводомъ оныхъ и отдаетъ по самой низкой цѣнѣ. Нынѣ поступили въ продажу слѣдующія: 1) «Возрастающая власть грѣха». 2) «Къ страждущимъ». 3) Къ читателямъ слова Божія». 4) «Бодрствующій христіанинъ». 5) «Три разговора священника съ прихожанами». 6) «Увѣщательный гласъ». 7) «О лжеуповаміи». 8) «Конецъ времени». 9) «Къ читателямъ Библіи». 10) «Грѣхъ не бездѣлица». 11) «Историческія доказательства Божественности Іисуса Христа». (Печатаны въ С.-Петербургѣ, въ типографіи Ѳ. Дрехслера въ 1813 году). 12) «О пользѣ Библейскихъ обществъ». Печатано въ Москвѣ въ типографіи Н. С-ы въ 1813 году. Цѣна каждому экземпляру по 10 копѣекъ мѣдью. Продаются порознь въ частномъ Народномъ училищѣ, въ приходѣ Троицы на Арбатѣ, у учителя Григорья Петровича Лебедева. Сверхъ вышеозначенныхъ еще вновь поступать будутъ по мѣрѣ, какъ выходятъ изъ перевода. Посадскимъ людямъ не запрещается имѣть въ домѣ, гдѣ самъ живетъ, лавку съ собственнымъ рукодѣліемъ или мелочью, а также имѣть трактиры, герберги, торговыя бани, харчевни, и постоялые дворы для проѣзжихъ и прохожихъ людей.

Реэстръ, изъ книги юридическое изслѣдованіе, какими въ селахъ и деревняхъ товарами крестьянамъ торговать. А именно: 1) Деревянную и глиняную крупную и мелкую всякаго званія посуду. 2) Сохи, серпы, косы, иглы швальныя и рогожныя, булавки, ножи, ножницы, топоры, замки, гвоздья, сковороды, укладъ клинчатой, наперстки и протчія крестьянскія желѣзныя потребности, принадлежащія къ домовымъ ихъ нуждамъ, къ строеніямъ, къ роспускамъ и санямъ. 3) Сукна сермяжныя, понитки, кушаки шерстяные и бумажные, холсты, крашенины пестряди, войлоки, овчины, веревки, нитки, пряжу и протчіе тому подобные деревенскаго рукодѣлія

товары. 4) Сдѣланное платье, а именно: овчинные шубы, сермяжные кафтаны, и кожаны балахоны, холстинныя рубахи, и порты, шапки съ русскими овчинами, рукавицы, упоки, коты, лапти, онучи, вариги, чулки русскіе, тако-жъ мошны и чересы кожаные. 5) Купленныя сыромятныя и подошвенныя кожи въ разрѣзъ. 6) Кресты, цѣпочки, серьги, перстни, пуговки мѣдныя и оловянныя и пронизки стеклянныя. 7) Пояса, снурки и косники шелковые и бумажные безъ золота и серебра, шелковыя-жъ хлопья, бумагу пряденую, бѣлую и цвѣтную, флоренты, мишуру и ветошное ношеное всякое лоскутье, кромѣ богатыхъ шелковыхъ и парчевыхъ съ золотомъ и серебромъ, тако-жъ выдѣланной мягкой рухляди. 8) Ладонъ, восковыя предъ образа, сальныя для домоваго употребленія свѣчи. 9) Писчую бумагу, сургучъ, сандалъ, квасцы, золу, мыло, деготь и смолу. 10) Конскія потребности: хомуты, сѣделки простыя деревенскаго дѣла съ ременными и посконными шлеями, ремни сыромятные, сани, пошевни, дровни, тѣлеги, роспуски, колеса, оси и прочія къ тому потребности, кромѣ наборной мѣдью конской збруи. 11) Рогожи, циновки, мочала и лыки.

У меня были двѣ канарейки на пробѣ двои сутки; давалъ за нихъ 20 руб., просили 25,—не далъ и унесли.

Отъ Папы вручена Австрійскому посланнику записка о защищеніи правъ. Голландцы въ Алжиръ послали съ подарками, а въ случаѣ готовятся и съ пушками. Въ Римѣ была 29 декабря гроза. Изъ Вѣны: дѣла на конгрессѣ закончены, Пруссія получила на правомъ берегу Эльбы часть Саксоніи. Дрезденъ и Лейпцигъ соединятся королевствомъ для стараго короля и его потомства. Австрія получила Тарнопольскій округъ и всѣ величьскія варницы. Прочія польскія области числомъ до 2-хъ милліоновъ жителей присоединяются къ Россіи. О королѣ Іоакимѣ сказано, что на конгрессѣ его королевство не утвердили.

Оставленные въ Новочеркасскѣ Персидскимъ посломъ Слоны на каждый день порцируются:

1) 4 пуда бѣлыхъ хлѣбовъ.

2) коровьяго масла 20 фунтовъ.

3) меду 20 фунтовъ; сѣна одинъ возъ, — а въ холодное время имъ даютъ по пяти штофофъ вина. Кострома. Описана церемонія встрѣчи и угощенія возвратившагося полка князя Вяземскаго. Описанъ разговоръ на Эльбѣ Бонапарта съ Англійскимъ путешественникомъ Дугласомъ.

Снохѣ Дарьѣ Петровнѣ—имянинницѣ послалъ съ Анной платокъ изрядненькой, думаю отъ 5 рублевъ. У насъ въ церкви она не была. Перебирая бумаги, нашолъ свидѣтельство о секретарѣ Гусевѣ, и вотъ оно: 1804 года іюля—дня мы нижеподписавшіеся свидѣтельствуемъ о характерѣ и поведеніи коллежскаго регистратора Ивана Васильева сына Гусева, который находится нынѣ при Галичскомъ городовомъ магистратѣ секретаремъ,—что онъ по званію своему заслуживаетъ благородную уважительность, не во-

влекая себя въ подлость, уничтожающую достоинство; въ сословіи общежительномъ весьма добропорядоченъ и благонравенъ; дѣла, ему поручаемыя, успѣшно исправляетъ; въ собраніяхъ между подобною собратіею бываетъ ко удовольствію участвующихъ; затѣйливъ, но ни за что не раздражителенъ; и, какъ нерѣдкое наше съ нимъ обращеніе, иногда удивляло насъ до чрезвычайности, что въ немъ, яко въ молодомъ человѣкѣ, при развязномъ на все благопристойное поступкѣ, хотя не часто, но примѣчаемо было на нѣсколько минутъ странное вмѣщеніе словъ и касательно мрачная задумчивость съ восчувствованіемъ однако-жъ очень скоро своей забывчивости. Коллежскій ассесоръ Егоръ Готовцовъ. Порутчикъ Николай Верховской. Город. секрет. Петръ Ширяевъ. Секретарь Степанъ Налетовъ. Галичьскіе купцы. (Слѣдуютъ подписи 10 человѣкъ). Сегодня со мною на рыбную ловлю ѣздилъ шиканщикъ и завелъ разговоръ о дѣлахъ, какія выходили на первой недѣлѣ во вторникъ на сонмищѣ іудейскомъ [1]) и которыя въ пятницу на той же недѣлѣ въ домѣ моемъ по ихъ желанію рѣшены были миролюбіемъ съ крестами, лобзаніемъ и поклонами. Дроворубу заплатилъ 2 руб. Никогда не надо покупать пластиннику, — выгоды нѣтъ; на 15 купилъ, да за работу два,—а вышло только четыре сажени. Видѣлъ я пріѣхавшаго на отчизну и въ отставку офицера шт.-кап. Синибатова, служившаго 18 лѣтъ и на 61-мъ сраженіи бывшаго, а сегодня онъ у меня былъ; мы наговорились,—есть, что послушать. Жалость трогаетъ сострадательное сердце,—Сараева увидѣлъ, милостину подъ окнами испрашивающаго, у котораго былъ одинъ сынъ и того въ солдаты отдали,—рублемъ ему послужился. Такъ, вздумалось записать изъ газетъ, что въ Англіи каждонедѣльно издается вѣдомостей 576. За сіи газеты собирается денегъ въ годъ 800,000 фунтовъ стерлинговъ, а на наши деньги количество ихъ будетъ 16 милліоновъ рублей. Грустьненько мнѣ въ моей посѣделости отъ бывающихъ у меня частыхъ недостатковъ: кредитъ въ подозрѣніи, благотворителя нѣтъ, богачи пренебрегаютъ. Одна нужда ума ихъ прибиваетъ, а если бы не то, забыли бы, какъ меня именемъ зовутъ,—словомъ все меня оставляетъ. Единъ Богъ меня подкрѣпляетъ. Измогаюсь доколѣ кой какими средствами, а нужды много вижу теперь, да много и будетъ,—твори Богъ волю свою. Такъ и быть, я стану, хотя крягтѣть, но терпѣть. Благо мнѣ, яко смирилъ меня Богъ. Сегодня послалъ письмо къ графу. Сказывали вчерась: Иванъ Леонтьичъ померъ. Онъ и вся семья придерживались секты перекрещеванской; попивать началъ, думаю лѣтъ пять, и наконецъ съ пристрастіемъ употреблялъ безъ умолкно. Будто бы отъ попа рождественскаго пожелалъ исповѣдаться, пріобщиться, якобы и елеемъ особоровался; есть-ли это правда,—благо есть. Такъ Богъ его отъ заблужденія обратилъ на истинный путь. Мудрено и кажется сумнительно: изъ загрубѣлой и зако-

---

[1]) Въ Магистратѣ.

ренѣлой упрямки сектанской перейти въ исповѣданіе церковное; не слабость ли его хмѣльная обезоружила чувства и не пары ли спиртные сперлись въ его мозгу и залились кровью,--такъ не нуждали заставила изувѣровъ допустить огласку. Ну, Богъ вѣсть,—да еще тѣ люди, которые зрѣли очами ума и чувства на его кончину. Старъ—за 60 лѣтъ, богатъ—за 50 тысячъ. Суетенъ былъ и по торговлѣ своекорыстенъ, бывалъ хвастливъ и доводилъ себя поступкомъ до подлости; дѣтей двоихъ хвалятъ. Дай Богъ, по искреннему его желанію пріобщиться къ церкви, отпущеніе ему получить грѣховъ и наслѣдовать царствіе небесное!

Чудно!! Господинъ Посниковъ сказывалъ: Наполеонъ съ Эльбы бѣжалъ. Это извѣстіе получилъ Губернаторъ съ курьеромъ. И съ собою Наполеонъ взялъ 1200 удальцовъ; Король французскій декламировалъ его маршъ на Болонь; конгрессъ будто-бы поколебался и заключилъ союзъ: естьли онъ покусится на Францію, защищать ее общими силами.

Еще того хуже! Въ Госуд. Совѣтѣ здѣлано постановленіе объ отобраніи крестьянъ, но голосомъ Трощинскаго, Мордвинова и другихъ пріостановлено. Это извѣстіе въ Кострому привезено графомъ Дмит. Бор. Толстымъ. Сосѣдъ Германъ привезъ мнѣ журналъ или «Духъ журналовъ»,— для меня онъ прекрасенъ. Я пригрущивался: одно у меня осталось въ виду дитя, и то меня презрѣло и забыло,—во весь постъ у меня не была. Но сегодня пожаловала и съ посидѣлостью; хотя подлинно не ко мнѣ, а къ дому моему, но я и тому радъ.

Почта пришла сегодня 1-го апрѣля. Изъ газеты «Сѣверная почта»: Бонапарте отплылъ изъ Порто Ферраріо 14 февраля, въ 9 час. вечера, на бригѣ и 4 судахъ; съ нимъ 1100 человѣкъ. Присталъ 17-го въ Жуанскомъ заливѣ. Первыя вѣсти дошли въ Парижъ 21 февраля. Письмо изъ Динь 20 февраля. Бонапартъ съ малою шайкою прибылъ въ Баремъ въ 4-хъ миляхъ отъ Динь и вынудилъ реквизиціи 3000 раціоновъ. Муниципальное сословіе города Парижа въ чрезвычайномъ собраніи единодушно положило поднесть королю адресъ. Отъ короля изданъ манифестъ и прокламація,—и декларація отъ конгресса за подписаніемъ осьми державъ: Австріи, Гишпаніи, Франціи, Великобританіи, Португаліи, Пруссіи, Россіи и Швеціи,—объ общемъ защищеніи. Бременъ: февраля 22 видима была комета. Неаполитанскаго Якима многіе на королевство признали, но Франція упорствуетъ. И однако же, останется при сборахъ,—да и утвержденіе ево отложено до другаго времени. Парма и Піаченца дѣйствительно отданы Императрицѣ Маріи Луизѣ. Государыня Императрица выѣхала изъ Вѣны 15 февраля въ Мюнхенъ. Въ Англіи чернь бунтована.

Сегодни Ефимъ Коряковъ открылъ отдушины ульевъ: слава Богу пчелы живы. У насъ слово было въ разговорѣ съ Косаткинымъ о благодати, на жидахъ бывшей, и онъ мнѣ сказалъ. Я по его слову взялъ книгу «Благовѣстникъ» и нашелъ отъ Іоанна въ зачалѣ 40-мъ на листу 154 значится,

толкованіе о благодати на мздѣ поставляемыхъ архіереяхъ: «Со инѣми убо всѣми и архіерейства санъ у іудей истлися. Отнележе бо по мздѣ быша власти; къ тому не вся лѣта живота но всяко лѣто архіерствоваше кійждо; но убо и тако растлену святительства чину, обаче и еже прихождаше Духъ Святый, въ Помазанныхъ дѣйствуя. А понеже руки взяша на Христа, тогда до конца благодать остави я и прейде на апостоловъ».

Вѣсти: Катенинъ сегодня пріѣхалъ изъ Костромы: Наполеону Ліонъ покорился; маршаловъ къ нему уже нѣсколько пристало; правда, сей слухъ непріятенъ. Злодѣй, если возникнетъ, Боже оборони, много поколеблетъ,— и я, ничтожное суть твореніе, забочусь, душа въ страхѣ: онъ сказалъ: «надобно обмыть грѣхи человѣческія кровавой баней».

Сегодня поразстроило меня огорченіе; началось съ Настасьи: я ей приказалъ, чтобы она, когда не бываетъ варенія ухи, такъ вандышъ [1]) перебирала бы сама и нутро вычищала, потому что горькостію пахнетъ, а Маремьяна пылаетъ зломъ: этова не дѣлаетъ; разъ другой выполняла, а вчерась, видно, не порадѣла и сварила горькую похлебку. Побранилъ ее, чтобы она никогда моихъ приказовъ не забывала, а къ стати уже и Федору пожучилъ за скверное ея ко мнѣ расположеніе и мерзскую самоотвратительную грубость, причитая ее всякаго зла въ домѣ виновницей и моего покоя рушительницей; помянулъ и о чаѣ, котораго без-мала фунтъ пропалъ и о которомъ она гримазно отозвалась, какъ бы и не знаетъ, и по своему подлодушію безпечно отрицаетъ. И взорвало меня еще изъ пакостнаго дѣла, такъ что у себя палецъ правой руки зашибъ до синевы и терзаюсь отъ совѣсти и боли: причина въ грубой пренебрегательности. Георгій, попъ Кокорюкинской, какъ бы-то ни было, принесъ ко мнѣ скопированный планъ на рѣку Чолсму; я благодаренъ, заплатилъ ему 2 рубля. Фуфаевы жены умеръ свекоръ,—на похороны десять рублей; это на счетъ общественной, потому что у него отданъ въ рекруты сынъ без-повинно, —и за то только, что ходилъ въ нѣмецкомъ платьѣ и брилъ бороду. Не знаю, что случилось отцу Іоанну: у него сегодни и Литургіи не было,—а во время заутрени примѣтно дьяконъ готовился къ оной, читалъ правило. И потому мы были у Георгія за обѣдней. Сказывали: шарлатанку дѣвку опять взяли полиціей; она, внѣдрившись въ простодушныхъ гражданокъ, здѣсь опять начала обольщать соблазнами и выдавать за святость мощи. Во весь день порошилъ снѣгъ и хотя мокрило, но къ вечеру сохло, а въ день пуржило ненастье. Морозу при вѣтрѣ и выясненіи 4 градуса, а въ воздухѣ знобу много.

Вотъ жалость,—почта пришла только сегодня и весьма не радостна: Бонапартъ силенъ въ предпріятіяхъ: Ліонъ и Гренобль у него въ рукахъ, это по 25 марта; а отъ 30-го сказано: онъ вступилъ вы Парижъ. Попъ

---

[1]) Снятокъ.

мой духовный взялъ у меня 2 книги «Духъ Платона». Надобно помнить,— взять у него обратно. Апрѣля 11. Въ сіе число вступилъ я на крестное пропятіе сочетаніемъ брака въ 1787 году. Тому уже, какъ изнурясь тягостію, минуло 28 лѣтъ; гибну и душею и тѣломъ, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ; ужасно тяжело жить съ человѣкомъ неподобно-нравнымъ, веліе претѣрпѣваю мученіе, Богъ свидѣтель, что я, обязавшись закономъ, прицѣпленъ былъ и искренною любовію. Но ничто на душу зло-глупо-хитрой и низко подлой женщины не подѣйствовало. Сегодня услышалъ, что случилось уже съ полторы недѣли, и я очень жалѣю протопопа и, однакожъ, поступокъ его не одобряю; сказываютъ: онъ зналъ характеръ этого человѣка,—онъ есть дьяконъ монастыря нашего. Протопопъ былъ на мостовой съ кѣмъ то пріостановившись, дьяконъ, насыпавшись до полутуга, шелъ мимо его и первой спросилъ: «гдѣ ты былъ?» Обидно и горько показалось одному, раздосадуясь ударилъ тростью другого, а сей, наоборотъ, рукою въ рожу и завелась драка; первой, видно, хоть сшибъ другого съ ногъ, но лежачій схватилъ за воротъ верхняго и держалъ на себѣ крѣпко, не выпуская изъ рукъ, и кричалъ караулъ; не знаю, чѣмъ сцена кончилась.

«Приточникъ» выдалъ на прочотъ, но кому не помню, — и очень еще недавно, кажется, не больше недѣли. Скучненько! Послѣ обѣда сижу одинъ и то тѣмъ, то другимъ все разсѣяннымъ занимаюсь. 5-й часъ бьетъ; слышу вечерній колоколъ звонъ издаетъ, хочу идти въ церковь—у бездѣлья помолюсь Богу, авось либо участь унынія моего поулучшится; я не того желаю, чтобы блага мои изобиловали, а того только, чтобы я безпокойство свое на мѣрѣ установилъ. Обѣдали у меня два гостя: Бруно и заслуженный офицеръ; у меня трапеза не богатая, но для голоднаго сытая. У вечерни былъ; служба началась, — у попа во лбу хмѣлинка впилась, неблагопристойно кричалъ на дьякона за то только, что дьяконъ желалъ благословенія на облаченіе, а попъ возбранялъ и бурно, и грубо, но дьяконъ не для службы стихарь надѣлъ и, подошедъ ко мнѣ, объявилъ причину негодованія за орарь, что ему я хотѣлъ къ празднику дѣлать; но случилось либо это или нѣтъ, еще не извѣстно, а попъ счелъ сіе предпочтеніемъ моимъ дьякона и за то пьяный прогнѣвался; я, слышавъ раздоръ его, поговорилъ ему скромно, и позатихъ, а между тѣмъ и дьякону служить позволилъ. Болталъ мнѣ (и самъ, кажется не зналъ): «у дьякона стихарь лучше моей ризы». Будто бы надъ нимъ смѣются. Я сказалъ: «стихарь заведенъ по согласію съ тобой и нисколько онъ не лучше; хотя ризы стары, да золоты, а стихарь блестящъ, но мишуристъ».

(Окончаніе слѣдуетъ).

Сообщ. **Б. Дунаевъ.**

Библіографія.

I.

Ѳ. Суринъ (Масальскій). „Смерть Героя Скобелева". „Что дороже золота, любви, жизни?". Историческая пьеса въ 5 д. со мног. картин., хоромъ пѣвцовъ, военною музыкою.—Для общедоступн. театровъ и спектаклей гала.— Пособіе для народныхъ университетовъ по русской исторіи и словесности. С.-Петербургъ (главный складъ), Казань (мѣсто печати), 1913 года. Цѣна 50 коп.

Авторъ счелъ необходимымъ дать поясненіе своему произведенію. Признавая правильнымъ взглядъ его на серьезный театръ, который долженъ быть школой, т. е. имѣть свою программу на данное время, никакъ нельзя согласиться съ нимъ въ возможности насилія, въ какой бы то ни было формѣ, надъ творческой мыслью автора; условности, въ видѣ доли, отводимой на сценѣ тому или другому чувству или дѣлу, нужны ремесленникамъ, но не художникамъ. Пропедевтика на сценѣ не должна «бить въ носъ» зрителю, иначе сцена явится скучнымъ, плохимъ, не достигающимъ цѣли учебнымъ классомъ, въ которомъ учителя—артисты-резонеры—являются не живыми людьми, а маньяками, манекенами. Такой театръ не привлечетъ зрителя; его утомитъ, усыпитъ и лишь временами, эффектной сценой, заставитъ проснуться, но и къ послѣдней, во избѣжаніи привычки и утомленія, слѣдуетъ прибѣгать осторожно.

Наглядным примѣромъ подобной отрицательной пьесы служитъ предлагаемая Ѳ. Суринымъ «Смерть героя Скобелева».

Это сценическое произведеніе обнимаетъ послѣдній пятилѣтній періодъ жизни и главной дѣятельности ген. Скобелева: 1878—1882 г.г. Въ своемъ поясненіи къ пьесѣ авторъ весьма характерно (?) освѣщаетъ историческіе факты: такъ, въ *1881* *) *г.* на митингѣ въ Парижѣ даются авторомъ отвѣты на *«новые взгляды»,* *) проникшіе на «дно» и въ «подпо-

*) Курсивъ мой.

лья», лишь послѣ битвы на Прѣснѣ и Черноморскихъ бунтовъ, т. е. послѣ событій *1905—1906* *) *г.г.* Представители англійской «арміи спасенья», напоминая, что въ проповѣдяхъ и *дѣлахъ**) этой арміи имѣется нравственная связь русскихъ и англійскихъ гуманистовъ, проводятъ на сценѣ одно изъ своихъ *дѣлъ*. . *) — «отравляютъ русскаго народнаго героя-Скобелева». Впрочемъ, и самъ авторъ это мѣсто признаетъ слабымъ въ своей пьесѣ, оговариваясь, что онъ не нашелъ другого способа соединить на сценѣ толки о причинѣ смерти Скобелева съ медицинскимъ о томъ же свидѣтельствомъ. Зачѣмъ же писать о томъ, что не укладывается въ воображеніи автора?

Скобелевъ—русскій *боевой* герой; такимъ же, при соотвѣтствующей обстановкѣ, онъ и долженъ явиться передъ глазами зрителя; но авторъ выводитъ своего героя два раза въ кабакѣ, ресторанѣ тожъ, только по народному,—гдѣ онъ неоднократно оцѣниваетъ вино, женщинъ и деньги и тутъ же принимаетъ смерть; разъ на какомъ-то неразберихѣ—митингѣ; разъ въ деревнѣ въ качествѣ какого-то «БЕБЕ»*) (и это то для народнаго театра !); и, наконецъ-то, въ одной лишь картинѣ (1-й), III-го дѣйствія, Скобелевъ появляется какъ бы въ родной, какъ для него, такъ и для русскаго воображенія о немъ обстановкѣ—подъ крѣпостью Деньгиль-тепе (Геокъ-тепе).

На этомъ дѣйствіи слѣдуетъ остановиться.

Ожидается штурмъ крѣпости. Генералъ, который, какъ извѣстно, всегда со своими войсками, часто впереди ихъ, здѣсь, по желанію автора, проводитъ большую часть времени за столиками въ ресторанѣ, гдѣ и принимаетъ доклады, не стѣсняясь прерывать ихъ, изъ за усталости, лишь только появится женщина (Минаева). Его сотрудники время проводятъ также своеобразно: ихъ надо для докладовъ вызывать изъ офицерскаго клуба (?)!

Характерна для полководца и послѣдняя ночь передъ штурмомъ: онъ «не можетъ и не хочетъ спать», почему проводитъ эту ночь въ ресторанѣ, гдѣ женщина ободряетъ его (Скобелева—то), а присутствующіе веселятъ пѣснями и виномъ. Наконецъ, смѣлость, чтобы не сказать больше, автора доходитъ до того, что время штурма, начало его, указывается Скобелеву однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ (стр. 48), главная роль котораго развлекать героя. Изъ всего же хода пьесы, крайне поучительной въ нравственномъ отношеніи (! ?), можно запомнить одну лишь черту Скобелева: «я жажду женщины, пѣсенъ, и вина». Женщина у Скобелева всюду: правда, онъ и ею, какъ и цѣнною вещью, жертвуетъ, въ числѣ другихъ земныхъ благъ, за изгнаніе азіатовъ изъ Европы (стр. 74); выше любви красавицы—ставитъ сознаніе долга, честность и интересы государства (стр. 78); онъ знаетъ, что женщины любятъ выдающихся мужчинъ (82 стр.) и т. д. и т. д... черезъ каждые 2—3 страницы оцѣнивается женщина. Дѣлая характеристику Минаевой, онъ говоритъ: «славная, добрая, русская душа...

---

*) Курсивъ мой.

И есть же только на Руси «не таковскія барыньки»—честныя, вѣрныя спутницы мужа, воспитательницы нужныхъ России людей» (стр. 93). И вотъ этой-то «вѣрной мужу», «не таковской», ничто не мѣшаетъ обниматься, много разъ звонко, крѣпко, горячо цѣловаться со Скобелевымъ и пить вино въ общей залѣ и въ отдѣльномъ кабинетѣ...

Какое своеобразное представленіе у Скобелева о русской женщинѣ! О послѣднемъ же разговорѣ Скобелева съ Юдиѳью лучше умолчать. Удивительно то, что все это исходитъ отъ автора, который считаетъ должнымъ бороться противъ похожденій на сценѣ *самки* и *самца* (стр. 5).

Всей белеберды автора въ этомъ произведеніи не переберешь. Историческіе выкрики его героевъ прямо приводятъ въ удивленіе, да и самъ авторъ не имѣетъ яснаго, законченнаго представленія о томъ, что должны представлять изъ себя выводимыя имъ лица, напр., Баянъ, (стр. 11,—ординарецъ-тожъ арфистка).

Пьеса не продумана, не обработана, мѣстами наброшены лишь штрихи; удивляешся смѣлости автора, когда онъ, въ поискахъ эффектовъ и картинъ, отправляетъ режиссера и сценаріуса къ сценическимъ произведеніямъ другихъ авторовъ**), запретивъ, однако дѣлать какія либо измѣненія въ его произведеніи, предупредительно сдѣлавъ примѣчаніе: объ условіяхъ, сокращеніяхъ (?), рисункахъ (?)... «обращаться къ автору».

Корректура держана крайне небрежно: знаки препинанія разбросаны безъ толку, вслѣдствіе чего нѣкоторыя мѣста разбираются съ большимъ трудомъ. Оглавленіе не соотвѣтствуетъ тексту.

Изъ этого краткаго, далеко не полнаго разбора видно, насколько далекъ авторъ отъ поставленной себѣ цѣли сдѣлать своей пьесой театральное искусство нагляднымъ пособіемъ для народныхъ университетовъ и пособіемъ для изложенія исторической пропедевтики. Отъ души можно пожелать, чтобы подобныхъ пособій выходило бы изъ печати какъ можно меньше.

Изъ уваженія къ памяти русскаго героя искренно пожелаемъ, чтобы авторъ возможно скорѣе измѣнилъ заглавіе пьесы, выбросилъ бы изъ текста послѣдней имя любимаго народнаго героя, или же поставилъ его въ подобающую ему обстановку.

Если бы кто либо рѣшился поставить эту пьесу въ настоящемъ ея видѣ, то присутствіе на такомъ зрѣлищѣ военныхъ, особенно нижнихъ чиновъ, нужно было бы признать безусловно вреднымъ.

П. Ж-въ.

**) Оперы: Зигфридъ, Паяцы; пьесы: «Сраженіе», «1812», «Желѣзная дорога» и т. п...; даже «музыка играетъ соотвѣтствующіе (?) мотивы».

II.

Н. Полонская, (подъ ред. проф. Довнаръ Запольскаго). **Историко-Культурный Атласъ по Русской Исторіи**, съ объяснительнымъ текстомъ. Изд. В. С. Кульженко.

3 выпуска, Кіевъ, 1913—1914 г.г. 54+60+54 стр.+XLII+XL+XXXIX таблицъ.

Цѣна: 2 руб. за выпускъ.

Уже давно назрѣла потребность въ историко-культурномъ атласѣ. Этой потребности вполнѣ удовлетворяютъ первые три выпуска Атласа Н. Д. Полонской. Въ предисловіи къ первому выпуску, обнимающему древности славянскія и не славянскія, редакція указываетъ на инстинктивный интересъ, который проявляетъ дѣтство и юность къ предметамъ старины, особенно родной. Эти стремленія безспорно найдутъ себѣ удовлетвореніе при изученіи матеріала атласа въ предлагаемой редакціей системѣ.

Какъ въ первомъ выпускѣ, такъ и во второмъ (Московская и Юго-Западная Русь) и въ третьемъ (съ Петровской эпохи по XIX вѣкъ) авторомъ очень удачно сгрупированъ матеріалъ, а выборъ рисунковъ сдѣланъ очень тщательно. Выполненіе таблицъ, какъ и всегда у г. Кульженко, отличается добросовѣстностью.

Въ общемъ, атласъ г-жи Полонской представляетъ собой цѣнную работу для нашей школы и для самообразованія.

Незначительные недочеты (какъ напр., отсутствіе хронологическихъ указаній къ древнѣйшимъ культурамъ и друг.) относятся къ такимъ пробѣламъ, которые легко могутъ быть заполнены во второмъ изданіи, въ которомъ, несомнѣнно, вскорѣ встрѣтится надобность. Нельзя не отмѣтить умѣренности назначенной за выпуски цѣны: это облегчитъ распространеніе такого полезнаго и, въ данное время, незамѣнимаго изданія.

Н. Н.

III.

Г. Габаевъ, Исторія Лейбъ-Гвардіи Сапернаго Баталіона. Введеніе и часть I-я. 1700—1812—1813 г.г.

СПБ., 1912. LIV+239+IV стр.

Тѣ, которые ознакомились съ подготовительной работой Г. Габаева: «Сто лѣтъ службы Гвардейскихъ Саперъ», выпущенной ко дню празднованія столѣтняго юбилея Л.-Гв. Сапернаго Баталіона (27 декабря 1912 г.),—

съ нетерпѣніемъ поджидали выхода въ свѣтъ перваго тома полной исторіи Баталіона. Въ наши дни т. наз. полковая историографія все еще обрѣтается въ состояніи, близкомъ, судя по нѣкоторымъ трудамъ, къ наивно—младенческому, поэтому появленіе такого серьезнаго труда, какъ Исторія Л.-Гв. Сапернаго Баталіона Г. Габаева будетъ встрѣчена всѣми интересующимися успѣхами нашей военно-исторической науки съ радостью.

Несомнѣнно тѣ голоса, которые послѣднее время раздаются противъ «загроможденія» полковыхъ исторій «излишнимъ» матеріаломъ, и здѣсь захотятъ посѣтовать на автора за обширность поставленной имъ себѣ задачи.

Однако, нужно сознаться, что Г. Габаевъ великолѣпно съ ней справляется. Его краткая исторія представляетъ собой не только памятку для нижн. чина: это работа, которая принесетъ пользу и любому офицеру. Въ ней очень удачно использованъ матеріалъ, а иконографическая часть подобрана съ обычнымъ автору искусствомъ.

Въ полной исторіи, первый томъ которой охватываетъ XVIII вѣкъ и возникновеніе баталіона (1812—1813 годы), Г. Габаевъ особенно добросовѣстно и кропотливо прослѣдилъ прошлое тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ составился Гвардейскій Саперный баталіонъ. Кропотливость автора соединяется съ легкостью изложенія, и обиліе матеріала не отпугиваетъ читателя. Первый томъ труда создаетъ цѣльное впечатлѣніе и въ полномъ смыслѣ слова *вводитъ* насъ въ исторію баталіона.

Нужно искренно порадоваться появленію труда Г. Габаева. Эта работа представляетъ собою выдающееся явленіе среди нашихъ «полковыхъ исторій» и несомнѣнно обогатитъ ту серьезную часть этихъ работъ, которая еще, къ сожалѣнію, не такъ обширна. Распространенія этой прекрасной книги не только среди инженерныхъ войскъ, но и въ офицерскихъ библіотекахъ всѣхъ родовъ оружія—мы искренно желаемъ. Изученіе ея несомнѣнно разовьетъ вкусъ и интересъ къ серьезнымъ изслѣдованіямъ военно-историческаго характера.

Н. Н.

Редакторъ журнала «Военно-Историческій Вѣстникъ» **Н. Ф. Наркевичъ.**

съ нетерпѣніемъ поджидали выхода въ свѣтъ перваго тома полной исторіи Батальона. Въ наши дни т. наз. полковая исторіографія все еще обрѣтается въ состояніи, близкомъ, судя по нѣкоторымъ трудамъ, къ наивно-младенческому; поэтому появленіе такого серьезнаго труда, какъ Исторія Л.-Гв. Саперного Батальона Г. Габаева будетъ встрѣчено всѣми интересующимися успѣхами нашей военно-исторической науки съ радостью.

Несомнѣнно тѣ голоса, которые послѣднее время раздаются противъ «злоупотребленія» полковыхъ исторій «излишнимъ» матеріаломъ, и здѣсь захотятъ посѣтовать на автора за обширность поставленной имъ себѣ задачи.

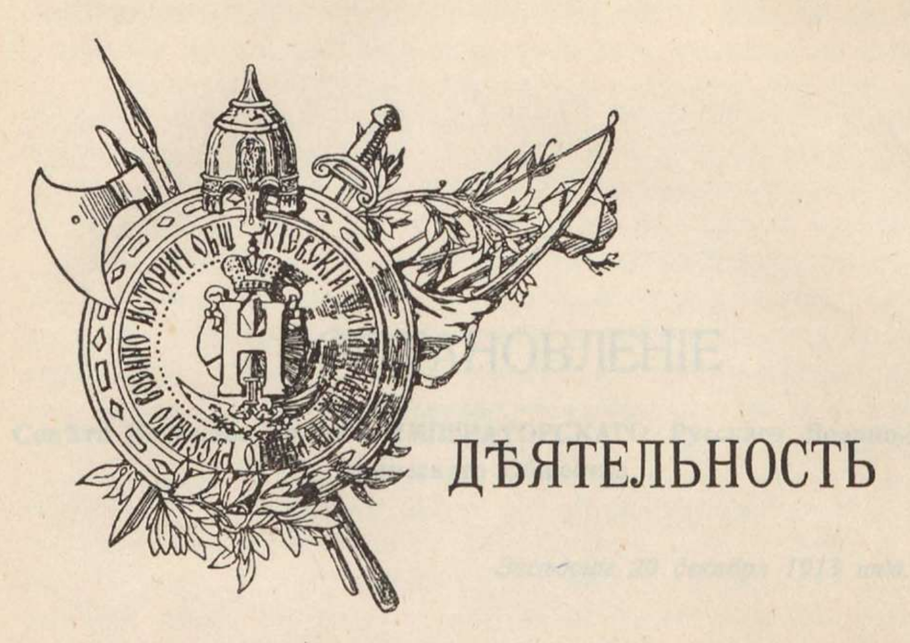
Однако, нужно сознаться, что Г. Габаевъ великолѣпно съ ней справляется. Его краткая исторія представляетъ собой не только памятку для нижнихъ чиновъ: это работа, которая принесетъ пользу и любому офицеру. Въ ней очень удачно использованъ матеріалъ, а иконографическая часть подобрана съ обычнымъ автору искусствомъ.

Въ полной исторіи, первый томъ которой охватываетъ XVIII вѣкъ и возникновеніе батальона (1812—1813 годы), Г. Габаевъ особенно добросовѣстно и исчерпывающе прослѣдилъ прошлое тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ составился Гвардейскій Саперный батальонъ. Кропотливость автора соединяется съ легкостью изложенія, и обиліе матеріала не отягчаетъ читателя. Первый томъ труда создаетъ цѣльное впечатлѣніе и въ полномъ смыслѣ слова вводитъ насъ въ исторію батальона.

Нужно искренно порадоваться появленію труда Г. Габаева. Эта работа представляетъ собою выдающееся явленіе среди нашихъ «полковыхъ исторій» и несомнѣнно обогатитъ ту серьезную часть этихъ работъ, которая еще, къ сожалѣнію, не такъ обширна. Распространенія этой прекрасной книги не только среди инженерныхъ войскъ, но и въ офицерскихъ библіотекахъ всѣхъ родовъ оружія—мы искренно желаемъ. Изученіе ея несомнѣнно разовьетъ вкусъ и интересъ къ серьезнымъ изслѣдованіямъ военно-историческаго характера.

Н. Н.

Редакторъ журнала «Военно-Историческій Вѣстникъ» Н. Ф. Нарцевъ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

КІЕВСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАГО

ОБЩЕСТВА.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ

Совѣта Кіевскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Военно-Историческаго Общества.

Засѣданіе 20 декабря 1913 года.

Предсѣдательствовалъ генералъ-адъютантъ *Н. І. Ивановъ.*

Присутствовали: генералъ-адъютантъ *Ф. Ф. Треповъ,* академикъ *В. С. Иконниковъ,* генералъ-лейтенанты: *А. А. Зегеловъ, В. М. Драгомировъ,* генералъ-маіоры: *Д. П. Меньшовъ* и *П. И. Вербицкій,* полковникъ *С. Н. Крейтонъ,* капитанъ *Н. Ф. Наркевичъ* и приглашенный—статскій совѣтникъ *Н. В. Стороженко.*

Заслушано:

1. Предложеніе Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Военно-Историческаго Общества, отъ 26 марта сего года за № 233, разсмотрѣть и высказать мнѣніе о проектѣ инструкціи для мѣстныхъ отдѣловъ Общества.

Совѣтъ Отдѣла, въ засѣданіи 15 мая с. г., находя невозможнымъ высказаться объ этой инструкціи безъ подготовки къ этому, постановилъ напечатать ее и разослать всѣмъ членамъ Отдѣла при очередной книжкѣ «Военно-Историческаго Вѣстника», предоставивъ желающимъ высказать свое мнѣніе.

Къ нынѣшнему засѣданію Совѣта Отдѣла получены мнѣнія объ этой инструкціи членовъ Отдѣла: заслуженныхъ профессоровъ: В. С. Иконникова, В. З. Завитневича, дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. И. Мёрдера и отъ предсѣдателей Черниговскаго и Проскуровскаго Подотдѣловъ.

Постановлено: дабы составить должное представленіе объ отвѣтѣ, который надо дать Совѣту Общества по заключеніямъ, изложеннымъ В. С. Иконниковымъ, В. З. Завитневичемъ и А. И. Мёрдеромъ, отлитографиро-

вать записки ихъ по этому поводу и разослать всѣмъ членамъ Совѣта Отдѣла съ просьбою ознакомиться съ оными къ слѣдующему засѣданію Совѣта.

2. Письмо Предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Военно-Историческаго Общества отъ 21 минувшаго ноября за № 609—Предсѣдателю Отдѣла, съ препровожденіемъ Инструкціи по административной дѣятельности Совѣтовъ мѣстныхъ Отдѣловъ Общества для точнаго руководства въ дѣлопроизводствѣ Совѣта Отдѣла.

Постановлено: Инструкцію по административной дѣятельности Совѣтовъ принять къ руководству въ дѣлопроизводствѣ Совѣта, самую-же инструкцію отлитографировать и разослать членамъ Совѣта для ознакомленія въ подробности, вмѣстѣ съ общею инструкціей, означенной въ предыдущемъ параграфѣ.

3. Письмо Предсѣдателю Отдѣла отъ Б. И. Ханенко, отъ 19 іюля за № 75, о размѣрѣ платы, причитающейся за отопленіе, водоснабженіе, канализацію и содержаніе дворниковъ и ночнаго сторожа, на долю помѣщенія, предоставленнаго Военно-Историческому Музею въ зданіи Кіевскаго Городскаго Музея ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II-го.

Б. И. Ханенко сообщаетъ, что Управленіе Городскаго Музея признало возможнымъ понизить эту плату за 1913 годъ до 180 руб., вмѣсто взимавшихся до сего времени 216 руб. въ годъ,—впредь-же распоряженіе помѣщеніями Городскаго Музея будетъ зависѣть отъ Министерства Торговли и Промышленности, въ вѣдѣніе котораго переходитъ музей.

Постановлено: благодарить Б. И. Ханенко за пониженіе Военно-Историческому Музею платы, относительно-же дальнѣйшаго пользованія Музеемъ помѣщеніемъ въ Городскомъ Музеѣ, по возможности, безплатно, просить Совѣтъ Общества о ходатайствѣ у Министра Торговли и Промышленности.

4. Сообщеніе Начальника Артиллеріи Кіевскаго военнаго округа, отъ 20-го сентября за № 16497 о послѣдовавшемъ постановленіи Военнаго Совѣта объ отпускѣ безвозмездно изъ Кіевскаго артиллерійскаго склада 450 пудовъ лома латуни въ стрѣлянныхъ гильзахъ на сооруженіе въ Кіевѣ памятника Кочубею и Искрѣ, съ тѣмъ, чтобы пріемъ и вывозъ означеннаго металла былъ произведенъ безъ расхода для казны.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію, такъ какъ по докладу Предсѣдателя Комитета по сооруженію памятника Н. В. Стороженко, 450 пудовъ латуни изъ Кіевскаго артиллерійскаго склада уже приняты.

5. Штабъ Кіевскаго военнаго округа 12 сего декабря положилъ отпустить безвозмездно изъ Кіевскаго артиллерійскаго склада 76 пѣх. Ку-

банскому полку на устройство памятника-бюста генералиссимусу Суворову 55 пуд. лома латуни въ стрѣлянныхъ гильзахъ, съ тѣмъ, чтобы прiемъ и перевозка этой латуни были произведены безъ расходовъ для казны.

Постановлено: сообщить объ этомъ командиру 76 пѣх. Кубанскаго полка въ отвѣтъ на его представленiе, отъ 8 iюля сего года за № 3956, и просить сообщить Отдѣлу положенiе дѣла о постановкѣ означеннаго памятника-бюста.

6. Кiевскiй, Подольскiй и Волынскiй Генералъ-Губернаторъ 10 iюля за № 7164, въ отвѣтъ на просьбу о порученiи авторитетному лицу изслѣдовать въ г. Могилевѣ-Подольскомъ найденный тамъ скелетъ допотопнаго животнаго, сообщилъ, что изслѣдованiе произведено профессоромъ университета Св. Владимiра Армашевскимъ, признавшимъ, что найденныя кости принадлежатъ мамонту и что находка эта особенно важнаго научнаго значенiя не имѣетъ. Хранитель музея С. Н. Крейтонъ доложилъ, что часть костей доставлена въ Военно-Историческiй Музей, гдѣ хранится для обозрѣнiя.

Постановлено: принять это къ свѣдѣнiю.

7. Предсѣдатель Проскуровскаго Подотдѣла, генералъ-лейтенантъ Н. А. Орловъ, при письмѣ отъ 30 ноября за № 24 представилъ Предсѣдателю Отдѣла копiю съ протокола засѣданiя, состоявшагося въ Подотдѣлѣ 19 ноября, 1) о реставрацiи памятника Уральскаго полководца Якова Акутина въ сел. Сарацеѣ, Балтскаго уѣзда; фотографiи съ памятника будутъ препровождены въ Отдѣлъ и Наказному Атаману Уральскаго казачьяго войска; 2) о содѣйствiи члену Отдѣла, священнику М. Е. Ястрембскому въ розыскѣ источниковъ о бывшихъ военныхъ поселенiяхъ, къ раiону которыхъ принадлежалъ Меджибожъ.—Въ томъ-же засѣданiи, Предсѣдатель Подотдѣла прочелъ рефератъ на тему: «Курсъ Русской Исторiи профессора Ключевскаго».

Постановлено: благодарить г.г. членовъ Проскуровскаго Подотдѣла, съ предсѣдателемъ, генералъ-лейтенантомъ Н. А. Орловымъ во главѣ онаго, за труды и твердо поставленное дѣло съ засѣданiями, протоколы которыхъ показываютъ большой интересъ къ нему.

8. Каневскiй уѣздный исправникъ, письмомъ отъ 9 августа за № 5253 просилъ Предсѣдателя Отдѣла, предложить предсѣдательствованiе въ Комитетѣ по сооруженiю памятника казакамъ, павшимъ въ 1637—1648 г.г. въ битвѣ подъ Корсунемъ, кому либо изъ постоянныхъ жителей этого мѣстечка, обязываясь съ своей стороны оказывать Комитету полное содѣйствiе.

Постановлено: просить Свѣтлѣйшую Княгиню О. В. Лопухину-Демидову, не приметъ ли она на себя трудъ образовать изъ членовъ, по своему

усмотрѣнію, Комитетъ для увѣковѣченія памяти казаковъ, павшихъ въ битвахъ за освобожденіе отъ польскаго ига.

9. Начальникъ Артиллеріи Кіевскаго военаго округа 31 октября с. г. за № 18294 сообщилъ, что по ходатайству Предсѣдателя Отдѣла, Начальникъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія разрѣшилъ передать Кіевскому Отдѣлу ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Военно-Историческаго Общества изъ библіотекъ бывшихъ Кіевскаго и Чугуевскаго учебныхъ артиллерійскихъ полигоновъ книги по приложенной вѣдомости.

Постановлено: просить начальниковъ полигоновъ о передачѣ означенныхъ книгъ, которыя и принять въ библіотеку Отдѣла, отнеся на суммы Отдѣла перевозку ихъ; списокъ принятыхъ книгъ напечатать въ «Военно-Историческомъ Вѣстникѣ».

10. Докладъ о суммахъ Отдѣла: Ревизіонная коммиссія Отдѣла, подъ предсѣдательствомъ генералъ маіора К. С. Новогребельскаго, въ составѣ членовъ: дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. И. Мёрдера, полковника С. Н. Крейтона и П. Н. Андреева, провѣривъ 4, 6 и 29 іюля сего года денежную отчетность и суммы Отдѣла за 1911 и 1912 г.г.,— журналомъ, составленнымъ о результатѣ провѣрки, удостовѣрила, что приходъ и расходъ суммъ, въ общемъ, показанъ правильно, частичныя же ошибки за эти два года сдѣланы въ нѣкоторыхъ итогахъ, и, для возстановленія истиннаго состоянія суммъ по отдѣламъ, слѣдуетъ перечислить въ отдѣлѣ на сооруженіе памятника Кочубею и Искрѣ изъ общаго отдѣла 1 руб. и изъ редакціонной суммы—50 коп. Съ этой поправкой, по удостовѣренію Ревизіонной Коммиссіи, должно состоять суммъ Отдѣла къ 1-му января 1913 года—11,960 руб. 18 коп., изъ коихъ суммъ Отдѣла 5,495 руб. 36 коп., на памятникъ Кочубею и Искрѣ—5,964руб. 82 коп. и на «Историческій путь»—500 руб.

Изъ суммъ Отдѣла выданы были по 1-е января сего года на текущіе расходы авансы, всего 2,010 руб. 1 коп., при чемъ авансы эти правильно, согласно утвержденной постановленіемъ Совѣта 28 апрѣля 1912 года инструкціи для веденія отчетности Отдѣла, не выписаны въ расходъ, а считаются состоящими въ суммахъ, впредь до представленія оправдывающихъ расходъ счетовъ, за прежнее-же время, показаны по отчетности расходныя статьи объ авансахъ, выписанныхъ въ расходъ безъ оправдательныхъ документовъ; такихъ расходныхъ статей ревизіонная коммиссія отмѣтила за время до 1911 года на 1,160 руб. 50 коп. и за 1911 годъ на 174 руб., всего на сумму—1,334 руб. 50 коп.—Ревизіонная коммисія полагаетъ, что, въ виду перехода къ новому порядку счетоводства, слѣдуетъ всѣ эти выписанныя въ расходъ авансовыя выдачи записать обратно на приходъ и выписку въ расходъ произвести по документамъ о расходѣ ихъ.

Затѣмъ, Ревизіонная Коммиссія признала необходимымъ: 1) чтобы всѣ капиталы, имѣющіе спеціальное назначеніе, хранились каждый особо;

2) чтобы всякій приходъ денегъ сопровождался непремѣнно выдачею квитанцій; 3) чтобы приходные и расходные документы подшивались въ порядкѣ приходныхъ и расходныхъ статей, отдѣльно по приходу и отдѣльно по расходу; 4) чтобы выдача гонорара сотрудникамъ журнала производилась черезъ Редактора, который долженъ вести съ ними расчетъ.

Представляя Совѣту Отдѣла журналъ Ревизіонной Коммиссіи, Предсѣдатель Распорядительнаго Комитета доложилъ: 1) что въ настоящее время изъ числившихся къ 1-му января 1913 года авансовыхъ выдачъ на 2,010 руб. 1 коп., счеты уже покончены, согласно представленныхъ отчетовъ на 1,486 руб. 51 коп., остается не оправданныхъ документами авансовъ на 523 руб. 50 коп., изъ коихъ 23 руб. 50 коп. будутъ пополнены, 450 руб. выданы на составленіе описаніе Острожскаго замка и 50 руб. были отпущены на поѣздку въ Новгородъ-Сѣверскъ для описанія и снимковъ укрѣпленій; 2) что по прежнимъ выписаннымъ въ расходъ авансамъ на сумму 1334 руб. 50 коп.,—авансъ музейной коммиссіи на 450 руб. уже оправданъ; 511 руб. 21 коп. израсходованы на поѣздки членовъ Отдѣла и на снимки мѣстности въ Берестечкѣ и Бѣлгородкѣ; 385 руб. были выданы на расходы редакціи Военно-Историческаго Вѣстника и 8 руб. 29 коп. составляли авансъ на мелкіе расходы секретаря.

Постановлено: 1) при веденіи отчетности Отдѣла принять къ исполненію и руководству всѣ вышеприведенныя указанія Ревизіонной Коммиссіи; 2) изъ авансовъ, числившихся къ 1 января 1913 года, остающихся невыписанными въ расходъ: 450 руб. на описаніе Острожскаго замка и 50 руб. на описаніе Новгородъ-Сѣверска,—по первой суммѣ ожидать обѣщаннаго описанія, а вторую, 50 руб., теперь-же выписать въ расходъ, потому что она была выдана на совершеніе поѣздки и на производство снимковъ, которые и исполнены; три указанные Ревизіонною Коммиссіею неправильно выписанныя въ расходъ авансовыя выдачи за прежнее время записать на приходъ и по этимъ статьямъ теперь-же выписать въ расходъ 175 руб., какъ выданные на расходы лицамъ, уполномоченнымъ отъ Отдѣла на поѣздки въ м. Берестечко для описанія и снимковъ, а относительно остальныхъ 336 руб. 21 коп., израсходованныхъ на поѣздки, представить Совѣту болѣе подробную справку объ обстоятельствахъ выдачи ихъ; объ авансахъ Редакціи — 365 руб. и Секретарю — 8 руб. 29 коп. сдѣлать запросы о расходѣ ихъ.

11. Редакторъ Военно-Историческаго Вѣстника, капитанъ Н. Ф. Наркевичъ доложилъ, что въ текущемъ году изданіе журнала по программѣ, указанной въ постановленіи Совѣта отъ 21 декабря 1912 года, обошлось по счетамъ типографіи Окружного Штаба за печать трехъ книжекъ—1118 руб. 19 коп. (въ среднемъ 372 руб. 73 коп.) и 4-я книжка будетъ стоить около 360 руб., всего за годовое изданіе около 1480 руб.; расходъ по

редакціи, экспедиціи, корректурѣ и проч. до 500 руб.,— итого до 1980 руб. Журналъ печатался въ 1000 экземплярахъ.

При такихъ условіяхъ возможно по той-же программѣ продолжать изданіе въ 1914 году.

Въ Редакціи получено предложеніе напечатать библіографическій указатель по литературѣ объ Отечественной войнѣ, который желательно принять и напечатать или отдѣльно, 5-ю книгой журнала, или включить его въ матеріалъ 4-хъ книгъ.

Постановлено: изданіе Военно-Историческаго Вѣстника продолжать въ объемѣ, указанномъ въ постановленіи Совѣта отъ 21 декабря 1912 года и не увеличивая числа книгъ, такъ какъ и при этихъ условіяхъ подписныхъ денегъ недостаточно на изданіе его.

12. Начальникъ Главнаго Штаба, генералъ отъ инфантеріи Михневичъ и Начальникъ Генеральнаго Штаба, генералъ отъ кавалеріи Жилинскій, по полученіи ими издаваемаго Отдѣломъ «Военно-Историческаго Вѣстника», письмами къ Предсѣдателю Отдѣла отъ 7 ноября и 2 декабря, просятъ принять благодарность за высылку журнала.

Постановлено: передать письма въ Редакцію журнала.

13. На обращеніе въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба о препровожденіи Отдѣлу на время, для снятія копіи, плана Кіева 1706 года, полученъ отвѣтъ отъ 26 октября сего года за № 15821, что, на основаніи приказа по Воен. Вѣд. 1903 года за № 37, выдача документовъ внѣ архивнаго помѣщенія воспрещается.

Постановлено: просить Совѣтъ Общества о содѣйствіи къ полученію Отдѣломъ копіи съ имѣющагося въ Военно-Ученомъ Архивѣ плана г. Кіева 1706 года.

14. На телеграмму, посланную 25 минувшаго ноября вр. и. д. Предсѣдателя Отдѣла, заслуженнымъ профессоромъ В. С. Иконниковымъ, Секретарю ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Военно-Историческаго Общества, генералъ-маіору Д. П. Струкову, съ привѣтствіемъ по случаю исполнившихся 25 лѣтъ его музейной дѣятельности, полученъ отвѣтъ Д. П. Струкова о его глубокой признательности за оказанное вниманіе.

15. Предсѣдатель Тамбовскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Военно-Историческаго Общества, генералъ-лейтенантъ Корбутъ, обратился къ Предсѣдателю Кіевскаго Отдѣла съ просьбою о принятіи его, генералъ-лейтенанта Корбута, съ 1914 года въ число дѣйствительныхъ членовъ Кіевскаго Отдѣла, такъ какъ съ выходомъ въ отставку онъ будетъ имѣть постоянное мѣсто жительства въ г. Кіевъ.

Постановлено: внести въ списокъ членовъ Отдѣла.

16. Главное Инженерное Управленіе, черезъ Начальника Инженеровъ Кіевской Крѣпости требуетъ дополнительныя свѣдѣнія къ представленію объ уступкѣ Отдѣлу участка земли: 1) какія постройки Отдѣлъ предполагаетъ возвести на этомъ участкѣ и на какія средства, а также, не понадобятся ли для исполненія строительныхъ работъ новыя пособія отъ казны, и 2) какими земельными участками и строеніями пользуются другіе Отдѣлы тогоже Общества.

Постановлено: дать отвѣтъ, что желательныя къ возведенію постройки, необходимыя для Отдѣла, подробно были поименованы въ сообщеніи Предсѣдателя Отдѣла Начальнику Инженеровъ Кіевской Крѣпости, отъ 17 мая сего года за № 222, въ отвѣтъ на запросъ ему Главнаго Инженернаго Управленія отъ 15 февраля с. г. за № 3535, а именно: помѣщенія для музея, библіотеки, архива, редакціи журнала и для засѣданій Совѣта Отдѣла и коммиссій.

Въ Отдѣлѣ имѣется уже Военно-Историческій музей, нынѣ крайне неудобно помѣщающійся въ подвальномъ этажѣ Городскаго музея, имѣются библіотека и архивъ, сложенные въ зданіи Кіевскаго артиллерійскаго склада, съ неудобнымъ доступомъ къ нимъ; имѣется Редакція издаваемаго Отдѣломъ журнала, номинально помѣщающаяся въ Штабѣ Кіевскаго военнаго округа, но, по тѣснотѣ его, не имѣющая тамъ даже отдѣльной комнаты, и, наконецъ, канцелярія Отдѣла числится въ зданіи, принадлежащемъ Обществу Краснаго Креста потому только, что тамъ уступили мѣсто для занятій одному наемному писцу, исполняющему переписку въ Отдѣлѣ. Между тѣмъ, всѣ эти учрежденія, образованныя при Отдѣлѣ, нуждаются въ соотвѣтствующихъ помѣщеніяхъ, и Отдѣлъ, обладая таковыми, могъ бы развить свою дѣятельность, объединивъ труды всѣхъ членовъ.

Прося земельный участокъ, Отдѣлъ, не возбуждалъ ходатайства о пособіи отъ казны на постройку зданій и не имѣлъ въ виду возможности таковаго ходатайства въ будущемъ, осуществленіе-же постройки нужныхъ ему помѣщеній предоставлялъ исключительно развитію успѣха дѣятельности Отдѣла, который, не получивъ никакихъ пособій, ни отъ казны, ни отъ Общества, Отдѣломъ котораго состоитъ, устроилъ и открылъ музей, пятый годъ издаетъ свой журналъ, произвелъ большія раскопки въ с. Бѣлгородкѣ и проч. Все это требовало очень большихъ затратъ, и какъ на это нашлись средства, благодаря сочувствію къ дѣлу состоятельныхъ членовъ Отдѣла, и особому содѣйствію Отдѣлу во всѣхъ его начинаніяхъ Попечителя музея, Кіевскаго Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора Ф. Ф. Трепова, такъ и въ отношеніи постройки помѣщеній для Отдѣла можно надѣяться, что, имѣя свой участокъ земли, Отдѣлъ постепенно, по мѣрѣ возможности, воспользуется имъ подъ помѣщенія для такихъ учрежде-

ній, какъ музей, архивъ и библіотека, редакція журнала интересъ къ которымъ не только членовъ Отдѣла, но и вообще лицъ, сочувствующихъ этимъ учрежденіямъ, выразится оказаніемъ Отдѣлу посильнаго содѣйствія. Нотакового содѣйствія можно ожидать, конечно, не ранѣе, какъ получивъ въ распоряженіе Отдѣла просимый участокъ земли.

Пользуются-ли земельными участками и строеніями другіе Отдѣлы ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Военно-Историческаго Общества,—свѣдѣній объ этомъ въ Кіевскомъ Отдѣлѣ не имѣется.

17. 8-го ноября сего года Совѣтъ Общества, сношеніемъ за № 586, просилъ Совѣтъ Отдѣла о неотложномъ сообщеніи списка состава Совѣта Отдѣла, какъ нынѣ дѣйствующаго, такъ и выбывшихъ членовъ его со дня образованія Совѣта, а равно и прочихъ должностныхъ лицъ Отдѣла, для разрѣшенія вопроса о присужденіи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныхъ 4 сего іюня нагрудныхъ знаковъ Общества. Просимый списокъ посланъ въ Совѣтъ Общества 22 ноября за № 262.

Постановлено: считать исполненнымъ.

18. Предсѣдатель Комитета по постройкѣ въ Кіевѣ памятника Кочубею и Искрѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. В. Стороженко, доложилъ Совѣту, что въ настоящее время вполнѣ закончены всѣ работы по сооруженію фундамента и основанія памятника; отливка фигуръ, имѣющихъ быть поставленными на гранитное основаніе, также, на заводѣ Морана въ С.-Петербургѣ, закончена, и остается только доставить ихъ въ Кіевъ и поставить на мѣсто. Возможно сдѣлать это теперь-же, но работы въ холодное время обойдутся дороже, а потому лучше было-бы отложить доставку и установку фигуръ до марта, а тогда и къ 1-му апрѣля памятникъ будетъ совершенно готовъ.

Комитетъ по постройкѣ памятника имѣетъ уже въ виду нѣсколько депутацій отъ земства и различныхъ учрежденій, заявившихъ желаніе принять участіе въ открытіи памятника, а потому, дабы имѣть время составить соображенія о порядкѣ освященія и открытія его, необходимо заранѣе рѣшить программу сего и составить списки для приглашеній.

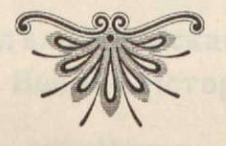
Постановлено: 1) окончаніе работъ по сооруженію памятника отложить до весны съ тѣмъ, чтобы освященіе и открытіе его можно было назначить въ маѣ 1914 года.

2) о томъ, что памятникъ будетъ готовъ къ означенному времени и что открытіе его предполагается въ маѣ, сообщить Кіевскому, Подольскому и Волынскому Генералъ-Губернатору, а вмѣстѣ съ тѣмъ, препровождая копію съ сего постановленія въ Совѣтъ Общества, просить, не послѣдуетъ ли съ его стороны какихъ либо указаній Кіевскому Отдѣлу относительно порядка открытія этого памятника и приложить, для свѣдѣнія Совѣта, копію съ

запроса Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба въ Штабъ Округа, отъ 10 апрѣля 1913 года за № 6393, изъ коего видно, что о сооруженіи памятника Кочубею и Искрѣ былъ сдѣланъ Церемоніймейстеромъ ВЫСОЧАЙШАГО Двора В. Н. Кочубеемъ, членомъ комитета по сооруженію памятника, Всеподданнѣйшій докладъ, по которому послѣдовало ВЫСОЧАЙШЕЕ одобреніе проекта памятника и повелѣніе принять этотъ памятникъ въ вѣдѣніе Военнаго вѣдомства.

Предсѣдатель Кіевскаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго
Военно-Историческаго Общества,
Генералъ-адъютантъ *Ивановъ*.

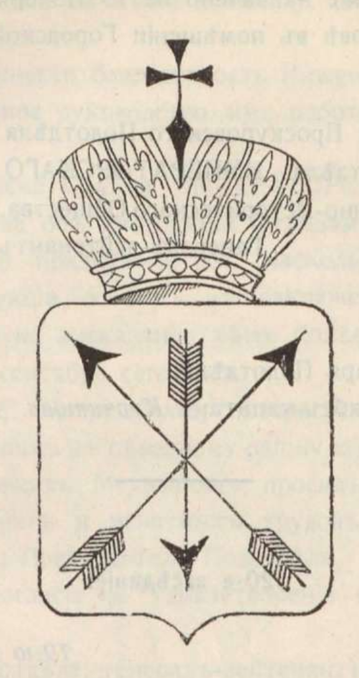
Предсѣдатель Распорядительнаго
Комитета, Генералъ-маіоръ *Меньшовъ*.

запроса Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба въ Штаб. Округа, отъ 10 апрѣля 1913 года за № 6393, изъ коего видно, что о сооруженіи памятника Кочубею и Искрѣ былъ сдѣланъ Церемоніймейстеромъ ВЫСОЧАЙШАГО Двора В. Л. Кочубеемъ, членомъ комитета по сооруженію памятника, Всеподданнѣйшій докладъ, по которому послѣдовало ВЫСОЧАЙШЕЕ одобреніе проекта памятника и повелѣніе принять этотъ памятникъ въ вѣдѣніе Военнаго Вѣдомства.

Предсѣдатель Кіевскаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго
Военно-Историческаго Общества,
Генералъ-адъютантъ *Ивановъ*.

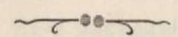
Предсѣдатель Распорядительнаго
Комитета, Генералъ-маіоръ *Мищенко*.

Гербъ города Проскурова.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

Проскуровскаго Подотдѣла Кіевскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Военно-Историческаго Общества.

ПРОТОКОЛЫ

засѣданій Проскуровскаго Подотдѣла.

19-е засѣданіе.

23-го сентября 1913 года.

Присутствовали: генералъ-маіоры: *В. А. Альфтанъ*, *В. И. Франковскій*, полковникъ *В. Т Харитоновъ*, протоіерей *Г. І. Сулима*, штабсъ-капитанъ *С. А. Курчатовъ*.

Протоколъ предыдущаго засѣданія принятъ.

Слѣдующее засѣданіе назначено на 19 Ноября сего года въ 7 часовъ вечера въ гор. Проскуровѣ въ помѣщеніи Городской Управы.

За Предсѣдателя Проскуровскаго Подотдѣла
Кіевскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО
Русскаго Военно-Историческаго Общества,
Генералъ-лейтенантъ *Альфтанъ.*

За Секретаря Подотдѣла,
Штабсъ-капитанъ *Курчатовъ.*

20-е засѣданіе.

19-го ноября 1913 года.

Присутствовали: генералъ-лейтенанты: *Н. А. Орловъ, А. М. Калединъ,* генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ *К. К. Кондрацкій,* генералъ-маіоръ *В. А. Альфтанъ,* полковники: *Г. И. Веневитиновъ, С. Н. Кулинскій* и *Е. П. Рыбальченко,* подполковникъ *Д. И. Норовъ, А. М. Норова,* протоіерей *Г. И. Сулима,* священникъ *М. Е. Ястрембскій,* капитанъ *Е. И. Бируля, Н. Ф. Бируля,* капитаны: *А. С. Ковальскій, П. Неeловъ,* штабсъ-капитанъ *С. А. Курчатовъ,* поручикъ *Н. П. Барановскій, З. В. Барановская,* поручики: *А. Ю. Бранкевичъ, Д. В. Измайловичъ* и *І. М. Подоляко.*

Доложено:

Сношеніе Помощника Начальника Днѣстровскаго Отдѣленія по 1 техническому участку за № 560, инженера *В. В. Имшенецкаго* о реставраціи памятника Уральскаго полководца Якова *Акутина.*

Постановлено: просить Инженера *Имшенецкаго* о присылкѣ еще трехъ фотографій съ реставрированнаго памятника, т. к. высланныя 2 фотографіи (1 малаго размѣра, другая средняго) желательно оставить въ Подотдѣлѣ.

По исполненіи просьбы, постановлено фотографическіе снимки представить Предсѣдателю Кіевскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Военно-Историческаго Общества, а также отправить Наказному Атаману Уральскаго казачьяго войска.

Постановлено: организовать экскурсію въ с. Сарацею, Балтскаго уѣзда для осмотра памятника Уральскаго полководца *Якова Акутина;* выра-

жено пожеланіе отслужить на мѣстѣ панихиду. Экскурсія намѣчена весной —послѣ 10 апрѣля.

Постановлено: принести благодарность Инженеру *В. В. Имшенецкому* за труды и безвозмездное руководство имъ работами по реставраціи упомянутаго памятника.

Разсмотрѣна записка Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Военно-Историческаго Общества объ инструкціи Отдѣламъ, при чемъ, по обмѣнѣ мнѣніями, постановлено придерживаться, насколько это достижимо для подотдѣла, этой инструкціи, особыхъ же заключеній, мнѣній и пожеланій г.г. членами Подотдѣла не высказано, тѣмъ болѣе, что срокъ доставленія таковыхъ истекъ 1-го сентября сего года.

Священникъ *М. Е. Ястрембскій,* интересующійся вопросомъ о бывшихъ военныхъ поселеніяхъ къ сѣверному раіону которыхъ, по словамъ М. Е. Ястрембскаго, принадлежалъ Меджибожъ, просилъ оказать содѣйствіе по предоставленію ему книгъ и печатныхъ трудовъ, въ коихъ упоминается объ этихъ поселеніяхъ. Предсѣдатель Подотдѣла, генералъ-лейтенантъ Н. А. Орловъ выразилъ согласіе на удовлетвореніе просьбы М. Е. Ястрембскаго.

Предсѣдатель Подотдѣла, генералъ-лейтенантъ Н. А. Орловъ, прочелъ рефератъ на тему «Курсъ Русской Исторіи профессора Ключевскаго».

По окончаніи реферата, присутствующіе единогласно выразили благодарность генералъ-лейтенанту Н. А. Орлову за рефератъ.

Слѣдующее засѣданіе назначено на вторникъ, 17-го декабря, въ 7 час. вечера въ зданіи Проскуровской Городской Управы.

21-е засѣданіе.

17-го декабря 1913 года.

Присутствовали: генералъ-лейтенантъ *Н. А. Орловъ,* полковникъ *Н. И. Казачинскій,* статскій совѣтникъ *А. Я. Цукерманъ,* членъ Проскуровской уѣздной земской управы *Н. Н. Анцыферовъ,* протоіерей *Г. И. Сулима,* капитанъ *Е. И. Бируля,* штабсъ-капитанъ *С. А. Курчатовъ.*

Штабсъ-капитанъ Курчатовъ прочелъ рефератъ на тему: «Англо-Русская экспедиція въ Голландію въ 1799 году и участіе въ ней Днѣпровскаго полка. При этомъ, въ настоящемъ засѣданіи, рефератъ сдѣланъ до начала первыхъ сраженій, а окончаніе реферата перенесено на слѣдующее засѣданіе.

Предсѣдатель Подотдѣла генералъ-лейтенантъ Н. А. Орловъ дополнилъ рефератъ разъясненіями наиболѣе интересныхъ эпизодовъ изъ названной

экспедиціи и подробно охарактеризовалъ дѣйствовавшихъ военно-начальниковъ.

Слѣдующее засѣданіе назначено на вторникъ, 11-го февраля 1914 г., въ зданіи Проскуровской Гогородской Управы.

Предсѣдатель Проскуровскаго Подотдѣла
Кіевскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО
Русскаго Военно-Историческаго Общества,
Генералъ-лейтенантъ *Орловъ*.

Секретарь Подотдѣла,
Капитанъ *Бируля*.

Редакторъ журнала «Военно-Историческій Вѣстникъ» **Н. Ф. Наркевичъ.**

Окрытое письмо

Общества взаимопомощи „Виленцевъ"

къ питомцамъ училища.

Господа, старые Виленцы!

Воспитавшее Васъ Училище переживаетъ въ этомъ году свое первое пятидесятилѣтіе незапятнанной службы Престолу и Родинѣ и вспомнитъ въ знаменательный день Святыхъ безсребренниковъ Косьмы и Даміана Вашу честную службу, давшую ему доброе имя.

Въ тотъ-же день Ваше Общество взаимопомощи закончитъ первое пятилѣтіе своей дѣятельности.

Сравнительно съ общимъ Вашимъ числомъ, лишь немногіе изъ Васъ соберутся въ родное училище сказать ему спасибо за воспитаніе, обученіе и подготовку къ офицерской Царской службѣ.

Отблагодарите же его къ тому дню Вашимъ откликомъ на этотъ призывъ и вступленіемъ въ ряды нашего общества. Капиталъ нашъ достигъ всего лишь 3288 руб. и многіе изъ нуждающихся въ помощи остаются безъ нея. Будьте же, во имя Святыхъ покровителей училища, «безсребренниками», вспомните утвержденный за нами Державной волей девизъ «къ высокому и свѣтлому знай вѣрный путь» и отзовитесь на голосъ нужды старыхъ Товарищей.

Нашъ членскій взносъ 2 р. въ годъ или 25 к. въ мѣсяцъ. Ознаменуйте юбилейный годъ поголовной записью въ члены общества. Соберитесь по полкамъ, спросите другъ у друга— кто отказывается отъ записи? Будемъ вѣрить, что ни одинъ Виленецъ не откажется отъ этой лепты, и капиталъ нашъ устроится! Благословятъ Васъ осиротѣлыя семьи, нуждающіеся, страждующіе, и скажетъ Вамъ спасибо родное училище за этотъ лучшій подарокъ, который Вы можете ему сдѣлать.

Въ ближайшіе дни ожидается утвержденіе нагруднаго знака училища, который будетъ разсылаться, ранѣе другихъ, членамъ общества взаимопомощи и явится знакомъ нашего истиннаго единенія въ благомъ и добромъ дѣлѣ.

Правленіе.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗДАНІЯ
Кіевскаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО
Русскаго Военно-Историческаго Общества.

1. **Грюнфельде-Танненбергъ.**
Юбилейный сборникъ статей членовъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Военно-Историческаго Общества. (Съ 4 планами и 16 иллюстраціями). Ц. **1** рубль.

2. **В. З. Завитневичъ.**
Религіозно-мистическій элементъ въ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Ц. **25** коп.

3. **И. М. Каманинъ.**
Битва казаковъ съ поляками подъ мѣстечкомъ Берестечкомъ въ 1651 году. (Съ планами и иллюстраціями). Ц. **25** коп.

4. **Г. Габаевъ.**
Роспись Русскимъ полкамъ 1812 г. (Съ иллюстраціями). Большой томъ въ худож. обложкѣ. Ц. **2** руб.

5. **Его-же.**
Артиллерійскія Понтонныя Депо и роты. 1797—1822 г.г. Ц. **50** к.

6. **Д. П. Ивковъ.**
Историческій Очеркъ Полевыхъ Инженерныхъ войскъ. (Съ 2-мя портретами и 22-мя приложеніями). Ц. **3** руб.

7. **Л. Л. Беннигсенъ.**
Письма о войнѣ 1812 г. Пер. съ франц. П. М. Майкова. Ц. **1** р.

8. **Ф. В. ф.-Лоссбергъ.**
Походъ въ Россію въ 1812 году. Переводъ съ нѣмец. Г. К. Карлсона. Съ планомъ театра войны. Ц. **1** р.

9. **И. Р. (Радожицкій).**
Походныя Записки Артиллериста. Война въ Россіи 1812 г. Ц. **1** р.

10. **П. Гейсманъ.**
Куликовская Битва 8 сент. 1380 г. Съ 7-ю план. и схем. Ц. **50** к.

11. **В. И. Гавриловъ.**
Воцареніе и царствованіе Дома Романовыхъ. Ц. **25** коп.

12. **А. И. Мёрдеръ.**
Древности Луцка. (Съ планомъ и иллюстраціями). Ц. **50** коп.

13. **Б. С. Стеллецкій.**
Клеванскій Замокъ. (Съ планомъ и иллюстраціями). Ц. **30** коп.

14. **Н. Наркевичъ.**
Мараѳонъ XIX вѣка. Съ планомъ Бородинской битвы. Ц. **40** к.

15. **Его-же.**
Крамола, разруха и воцареніе Романовыхъ. Ц. **20** коп.

16. **Е. Каменскій.**
Аустерлицкое сраженіе. (Съ планами и картами). Ц. **50** коп.

17. **Ю. Арсеньевъ.**
Дѣдиловъ и его уѣздъ въ военномъ отношеніи по неизданнымъ актамъ XVIII вѣка. Ц. **50** коп.

СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ:

Кіевъ, Банковая, 11.

Редакція „Военно-Историческаго Вѣстника“.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНІИ

ГАЗЕТЫ

„РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ“

и

ЖУРНАЛОВЪ

„ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“

и

„ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“

въ 1914 году.

Въ 1914 году издаваемые съ Высочайшаго соизволенія газета «Русскій Инвалидъ» и журналъ «Военный Сборникъ» будутъ выходить по прежнему: газета—**ежедневно**, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, журналъ—**ежемѣсячно**. При «Военномъ Сборникѣ» будутъ даны 4 книги «Военно-Историческаго Сборника».

Высочайше утвержденнымъ 23 сентября 1912 г. положеніемъ Военнаго Совѣта, объявленнымъ въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 5 октября за № 552, установлено, что *печатаемые въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ приказы по военному вѣдомству и циркуляры Главнаго Штаба* **принимаются къ руководству со времени полученія въ частяхъ и учрежденіяхъ названной газеты.**

«Русскій Инвалидъ» сообщаетъ главныя оффиціальныя извѣстія и слѣдитъ за многосторонними текущими событіями въ военномъ мірѣ, а также за всѣми явленіями, имѣющими интересъ для служащихъ военнаго и морского вѣдомствъ. «Военный Сборникъ» посвящаетъ свои страницы всесторонней разработкѣ военнаго дѣла. «Военно-Историческій Сборникъ» имѣетъ задачей давать матеріалъ по исторіи Русской Арміи.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ, **Литейный, уголъ Пантелеймонской, № 21. Телефонъ 672.**

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На „Русскій Инвалидъ“.

Въ Россіи:	р.	к.		За границей:	р.	к.	
На годъ	**9**	—	Съ доставкою въ Петербургѣ и съ пересылкою иногород.	На годъ	**15**	—	Съ пересылкою.
« 11 мѣсяцевъ	**8**	**50**		« 11 мѣсяцевъ	**14**	—	
« 10 «	**8**	—		« 10 «	**13**	—	
« 9 «	**7**	**50**		« 9 «	**12**	—	
« 8 «	**7**	—		« 8 «	**11**	—	
« 7 «	**6**	**50**		« 7 «	**10**	—	
« 6 «	**5**	**75**		« 6 «	**9**	—	
« 5 «	**5**	—		« 5 «	**8**	—	
« 4 «	**4**	**25**		« 4 «	**6**	**50**	
« 3 «	**3**	**25**		« 3 «	**5**	—	
« 2 «	**2**	**25**		« 2 «	**3**	**50**	
« 1 «	**1**	**25**		« 1 «	**2**	—	

Подъ годовой подпиской надлежитъ разумѣть подписку съ 1-го января по 1-е января слѣдующаго года. Подписка на сроки менѣе года принимается лишь на цѣлые мѣсяцы, съ 1-го числа каждаго мѣсяца, не далѣе конца года.

На „Военный Сборникъ“ съ „Военно-Историческимъ Сборникомъ“

принимается по прежнему *только годовая подписка*, съ тою же платою въ годъ: внутри Россіи **6** рублей съ пересылкою (въ С.-Петербургѣ съ доставкою на домъ), за границу **8** рублей съ пересылкой; *на срокъ менѣе года и отдѣльно* на «Военно-Историческій Сборникъ» подписка не принимается.

Объ изданіи
„Артиллерійскаго Журнала“
въ 1914 году.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, „**Артиллерійскій Журналъ**“ будетъ издаваться съ цѣлью доставить г.г. офицерамъ возможность слѣдить за развитіемъ артиллерійскаго дѣла у насъ и въ иностранныхъ арміяхъ.

Программа журнала: 1) неофиціальный отдѣлъ, въ которомъ будутъ помѣщаться самостоятельныя и переводныя съ иностранныхъ языковъ статьи, относящіяся къ теоріи, техникѣ и практикѣ артиллеріи, 2) официальный отдѣлъ, который будетъ заключать: а) извлеченія изъ журналовъ Артиллерійскаго Комитета объ исполненныхъ или предположенныхъ измѣненіяхъ въ разныхъ отрасляхъ нашего артиллерійскаго дѣла, б) циркуляры Главнаго Артиллерійскаго Управленія, относящіеся до матеріальной части, измѣненій въ положеніяхъ и штатахъ и т. п.

„Артиллерійскій журналъ“ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками въ объемѣ отъ 10 до 15 печатныхъ листовъ въ каждой, съ чертежами и политипажами.

Подписка на „Артиллерійскій Журналъ“ принимается въ конторѣ Редакціи: С.-Петербургъ, Фурштадтская ул., д. № 21.

Во избѣжаніе недоразумѣній, Редакція проситъ артиллерійскія части, выписывающія журналъ, высылать деньги за журналъ непосредственно въ Редакцію, а не черезъ комисіонеровъ.

Подписная цѣна на годовой экземпляръ „Артиллерійскаго Журнала“ остается прежняя; по *семи рублей* съ пересылкой внутри Россіи и доставкой на домъ городскимъ подписчикамъ, а за границу *девять рублей*.

Редакція проситъ г.г. иногороднихъ подписчиковъ, при высылкѣ требованій на журналъ, четко подписывать свое званіе и фамилію и непремѣнно означать ту почтовую контору, на которую должны быть высылаемы книжки журнала; при перемѣнѣ же адреса извѣщать объ этомъ Редакцію.

Редакторъ, генералъ-отъ-артиллеріи *Ермолаевъ*.

1914.

„ДРУГЪ ЖИВОТНЫХЪ"

ежемѣсячный журналъ.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой **2** рубля. Для членовъ Московскаго отдѣла О-ва покр. жив.—**1** рубль

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

РЕДАКЦІЯ ЖУРНАЛА помѣщается: Москва, М. Дмитровка, домъ **33**, Шольцъ. Телефонъ 60-57.

Она открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 до 2 час. дня; для личныхъ же объясненій съ редакторомъ еженедѣльно, по субботамъ, отъ 7 до 8 час. вечера.

Статьи безъ обозначенія гонорара считаются безплатными.

Уплата гонорара производится по напечатаніи статьи.

На отвѣты редакціи и обратную пересылку рукописей должны быть приложены марки.

Заявленія объ отдѣльныхъ оттискахъ должны быть сдѣланы одновременно съ пересылкой рукописи въ редакцію.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **20** коп. почтовыми марками.

Перемѣна адреса должна быть сообщена въ контору редакціи, не позже 1-го числа каждаго мѣсяца.

Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣта.

Редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ, кто болѣе или менѣе заинтересованъ въ усовершенствованіи этого журнала, присылать по вышеуказанному адресу свои замѣчанія и предложенія, которыя будутъ приниматься съ большой благодарностью, а равнымъ образомъ возбуждать вопросы, вытекающіе изъ содержанія журнала, съ тѣмъ, чтобы въ послѣднемъ отъ редакціи помѣщались своевременно должные отвѣты.

VII-й годъ. | Подписка на 1914 годъ (съ 1-го декабря 1913 года) | VII-й годъ.

на богато иллюстрированный журналъ

„Семья Охотниковъ“,

посвященный всѣмъ видамъ охоты.

Органъ Спеціальнаго Отдѣленія псовой охоты при Московскомъ Обществѣ Охоты имени Императора Александра II.

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ, ВЪ ОРИГИНАЛЬНОЙ ОБЛОЖКѢ.

24 №№ и ПРЕМІЯ | Допускается подписка по четвертямъ года и по полугодіямъ (1 р. 25 к. и 2 р. 50 к.). | **4 руб. 50 коп.**

Въ журналѣ принимаютъ участіе лучшія силы Охотничьей Литературы.

Подписчики журнала получатъ БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ: книгу «Охотничья энциклопедія», сост. по типу изв. книги «Легавыя собаки и Охотничье оружіе».

При доплатѣ 1 руб. подписчики журнала „Семья Охотниковъ“ получатъ 12 №№ рыболовнаго журнала

„Другъ Рыболова“,

издаваемаго при ближайшемъ участіи **И. Н. Комарова, академика К. А. Коровина, Е. Е. Милодіева, В. Н. Нагорнова, И. Т. Плетенева, бар. П. Г. Черкасова, Ф. И. Шаляпина,** и друг.

Журналъ будетъ выходить каждое 15-е число, въ видѣ изящной тетради не менѣе 16-ти стр. текста, съ рисунками каждый.

Отдѣльная отъ журнала «Семья Охотниковъ» подписка на каждый журналъ «Другъ Рыболова» принимается по 2 руб. въ годъ, на 1/2 года 1 руб. 10 коп.

Въ новомъ подписномъ году всѣ отдѣлы будутъ значительно расширены, о всѣхъ наиболѣе яркихъ событіяхъ въ охотничьей жизни (выставки, полевыя испытанія, садки и проч.) будутъ помѣщаться самые подробные отчеты, иллюстрированные фотографическими снимками. Списокъ сотрудниковъ, помѣщ. въ №№ 1 и 2, самъ по себѣ говоритъ за то, что журналы будутъ широко обслуж. интересы всѣхъ видовъ охоты.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ 1913 г. журналы въ теченіе 1-го полугодія будутъ высылаться БЕЗПЛАТНО.

Подписка на журналы принимается въ редакціи:

МОСКВА, Сокольники, Камеръ-Коллежскій валъ, домъ 4, кв. 6 (временный адресъ) (Телефонъ 1-96-37), во всѣхъ лучшихъ оружейныхъ и книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и во всѣхъ почтов. учрежденіяхъ Имперіи.

Подробности въ пробномъ №, который высылается за 14 коп. марками, засчитываемыя при подпискѣ.

Редакторъ-Издатель **Влад. Сатинскій.**

См. слѣд. страницу.

Годъ изданія VI. * 1914 * 4 раза въ годъ.

„ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ * * * * * * ВѢСТНИКЪ“.

(Изд. при Кіевск. Отд. ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Военно-Историческаго Общества).

Въ 1914 году „Военно-Историческій Вѣстникъ“ выйдетъ 4-мя книжками, въ 8 лист. каждая.

ПРОГРАММА: 1) Статьи по исторіи военнаго дѣла, какъ общаго характера, такъ и спеціальныя, посвященныя исторіи развитія военной техники (съ картами, схемами и фотографіями). 2) Статьи по историческому изслѣдованію тѣхъ сторонъ общественной жизни страны, которыя имѣли непосредственное вліяніе на военную ея исторію. 3) Изданіе документовъ и описаніе памятниковъ (съ иллюстраціями), находящихся по преимуществу въ раіонѣ дѣятельности Кіевскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Военно-Историческаго Общества и имѣющихъ отношеніе къ военной исторіи. 4) Военно-историческая хроника. 5) Библіографія. 6) Смѣсь. 7) Внутренняя жизнь ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Военно-Историческаго Общества, вообще, и Кіевскаго Отдѣла, въ частности. 8) Объявленія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Подписная плата **понижена**: 5 руб. въ годъ, съ доставкой и пересылкой. За границу—9 рублей. Допускается разсрочка отъ 50 коп. въ мѣсяцъ. Для г.г. служащихъ подписка принимается черезъ казначеевъ, по желанію, съ разсрочкой. Можно подписываться во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

УСЛОВІЯ ПРІЕМА ОБЪЯВЛЕНІЙ: Объявленія принимаются для печатанія ихъ послѣ текста, за плату: цѣлая страница—15 р., 1/2 стр.—8 р., 1/4 стр.—4 р. На 3 и 4 стран. обложки—на 25% дороже.

Редакція: Кіевъ. Банковая, 11.

Редакторъ: *Н. Ф. Наркевичъ.*

Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 50 к.

Редакторъ журнала «Военно-Историческій Вѣстникъ» **Н. Ф. Наркевичъ.**

Кіевъ, тип. Окружнаго Штаба.

